

Психопедагогика в правоохранительных органах № 1(28) 2007

Материалы, опубликованные в данном номере, поступили в 2006 г.

Главный редактор

А. Ф. Караваев г. Омск

Редакционная коллегия

В. Г. Асеев	г. Иркутск
Г. Д. Бабушкин	
зам. гл. редактора	г. Омск
Б. Б. Булатов	г. Омск
В. В. Векленко	г. Омск
В. В. Гоголева	г. Санкт-Петербург
А. В. Дулов	г. Москва
А. Т. Иваницкий	г. Санкт-Петербург
Т. Н. Кильмашкина	г. Москва
И. О. Котенев	г. Москва
И. Б. Лебедев	г. Москва
А. Г. Маклаков	г. Санкт-Петербург
М. И. Марьин	г. Москва
Н. И. Мягких	г. Москва
А. А. Нечепуренко	г. Омск
Ю. Ф. Подлипняк	г. Москва
В. М. Поздняков	г. Москва
В. И. Постоев	г. Москва
А. В. Прозоров	г. Калининград
В. Е. Петров	г. Москва
В. Ю. Рыбников	г. Санкт-Петербург
А. И. Скрышников	г. Москва
В. Н. Смирнов	г. Москва
И. Н. Сорокотягин	г. Екатеринбург
А. Н. Сухов	г. Рязань
В. Г. Третьяк	г. Краснодар
П. Т. Тюрин	г. Рига
В. И. Филиппенко	
зам. гл. редактора	г. Омск
В. Л. Цветков	г. Москва
Е. П. Щербаков	
отв. секретарь	г. Омск
Д. В. Четвериков	г. Омск
В. М. Ялтонский	г. Москва

Редактор	Л. И. Замулло
Корректоры	М. В. Виноградова, Л. Н. Макарова
Компьютерная верстка	Л. А. Янцен
Компьютерная правка	Ю. Д. Афанасьевой

Адрес редакции: Россия, 644092, г. Омск,
пр. Комарова, 7, ОМА МВД России, каб. 152
Телефоны: 8(3812) 75-13-04, 75-04-96
факс 750-560
телетайп 216300 ("Лань")
e-mail: karavaev@omamvd.ru

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № Г-01412 от 25 декабря 1997 г.
ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.
Подписано в печать 00.00.2007 г. Тираж 500 экз.
Уч.-изд. л. 00,0. Усл. печ. л. 00,0. Заказ № 00

Издательство Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2007

Содержание

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Смирнов В. Н. Организационная культура спецподразделений ОВД	3
Бондаренко Т. А. Престиж профессии и стереотип восприятия сотрудника ФСИН	8
Зверев В. О. К проблеме переговоров в условиях захвата заложников	10

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Акентьев П. В. Психическая работоспособность следователей, занимающихся расследованием экономических преступлений	13
Портнягина Н. Ю., Оточина И. А. Разработка программы психологической подготовки резерва кадров на выдвижение	15
Першин А. Н., Ефимкина Н. В. Практика определения лжи следователем	19
Каллистратова Е. Е. Психологическая и профессиональная подготовка сотрудников УИС	21
Селезнев Ю. В., Бабушкин Г. Д. Содержание и методика профессионально-прикладной психофизической подготовки курсантов – будущих пожарных	23
Копылова Т. В. О профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы	27

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Чижакова Г. И., Купчигина И. М. Изучение профессиональной культуры сотрудников ОВД	30
Шмыков В. И. Проблема психической устойчивости и профессиональной адаптации выпускников юридических вузов МВД России	35
Караваев А. Ф., Протасов В. А., Дахневич В. В., Протасова Л. П. Проявление индивидуальности обучаемых в процессе профессиональной подготовки	38

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

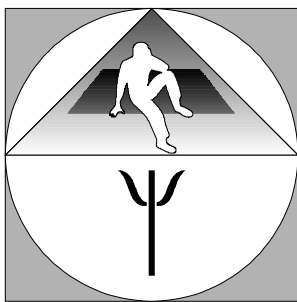
Заурова Э. В. Развитие творческих способностей курсантов в процессе обучения	41
--	----

Казак Т. В., Лобанов Е. А. Личностные особенности абитуриентов учебных учреждений системы МВД: проблемы профориентации43	ПСИХОЛОГИЯ
Адушкина И. Б. Понятие и модель применения тренинговой психотехнологии в учебных группах с деструктивными взаимоотношениями45	ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ	Костина Л. Н. Психолого-криминологические особенности преступных групп несовершеннолетних61
Китаев-Смык Л. А. Стресс мирного населения при введении «ограниченного воинского контингента»49	Тюрин П. Т. Психологические аспекты раскрытия сексуальных преступлений над детьми64
Богданчиков С. А., Иванов Л. Н. Агрессия в среде переменного состава53	Шевченко В. М. Изучение личности обвиняемого (подозреваемого) как субъекта противодействия расследованию73
Бобровникова Т. В. Эмоциональное «выгорание» как фактор возникновения внутриличностного конфликта56	ПРАКТИЧЕСКОМУ ПСИХОЛОГУ
Бровчук О. В. Социальные детерминанты суицидального риска58	Щеголева М. Е. Личностные характеристики по тесту Сонди при психологическом сопровождении сотрудников ОВД76
	Информация для подписчиков и авторов80

Подписные индексы:

11310 – по каталогу «Почта России»

41979 – по объединенному каталогу «Пресса России»



Социально-психологические и педагогические аспекты деятельности правоохранительных органов

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД

Доктор психол. наук **В. Н. Смирнов**
Академия управления МВД России

Организационная культура за рубежом стала активно изучаться с конца 1970-х гг. К настоящему времени в рамках концепций стратегического менеджмента сложились структурно-функциональный и социально-психологический подходы к изучению оргкультуры. В рамках структурно-функционального подхода считается, что в любой организации со временем утверждаются корпоративные (оргкультурные) регуляторы трудового поведения, специфически отражающие основные элементы культуры общества: мировоззренческие представления, символы, ценности, нормы, образцы поведения и т. п.

Организационная культура специальных подразделений способствует адаптации этих подразделений в социальной среде, а также идентификации и интеграции сотрудников в своем подразделении и среди сотрудников других спецподразделений. Она является стабилизирующим фактором регуляции жизнедеятельности сотрудников в функциональной группе, обеспечивающим осмысление окружающей действительности и внутренних отношений, сплоченность и мобилизацию сотрудников на профессиональные достижения.

При анализе феномена оргкультуры как социально-психологического образования в нем обычно выделяют познавательный-мировоззренческий, ценностно-нормативный и поведенческий компоненты. На наш взгляд, компонент речевой является самостоятельной значимой составляющей оргкультуры спецподразделений.

В основе познавательного-мировоззренческого компонента оргкультуры специальных подразделений лежат такие характеристики, как отношение к себе, командирам, сослуживцам, к своему подразделению, функциональной группе, нововведениям и изменениям, к профессиональной деятельности в целом.

В познавательном-мировоззренческом компоненте оргкультуры специальных подразделений входит видение сотрудниками себя и окружающей среды сквозь призму своего отряда и своего социального статуса. Оно может быть недостаточно осознанным, не основываться на глубокой убежденности в правильности своей позиции и, тем не менее, являться регуляторами поведения сотрудников.

Профессиональная экстремально-психологическая подготовка, совместная профессиональная деятельность в экстремальных условиях, коллективный риск, преодо-

ление опасностей, страха способствуют (но однозначно не определяют) скорейшему личностному принятию организационных ценностей сотрудниками спецподразделений, становятся основой не только субъективных оценок, построения ценностей, отношений, «должного» поведения, но и служат источником «инициирующего» поведения. Это хорошо иллюстрируется данными таблицы, составленной по итогам проведенного нами исследования в 2000-2004 гг.

Социальная значимость службы оценивается достаточно высоко как в подразделениях ОМОН, так и в ОМСН. Но разительно отличие сотрудников спецподразделений от территориальных органов внутренних дел наблюдается в их отношении к своему подразделению как к одной семье: с таким положением согласны более 50,0% сотрудников спецподразделений и только 15,0% сотрудников территориальных органов. Еще большее отличие наблюдается в готовности сотрудников спецподразделений прийти на помощь товарищам вне службы. Фактически такая готовность у них не отличается от готовности оказать необходимую помощь товарищам в процессе службы. В этом отношении проявляется особенность службы сотрудников спецподразделений, которую они в большей степени расценивают не только и не столько как профессиональную деятельность, но, скорее, как жизнедеятельность. Для сотрудников территориальных подразделений ОВД имеются существенные различия между служебной деятельностью и жизнью вне службы.

Познавательный-мировоззренческий компонент оргкультуры специальных подразделений определяет и особое отношение успешных сотрудников спецподразделений к экстремальным условиям и своей жизнедеятельности в них. С точки зрения успешных сотрудников спецподразделений, профессиональная деятельность которых проходит в экстремальных условиях, эти условия являются вполне нормальными, не только приемлемыми для работы, но и благоприятными для проявления профессионального мастерства, увлекательными, а их профессиональная активность в этих условиях является не только адаптированной, но и единственно возможной, позволяющей не только выжить, но и быть в максимальной степени эффективными. С этим согласны более 70,0% сотрудников как ОМОН, так и ОМСН. Среди сотрудников территориальных подразделений только не-

многим более 40,0% оценили условия службы как приемлемые для профессионального роста.

Особо заметные изменения в организационной культуре спецподразделений проходят в периоды обострения как внешних для подразделения ситуаций (возникновение непредвиденных обстоятельств, повлекших гибель большого количества сотрудников), так и внутренних, связанных с реорганизациями, острыми кризисами (например, неприемлемой для подразделения заменой руководства, увольнениями авторитетных сотрудников, конфликтами между неформальными группами).

Крайне важным компонентом оргкультуры является сложившаяся в спецподразделении ценностно-нор-

мативная система. Согласно Т. Питерсу и Р. Уотермену (1986), способность руководства создавать ключевые ценности, которые объединяют сотрудников, является одним из самых глубоких источников успеха.

Особая система лично значимых психологических ценностей и мотивов сотрудников спецподразделений существенно отличается от системы психологических ценностей других сотрудников органов внутренних дел.

В ходе проведенного нами в 2003 г. исследования установлено, что у сотрудников спецподразделений в системе лично значимых психологических ценностей преобладали социальные ценности, ориентированные на общество и группу, а у сотрудников других под-

Таблица

**Сравнительный анализ представлений сотрудников ОВД
об особенностях организационной культуры своего подразделения, %**

Характеристики организационной культуры	ОМОН	ОМСН	Территориальный ОВД
<i>Познавательно-мировоззренческие компоненты</i>			
Социальная значимость службы	68,9	77,1	63,5
Условия службы способствуют профессиональному росту	75,3	73,1	42,5
Отношение к коллективу как к одной семье	59,2	57,1	15,1
Готовность и желание работать в команде	95,7	98,2	89,0
Готовность прийти на помощь товарищам в процессе выполнения служебных задач	86,4	96,6	83,8
Готовность прийти на помощь товарищам вне службы	82,3	90,9	17,7
Укоренившиеся отношения в соответствии с принципом: «командир всегда прав»	89,8	84,5	67,1
Доступность и открытость руководства	65,7	74,3	59,2
Высокая значимость каждого сотрудника для командира	67,2	75,1	18,3
Учет руководством интересов подчиненных	74,8	83,6	65,2
Учет коллективного мнения	63,6	78,7	12,5
Не принято делиться с посторонними особенностями службы	86,9	89,3	75,2
Компетентность руководителей	87,4	81,9	50,5
Знакомство поступающих на службу с коллективными ценностями	94,5	98,7	15,5
Гордость за принадлежность к своему служебному коллективу	79,6	81,9	59,8
<i>Познавательно-мировоззренческие компоненты</i>			
Использование служебных ритуалов, традиций, обычаев	78,9	79,6	27,2
Приоритет групповых интересов над личными	62,6	67,9	29,9
<i>Поведенческие компоненты</i>			
Одобрение руководством обдуманного выполнения распоряжений подчиненными	88,7	92,9	72,5
Делегирование полномочий	79,1	84,3	75,5
Планирование карьеры	19,7	14,5	11,3
Проявление верности Присяге, служебному долгу	96,7	94,5	66,5
Боязнь руководителей взять ответственность на себя	18,9	12,3	48,9
Поддержание в опрятном виде форменной одежды	54,5	57,8	57,2
Внешне проявляемые отличия между структурными подразделениями (одежда, взаимоотношения, статус)	70,9	67,4	75,5
<i>Речевые компоненты</i>			
Существенные отличия между структурными подразделениями в используемых речевых конструктах, общепринятых выражениях, речевых штампах, мимике, жестах	79,5	78,8	69,3

разделений преобладали индивидуальные личностно значимые психологические ценности (10,344). Примерно такие же представлены в таблице. Из приведенных данных следует, что если в специальных подразделениях групповые ценности разделяют более 60,0% сотрудников, то в территориальных органах – только около 30,0%. Во многом такому положению вещей способствует недооценка руководителями этих органов важности такого мероприятия, как знакомство вновь принятых сотрудников с коллективными ценностями, а также недостатки в формировании, поддержке, развитии служебных ритуалов, традиций и обычаев служебных подразделений.

Экстремальные условия являются фактором, способствующим идентификации сотрудников с профессиональной группой, деятельностью, ориентацией сотрудников на увеличение представленности в структуре их психологических ценностей – социальных, ориентированных на общество и группу. Обладание социальными психологическими ценностями вселяет в сотрудников уверенность в сохранении ими всей системы личностно значимых психологических ценностей (в том числе индивидуальных – неуязвимости, успешности), определяет их лидирующее место в функциональной группе.

Вместе с тем формирование социальных психологических ценностей однозначно не предопределяется самими экстремальными условиями. Имеются случаи, когда сотрудники специальных подразделений в критических ситуациях в большей степени ориентировались и полагались на собственные силы и свой потенциал (психологический, физический), используя возможности группы лишь как желательную (при оценке боевых товарищей как «подельников» по массовому убийству, охоте на людей и т. п.), а иногда и досадную необходимость (но в любом случае рассматривая помощь группы как исключение, вызванное внешними обстоятельствами). Такие сотрудники неадекватны в условиях мирной жизни, недостаточно адекватны и в экстремальных условиях, но длительное время могут быть профессионально успешными в условиях, связанных с повышенной опасностью. Эти сотрудники представляют потенциальную угрозу для общества и самого себя, что незамедлительно проявится при изменении обстановки, ее нормализации и снижении уровня экстремальности.

В экстремальных условиях ведущими мотивами сотрудников спецподразделений, как правило, оказываются социально значимые мотивы: повышенное чувство ответственности за происходящее и принимаемые решения и стремление к достижению высоких профессиональных результатов, инициативной деятельности. Анализ мотивации сотрудников специальных подразделений к деятельности в экстремальных условиях выявил развитие у многих из них профессионального самосознания, углубленного процесса профессионального самоопределения, развитого целеполагания, принятие себя как профессионала.

С этими мотивами не только должны считаться руководители, сослуживцы, родные и другие лица, с кем приходится общаться сотрудникам спецподразделений, но в соответствии с ними должны выстраиваться взаимоотношения, ставиться цели, определяться задачи.

Выработка сотрудниками спецподразделений общеотрядных социальных и групповых ценностей, мотивов позволяет понять всем, кто соприкасается с оргкультурой спецназовцев, их своеобразное профессиональное кредо, основанное на боевом братстве, боевом содружестве, боевой преданности друг другу и делу, которому они служат, Родине, Отечеству.

Основу поведенческого компонента оргкультуры спецназовцев составляют такие символично-стереотипные образцы поведения, как ритуалы, обычаи, традиции и церемонии. На формирование данного компонента оргкультуры оказывают влияние элементы «отрядной символики» (например, истории о ее основателях и лидерах, письменная история подразделения, общий боевой девиз, лозунг), церемонии принятия Присяги, вручения оружия, отправления и встречи из «горячих точек», похорон погибших, вручение наград, празднование знаменательных дат отряда, сотрудников, общегосударственных праздников, а также процессы их жизнедеятельности.

Поведенческий компонент организационной культуры специальных подразделений определяется характером жизнедеятельности спецназовцев, которая большей частью подчинена выполнению профессионального долга в условиях повышенного риска. Она имеет значительные отличия от жизнедеятельности других сотрудников. Это наглядно следует из приведенной таблицы и выражается в существенных отличиях между сотрудниками спецподразделений и территориальных органов, прежде всего, в верности Присяге, служебному долгу, одобрении командирами обдуманного выполнения поручений подчиненными. Командиры спецподразделений в меньшей степени, чем руководители территориальных органов внутренних дел, боятся брать ответственность на себя, хотя уровень их ответственности за последствия принятых решений чаще бывает значительно выше.

Жизнедеятельность сотрудников спецподразделений, их поведение не соответствуют официально установленным в обществе нормам, так как проходит, с точки зрения обывателя, в «ненормальных», экстремальных условиях, а следовательно, носит отклоняющийся от общепринятых норм характер. Вместе с тем в большинстве своем эти отклонения имеют не только социально допустимый, но и позитивный характер. Так, владение боевыми искусствами, несмотря на то что иногда ведет к причинению увечья и даже смерти отдельным преступникам, способствует снижению уровня преступности, терроризма, улучшает социальный климат в обществе, повышает мастерство сотрудников, способствует их быстрой адаптации в экстремальных условиях, интеграции в подразделение и профессиональную деятельность, функциональную группу; самоактуализации, самоуважению сотрудников спецподразделений.

Анализ выполнения сотрудниками органов внутренних дел служебно-боевых задач в экстремальных условиях показал, что их профессиональная деятельность отличается выраженным психологическим своеобразием, которое определяется объектом (организованные, вооруженные группы преступников, террористы),

и предметом деятельности (проведение «силовых» операций), целями (ликвидация террористических, организованных, вооруженных преступных групп, пресечение массовых беспорядков), задачами («силовая» поддержка оперативно-розыскных, следственных мероприятий, освобождение заложников, борьба с террористами), способами их решения (применение психологического, физического принуждения, нанесение соразмерного сопротивлению вреда и уничтожение преступников), условиями выполнения поставленных служебно-боевых задач (временные, информационные, силовые ограничения, повышенная персональная ответственность за жизнь заложников, и окружающих граждан), психологическими трудностями (физическими, психологическими, психофизиологическими). Это своеобразие определяет особенности поведенческого компонента организационной культуры сотрудников специальных подразделений.

Основу речевого компонента организационной культуры специальных подразделений составляют используемые сотрудниками при общении специфичные формы профессиональной речи, а также сложившаяся в подразделении коммуникационная, интерактивная и перцептивная система.

В специальных подразделениях складывается мало-понятный для посторонних граждан и даже для сотрудников других подразделений профессиональный язык, сленг, набор метафор, сравнений, отражающих «отрядные установки» и способствующих возникновению специфической организационной культуры, передающей эмоциональный настрой, «кураж» сотрудников. Роль «языковой игры» в жизни спецподразделений гораздо более значительна, чем в других подразделениях органов внутренних дел. Этот вывод сделан на основе полученных нами данных (табл.). Имеются отличия между структурными подразделениями в используемых речевых конструктах, общепринятых выражениях, речевых штампах, мимике, жестах. О существенности этих отличий сообщают более 70,0% сотрудников спецподразделений и около 60,0% работников территориальных ОВД.

В последнем отношении особенно характерна символическая функция языковых знаков: определенные единицы (слова, обороты, конструкции) наряду с номинативной и оценочной функциями приобретают свойство символа принадлежности говорящего к определенной группе. Более того, та или иная языковая единица может сильно деформироваться по смыслу: важно не ее собственное значение, а то, что она – символ. Слова, манера произношения, интонации, играющие роль символов принадлежности к той или иной группе, нередко служат индикаторами, по которым опознается «свой». Сотрудник же, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как «чужой».

Л. Г. Носкова выделяет ряд факторов, способствующих речевой гомогенности группы. К ним она относит факторы сплоченности, лидерства, времени, общей манеры речевого поведения, речевой шаблонности (4).

Для речи сотрудников спецподразделений во внутрigrупповом отношении характерна оценочность, при слабой выраженности чисто номинативного аспекта. В этом отношении общение сотрудников спецподраз-

деления обнаруживает сходство с внутренней речью: постоянство состава общающихся, их опора на общий опыт делают спецподразделение как бы «коллективной личностью», для которой многое в предмете речи является само собой разумеющимся и поэтому не нуждается в назывании (например, слова *война*, *опасность*, *риск*, *смерть* в общении сотрудников спецподразделений между собой почти не употребляются). Кроме того, особенностью общения сотрудников спецподразделений является актуализация только некоторых смыслов языковых единиц, в то время как другие смыслы не вовлекаются в речевой оборот. Это связано с речевой необходимостью сотрудников спецподразделений, вызванной особенностью профессиональной деятельности, которая нуждается в выражении только одного смыслового ряда и не задействует другие. Специфика тематики общения сотрудников спецподразделений служит одной из основных причин закрытости организационной культуры спецподразделений и недопонимания при их общении с другими людьми.

Знание и умелое использование командиром спецподразделения всех особенностей языковой культуры своего подразделения позволяет ему без долгих рассуждений, умозаключений, разъяснений и убеждений, тем не менее, доходчиво донести до сотрудников смысл предстоящих действий, исключительно эффективно воздействовать на их психику при принятии управленческого решения, постановке боевой задачи и обеспечить благоприятный настрой на преодоление предстоящих опасностей и трудностей.

Благоприятному боевому настрою способствует также «боевой фольклор» спецназовцев, который состоит из песен, историй, легенд, анекдотов, поговорок, символов, татуировок, жестов. Кроме того, через «боевой фольклор» командир получает обратную связь на эмоциональном уровне об особенностях настроения, восприятия обстановки, предстоящей деятельности, прогнозируемого поведения сотрудников.

Организационная культура спецподразделений имеет, кроме указанной выше субъективной стороны, т. е. особенностей восприятия и интерпретации сотрудниками своего подразделения, окружающей обстановки, своего места, роли в ней, также и объективную сторону.

Объективная сторона оргкультуры спецподразделения представляет собой такие объективно-атрибутивные элементы, как цели, задачи, вооружение, автотранспорт, спецсредства, оборудование, экипировка, спецобмундирование, нашивки-символы.

В организационной культуре спецподразделений выделяются поверхностный и личностно-социальный уровни. К первому, внешне проявляемому уровню можно отнести поведение, язык, сленг, лозунги, обычаи, ритуалы, традиции, церемонии и т. п., которые воспринимаются непосредственно. Поверхностный уровень не является низшим или более примитивным, как может показаться на первый взгляд. Наоборот, он является в специальных подразделениях более высоким уровнем и зачастую служит концентрированным выражением и проявлением личностно-социального уровня.

Поверхностный уровень для непосвященных часто кажется настораживающим, пугающим, вызывающим, противоречивым, многозначным. Однако следует учитывать, что для правильной интерпретации увиденного поверхностного уровня организационной культуры спецподразделений требуется более содержательный анализ личностно-социального уровня оргкультуры.

К личностно-социальному уровню оргкультуры можно отнести личностно значимые мировоззренческие позиции, ценности, мотивы, принципы профессиональной этики, смыслы, символы.

На организационную культуру спецподразделений, как и на любую другую организационную культуру, оказывают влияние особенности национальной культуры. Это влияние проявляется через степень социального неравенства населения, приверженность к индивидуальным или коллективным формам труда, приоритеты в обществе стилей поведения по мужскому или женскому типам, отношение к неопределенности (стремление избежать или терпимость к изменениям), а также долгосрочность или краткосрочность жизненных ориентиров, планов.

На оргкультуру спецподразделений влияет также общероссийская ментальность, сохраняющаяся в силу сложившихся стереотипов поведения граждан: правового нигилизма, отсутствия приоритета общечеловеческих ценностей и прав человека при реализации законов.

Процесс усвоения сотрудниками спецподразделений элементов оргкультуры обеспечивается как в ходе общего знакомства вновь принятых сотрудников с их особенностями при первичной адаптации, так и за счет соответствующего научения (непосредственного личного или опосредованного на примере других): при получении наград за профессиональные успехи, принуждении, взыскании в случае нарушения организационных норм, правил, дисциплины.

Независимо от стадии развития организационной культуры спецподразделения, командир должен управлять ею как через идеалы (девизы, лозунги и т. п.) для подъема боевого настроя и реализации мер по целенаправленной ориентации сотрудников в соответствии с их личностными групповыми, социальными ценностями, так и через заботу о реальной повседневной жизнедеятельности всего подразделения и конкретных сотрудников. Причем в большей степени командир должен ориентироваться и влиять на личностно-социальный уровень оргкультуры подразделения, а поверхностный уровень затрагивать только в исключительных случаях (хотя для постороннего наблюдателя проще и эффективнее влиять именно на поверхностный уровень), так как он менее динамичен, более значим для подразделения и требует в обращении исключительной чуткости и осторожности (неумелое воздействие на поверхностный уровень организационной культуры может привести к прямо противоположным от желаемого, отрицательным последствиям).

При наличии в спецподразделении сформированной оргкультуры у вновь принятых сотрудников под влиянием группового общественного мнения быстрее про-

исходит организационная гиперсоциализация, которая внешне проявляется как повышенная включенность в профессиональную деятельность.

Кроме того, следует учитывать, что в спецподразделениях, в силу ряда обстоятельств (слияние подразделения из нескольких спецподразделений, формирование на базе других, не специальных, подразделений, например патрульно-постовой службы, включение в спецподразделение большой группы вновь принятых сотрудников и т. п.), может встречаться контркультурное противостояние по нескольким основаниям:

1) прямая оппозиция ценностям оргкультуры спецподразделения;

2) оппозиция стилю руководства;

3) оппозиция к образцам неформальных отношений, взаимодействия, поддерживаемых в подразделении.

Пути формирования, сохранения и развития организационной культуры спецподразделения являются: создание благоприятного морально-психологического климата, атмосферы доверия, взаимной ответственности, взаимовыручки, поддержки, взаимозаменяемости сотрудников, участие всех сотрудников в обсуждении наиболее острых, конфликтных проблем в подразделении, максимальный учет индивидуальных потребностей сотрудников, профессиональная экстремально-психологическая подготовка и сама служебно-боевая деятельность, где статус и авторитет определяются в большей степени знаниями, умениями и навыками успешной жизнедеятельности, а не формальными признаками (статусные позиции сотрудников в экстремальных условиях во многом нивелируются: совместный прием пищи, отдых, одинаковая спецодежда, вооружение и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов А. А. Бессловесной мысли знак. – М., 1990.
2. Знаков В. В. Понимание в познании и в общении. – Самара, 2000.
3. Лабунская В. А. Невербальное поведение. – Ростов н/Д, 1986.
4. Носкова Л. Г. Формирование профессиональной культуры речи руководителей ОВД: монография. – М., 2006.
5. Панасюк А. Ю. Психология профессиональной коммуникации юриста // Юрист. – 1996. – № 2.
6. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. – СПб., 2001.
7. Пиз А. Язык телодвижений – Н. Новгород, 1992.
8. Смирнов В. Н. Особенности профессиональной экстремально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений ОВД: монография. – Домодедово, 2003.
9. Смирнов В. Н. Профессиональная экстремально-психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений ОВД: учебное пособие. – Домодедово, 2005.
10. Смирнов В. Н. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников спецподразделений ОВД к действиям в экстремальных условиях: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2004.
11. Смирнов В. Н. Профессионально-психологическая подготовка юристов к действиям в экстремальных условиях: монография. – М., 2003.
12. Штангель А. Язык тела. Познание людей в профессиональной и обыденной жизни. – М., 1993.

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ И СТЕРЕОТИП ВОСПРИЯТИЯ СОТРУДНИКА ФСИН

Канд. психол. наук **Т. А. Бондаренко**

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск

На Федеральную службу исполнения наказаний возложено обеспечение исполнения уголовных наказаний, содержание под стражей подозреваемых, обвиняемых и осужденных, их охрана, этапирование и конвоирование, контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания (3).

Актуальность изучения престижа профессии и стереотипа восприятия сотрудника ФСИН обусловлена тем, что перемены, происходящие в стране, требуют тщательного изучения факторов, оказывающих влияние на привлекательность той или иной профессии. Данный анализ проводился нами на основе изучения теоретического и эмпирического материала.

В. Л. Оссовский предлагает следующее понимание престижа профессии: «...это соотносительная оценка общественной значимости профессиональной категории, которую разделяют члены определенного общества или социального слоя, группы на основе сложившейся и господствующей системы ценностей. В общем плане понятие “престиж” синтезирует в себе оценку значимых факторов, которые характеризуют позицию данной профессиональной категории в обществе: экономическое положение, образование и классификация, степень участия в управлении, особенности стиля жизни и т. п.» (4, 13-14).

Исследование престижа профессии сотрудника ФСИН проводилось нами в 2004 г. в Хабаровском и Приморском краях по авторской анкете, включающей критерии данного социального феномена. Выборка составила 632 респондента в возрасте от 16 до 68 лет: работники социальной и производственных сфер, аппарата управления, пенсионеры, безработные, сотрудники правоохранительных и силовых ведомств, студенты; жители села и города.

Больше всего получено положительных ответов (64,0%) на показатель «служба в Федеральной службе исполнения наказаний дает ее сотрудникам ощущение социальной стабильности». Данный показатель отражает мнение граждан о том, что данная профессия является высокооплачиваемой, исполнение функциональных обязанностей сопряжено с социальной и правовой защитой работников. Высоко оценивается и «перспектива профессионального (карьерного) роста» – 47,0%, под которым понимаются возможности получения специального звания как очередного, так и досрочного; бесплатного обучения в высшем учебном заведении и т. п.

Несмотря на то что опрос проводился среди законопослушных граждан, такой критерий, как «социальная значимость выполнения служебных обязанностей», оценен респондентами всего на 40,0%.

Значительно меньше (всего по 7,0%) оценены такие показатели престижа профессии, как «желание нести

службу в силовом ведомстве» и «степень популярности среди граждан представителей силового ведомства».

Рассмотрим стереотип восприятия профессии сотрудника ФСИН. Под социальным стереотипом мы понимаем упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (явлении, группе, человеке, принадлежащем к той или иной социальной общности и т. п.), обладающее большой устойчивостью. От других видов знания он отличается тем, что информация, на которой он основывается, соотносится не с соответствующим объектом, а с другими знаниями, которые, в свою очередь, могут оказаться ложными.

Стереотип возникает у людей относительно принадлежности индивида к той или иной социальной группе: этнической, национальной, профессиональной. Как отмечает Г. М. Андреева, «сама природа стереотипов, распространенных в российском обществе в период, предшествующий трансформациям, весьма специфична. Они “жили” весьма долго (практически в течение всего существования советского общества, передаваясь из поколения в поколение), имели чрезвычайно широкий арсенал распространения (внедрялись в сознание почти всех социальных групп, хотя, конечно, в различной степени и с возможными исключениями). Они были подерживаемы не только силой господствующей идеологии, но и институтами государства. Слом такого рода стереотипов в массовом сознании осуществляется не просто. Более того, он часто воспринимается отдельными группами как утрата идеалов, крах смысла жизни» (1, 261).

Формированию, сохранению социального стереотипа представителя профессиональной группы способствуют некоторые явления, возникающие в сфере межличностного общения и социальной перцепции, такие, как социальные установки, казуальная атрибуция, физиогномическая редукция, идентификация, внутригрупповой фаворитизм, галлоэффекты, эффекты ореола, первичности и новизны.

Для исследования стереотипа восприятия сотрудника ФСИН, в котором приняли участие 586 граждан Хабаровского края и Амурской области, мы использовали прямой метод психосемантического исследования – ассоциативный эксперимент. Суть его заключалась в следующем: респонденту предъявлялось слово-стимул (в нашем исследовании – «ФСИН»), на которое требовалось назвать первые пришедшие на ум ассоциации. Использовался свободный ассоциативный эксперимент – гражданин не ограничивался в выборе возможных ассоциаций.

Приступив к анализу полученного материала, мы учитывали тот факт, что «...когда речь идет о семанти-

ческой обработке, подразумеваются процессы выявления смысла или раскрытия плана содержания информации, при этом главное внимание исследователей уделяется несознаваемым процессам, происходящим на ранних этапах восприятия» (5, 268).

Еще в конце 1960-х гг. Дж. Миллер выдвинул гипотезу о том, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала и, следовательно, структура этих связей может быть выражена в самой процедуре классификации. «Для семантического анализа важно выявление меры семантической близости между словами, чтобы представить семантическую структуру слова или категории» (5, 271). Классы объектов, объединенные на основе общих (или обобщенных) признаков или атрибутов, принято называть категориями. В нашем исследовании мы подвергли анализу вербальные формы – представление значения в словах (ассоциациях с силовым ведомством).

Несмотря на то что, как отмечает В. П. Белянин, «...при большом количестве испытуемых и большом наборе слов кластер-анализ позволяет дополнительно выявить важные семантические закономерности» (2, 147), учитывая цель нашего исследования, при классификации слов по категориям мы рассматривали следующие значения: положительная – отрицательная оценка; служба – сотрудники (табл.).

Таблица наглядно показывает, что в отношении к такому силовому ведомству, как ФСИН, преобладает нейтральное мнение (67,0% от всех ответов) и в то же время практически отсутствует положительное (всего 4,3%). В целом же ответы представляют собой следующее: положительная оценка службы нашла свое отражение в таких словах и словосочетаниях, как «законы», «дисциплина»; отрицательная – «унижение», «безысходность», «страх», «смерть», «тревога», «кровь», «насилие», «страшная», «грязная», «больные», «туберкулез», «замученные», «несчастные», «черное», «неприятное», «затягивающая», «ужасная», «опасное», «низкий уровень содержания», «жесткий режим», «мучительный» и т. п.; нейтральная – «наказание», «преступление», «решетка», «жаргон», «вор в законе», «заключенные», «суицид», «побег», «раскаяние», «баланда», «свидание», «передача», «свидание», «этап», «недостаток средств», «кормушка», «зона», «уголовник», «попасть», «сидеть», «охраняемая территория», «мораторий» и т. п.

Положительная оценка сотрудников нашла свое отражение в следующих фразах – «кормит», «охраняет»; отрицательная – «угрюмый», «плохой», «толстый», «безделье», «замкнутость», «бьет», «унижает», «снижает к убийцам», «пугает» и т. п.; нейтральная – «надсмотрщик», «охранник», «надзиратель», «работает», «убегать», «усилить воспитательный процесс» и т. п.

Таблица

Стереотип восприятия ФСИН

Объект исследования	Общественное мнение		
	положительное	отрицательное	нейтральное
Служба	30	306	898
Сотрудники	31	105	61

На наш взгляд, сама деятельность ФСИН вызывает больше отрицательных ассоциаций, чем сами сотрудники, работающие в ней. Мы посчитали необходимым применить корреляционный анализ для подтверждения гипотезы. При этом мы использовали таблицу сопряженности 2x2 (положительные – отрицательные ассоциации граждан; служба – сотрудники), применив коэффициенты Юла и контингенции, которые рассчитываются по формулам:

$$Q_1 = \frac{f_{11}f_{22} - f_{12}f_{21}}{f_{11}f_{22} + f_{12}f_{21}};$$

$$Q_2 = \frac{c-1}{c+1}, \text{ где } c = \frac{f_{11}f_{22}}{f_{11}f_{21}}$$

Несмотря на то что мнение граждан о данном силовом ведомстве в большинстве своем носит нейтральную окраску, мы выдвинули гипотезу о том, что отрицательные ассоциации больше вызывает сама структура

уголовно-исполнительной системы, а не ее работники. Коэффициенты связи Q_1 и Q_2 $\eta = 0,5$ свидетельствуют о наличии достаточно тесной связи между исследуемыми показателями. Следовательно, отрицательные ассоциации вызывает сама служба исполнения наказания, а не ее сотрудники. Обобщенный стереотип восприятия данного правоохранительного органа представлен понятием «заклечение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М., 2000.
2. Белянин В. П. Психоллингвистика. – М., 2003.
3. Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
4. Оссовский В. Л. Престиж профессии и проблема профессиональной ориентации молодежи. – М., 1981.
5. Психология XXI века / под ред. В. Н. Дружинина. – М., 2003.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

Канд. ист. наук **В. О. Зверев**
Омская академия МВД России

Повествуя о текущих проблемах переговоров с преступниками в России, профессиональных переговорщиках и требованиях, предъявляемых к ним, было бы логичным начать с краткого экскурса в историю переговорной деятельности Германии, отчет которой целесообразно вести с мюнхенских событий 5 сентября 1972 г., инициировавших становление и последующее развитие института переговорщиков во многих странах мира.

Во время проведения XX летних Олимпийских игр в Германии в окрестностях Мюнхена группа членов экстремистской организации «Черный сентябрь» захватила и удерживала в качестве заложников 9 спортсменов из Израиля. Высокопоставленные представители федеральных властей Германии предприняли попытку установления контактов с преступниками, требования которых сводились к освобождению 200 заключенных палестинцев из израильских тюрем (1, 130-131). В поисках выхода из возникшего конфликта была налажена дипломатическая связь с официальным Тель-Авивом. Однако отказ израильских властей выполнить выдвинутые условия освобождения заложников завел переговоры в тупик. Тогда было решено предложить террористам «воздушный коридор» для беспрепятственного вылета в любую страну мира.

Последующего разворота событий не мог предсказать никто. В момент осмотра преступниками представленных им вертолетов полицейский – снайпер несанкционированно открыл по ним огонь, спровоцировав тем самым террористов на ответные насильственные действия и лишив заложников последней надежды на спасение. Во время начавшегося штурма все заложники погибли (еще два человека были расстреляны в начале теракта), также были убиты пять преступников и один полицейский, трое полицейских получили ранения.

Позже, анализируя ход и результат операции, эксперты-психологи пришли к некоторым заключениям. Во-первых, в похожих ситуациях применение адекватных силовых мер со стороны государства требует особой рассудительности. Во-вторых, тактика действий групп спецназа должна быть согласованной и осуществляться в рамках единой руководящей линии оперативного штаба. И, в-третьих, единственной альтернативой силовой операции или ее обязательной первичной фазой должны стать переговоры с преступниками. Особое значение при этом было отведено усилиям специальных посредников в переговорах.

С этого времени во многих странах мира человека, уполномоченного на ведение переговоров с террористами, – переговорщика, стали рассматривать ключевой фигурой при разрешении любого инцидента с захватом заложников. Ведь именно его опыт, знания и квалифицированные действия дают самые высокие шансы заложникам на выживание.

Между тем в новейшей истории России функцию переговорщика, точнее, его роль исполняют люди, име-

ющие лишь опосредованное отношение к разрешению возникающих специфических остроконфликтных ситуаций. Зачастую ими становятся официальные представители органов местной или федеральной власти, деятели культуры, здравоохранения и др. В то время как работа переговорщиков не должна отождествляться с участием случайных, пусть даже авторитетных и уважаемых в обществе людей. И до тех пор пока переговоры с преступниками не станут профессией, а в профессии не появятся «мастера своего дела», террористы, как и сейчас, будут идти на контакт лишь с лицами, снижавшими всеобщую известность, не владеющими тактикой ведения переговоров, и использовать его как путь наименьшего сопротивления в реализации преступных намерений.

Дефицит компетентных специалистов по урегулированию конфликтов, отсутствие достаточного опыта в этой области приводят к доминированию силового стиля поведения органов власти при разрешении ситуаций, требующих освобождения заложников. Повторяющиеся из года в год стереотипные действия членов оперативных штабов, сводящиеся к неумелым попыткам установления и развития взаимных контактов с террористами, поискам вариантов выхода из сложных ситуаций, имеют одну и ту же развязку – штурм, ликвидация преступников и неминуемые жертвы среди заложников. Так было и в 1988 г. в ходе освобождения пассажиров, захваченных семьей Овечкиных, пытавшихся угнать самолет за границу, так стало и во время террористических актов 2003 г. в театральном центре «Норд-ост» на Дубровке (Москва) и 2004 г. в школе № 1 города Беслана. И это не удивляет, ибо у этого сценария одна и та же предыстория. Общество, десятилетиями воспитанное на стремлении локализовать конфликты быстро, а значит, любой ценой, включая силу оружия, отодвигало и до сих пор отодвигает роль переговоров на задний план, используя их лишь в качестве маневра для ложного отступления (уступок), оттягивания времени, перегруппировки сил и нанесения решающего удара. И если силовая фаза переговорного процесса по-прежнему будет не столько заключительной, сколько неотъемлемой, а в некоторых случаях – первоочередной, и переговорщиков станут использовать лишь для «латания дыр» – судьба невинных жертв террора будет предreshена уже в момент их захвата преступниками.

Между тем, справедливости ради, следует упомянуть, что в недавнем прошлом в переговорной деятельности в нашей стране были и примеры успешных операций по обезвреживанию (уничтожению) террористов без жертв среди заложников. Однако немногие из них завершались ввиду абсолютного превосходства или незначительного преимущества представителей органов власти (переговорщиков), как это было в 1991 г. в Москве во время общения с преступником, захватившем экскурсионный автобус, или при освобождении заложников в СИЗО № 5 Иркутской области (2, 1). Нередко в кри-

тической ситуации на помощь сотрудникам правоохранительных органов приходил случай. Так, в 1973 г. после безуспешных переговоров с террористами, захватившими самолет ЯК-40 (рейс Москва-Брянск) было принято решение об освобождении пассажиров. И лишь благодаря стечению обстоятельств в завязавшей перестрелке с преступниками никто из заложников не пострадал (2, 28). Аналогичная ситуация произошла и в 1992 г. во время освобождения заложниц в одной из ИТК Тульской области, когда вооруженные автоматами и гранатами «зэки» отказались идти на компромисс.

Практика последних лет свидетельствует о том, что современные террористы шанс на случайный исход дела уже не дают. Их акции все чаще отличаются системностью, целеполаганием, постановкой комплекса многоплановых задач, мощной финансовой поддержкой со стороны иностранных эмиссаров и вытекающим отсюда высоким уровнем боевой подготовки (оснащение различными видами стрелкового оружия, взрывчатыми веществами, спутниковыми средствами связи, униформой), использованием тактических приемов и методов диверсионных (партизанских) групп, наличием страховочных вариантов и путей отхода в случае неудачи и т. п.

Учитывая рост террористических угроз со стороны различных антиправительственных организаций, в том числе из-за границы, и их лидеров в адрес России, на сегодняшний день назрела острая необходимость в создании на базе (Г) УВД городов, областей и краев специальных подразделений, занимающихся переговорной деятельностью на профессиональной основе. Причем этот процесс должен коснуться и реструктуризации уже существующих в системе МВД России внештатных групп переговорщиков, не имеющих единого руководства, структурированности, функциональных обязанностей, регламентирующей их деятельность нормативно-правовой базы, члены которых по совместительству занимают должности психологов в отделениях психологического обеспечения.

При подборе кандидатов в новую службу пристальное внимание должно уделяться индивидуально-психологическим особенностям испытуемых. Акцент здесь следует делать на их эмоционально-волевой устойчивости (целеустремленность, рассудительность, решительность, инициативность, справедливость, способность противостоять психологическому и физическому давлению, умение владеть собой и т. п.). Кроме того, к личным качествам посредника, предполагаемого к задействованию в переговорном процессе, следует отнести: «...ум, внимательный и прилежный, не позволяющий себе рассеиваться; здравый смысл, ясно понимаемый все как оно есть, идущий к цели самыми короткими и естественными путями, не вдаваясь в тонкости и бесполезные ухищрения, которые отталкивают тех, с кем ведутся переговоры; проницательность для того, чтобы угадывать, что происходит в человеческой душе, учитывать малейшие движения лица и другие проявления, бывающие даже у самых скрытных людей; ум, изобретающий способы устранять те затруднения, какие встречаются при согласовании позиций сторон, ведущих переговоры; находчивость, необходимая для того, чтобы

дать удачные ответы на неожиданно возникшие вопросы путем искусных реплик, уклониться от рискованного шага; ровное настроение и терпение, всегдашняя готовность с полным вниманием выслушать тех, с кем ведутся переговоры; манера общения неизменно учтивая, приятная, непринужденная, вкрадчивая, помогающая завоевать расположение партнеров по переговорам...» (2, 17).

Немаловажным фактором, влияющим на поиск и достижение компромисса с террористами, востребованным при профотборе, может стать религиозная и национальная принадлежность переговорщика.

В Российской Федерации, являющейся многоконфессиональной страной, террористические проявления все чаще принимают религиозный, точнее, псевдорелигиозный подтекст. Идеологи террора, пытаясь оправдать совершаемые насильственные акты, внушают их исполнителям миф о божественном предназначении, миссии, а, следовательно жизни после смерти, уготованной для них по дороге в рай. Поэтому профессиональный переговорщик наряду с собственным религиозным выбором (если таковой имеется) в силу острой необходимости должен не только обладать, но и умело оперировать глубокими познаниями в области других религиозных течений и, главным образом, ислама. Ведь постулаты именно этого учения пытаются исказить в первую очередь, наполняя их чуждым ортодоксальной мысли содержанием, превращая в идеологическую платформу террора. Поэтому особое место стоит отводить изучению первоисточников, поиску в них событийного материала (знамения, притчи, указания и т. п.), имеющего двусмысленное либо неясное толкование и, напротив, изречения, в данном случае Пророка Мухаммеда относительно незыблемости общечеловеческих ценностей. Например, четкого понимания и доходчивого изложения требуют такие выдержки из писания, как (3): «Аллаху принадлежит и Восток и Запад. Он ведет, кого хочет, к прямому пути!», или «Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: “Мертвые!” Нет, живые! Но Вы не чувствуете» или «Кто же вынужден, не будучи нечестивым и преступным, – нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд!» Здесь же мы встречаем высказывания с противоположным смыслом: «Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах» или «Аллах ведь не таков, чтобы губить Вашу веру! Поистине, Аллах с людьми кроток, милосерд!», с гуманистическим духом которых трудно не согласиться. Это необходимо не только для расширения собственного кругозора, но и, главным образом, для укрепления своих теологических позиций в ходе общения с вооруженным преступником, удерживающим заложников: логичности и аргументированности предъявляемых ему доводов, контраргументации.

При выборе переговорщиков желательно ориентироваться на контингент потенциальных специалистов, имеющий многонациональный состав. Не секрет, что национальная совместимость переговорщика и преступника в ходе ведущихся переговоров в немалой степени влияет на их результативное, а значит, безнасильственное завершение. Во многих российских городах наряду

с представителями коренного населения проживают и, нередко в местах компактного поселения, представители иных этносов и народностей (например, в Омске и области – казахи, немцы, в столичных мегаполисах – представители кавказских республик и т. п.). Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что, например, переговорщик-выходец с Кавказа (мусульманского вероисповедания, носитель местных обычаев и традиций) сумеет более тонко и безошибочно построить диалог с террористом-соотечественником, нежели переговорщик, имеющий славянскую внешность и происхождение. Подтверждением тому являются уже упомянутые выше бесланские события, где в качестве переговорщика (пусть и не профессионального), сумевшего несколько облегчить участь невольников и добиться освобождения некоторых из них выступил экс-президент Республики Ингушетия Руслан Аушев.

В дополнение к сказанному отметим, что человек, рассматривающийся на должность переговорщика, на наш взгляд, должен быть полиглотом. Владение иностранными языками (с учетом знаний жаргона, неологизмов криминального содержания) и, главным образом, теми из них, носителями которых являются представители крупных этнических групп, проживающих на территории России, а также мигранты, прибывающие в нее из соседних стран, обусловлено потребностью в преодолении языковых барьеров, возникающих в начале переговоров с иноязычными террористами и могущих явиться причиной или следствием обоюдного непонимания, а значит, и недоверия взаимодействующих сторон.

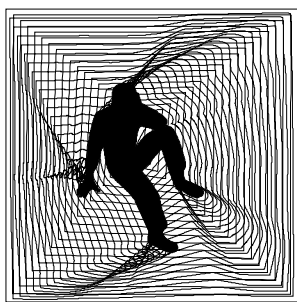
Следует учитывать, что привлечение к переговорам переводчика, понимающего разговорную речь преступника, может повлечь за собой неожиданные последствия. Бесспорным является то, что люди, интересующиеся иностранными языками либо изучающие их на компетентном уровне, подходят к своему делу в некотором смысле односторонне, углубляясь в те или иные тонкости предмета. Допустим, переводчик какой-нибудь торгово-промышленной корпорации, специализирующийся на работе с техническими текстами, вряд ли сумеет синхронно и дословно перевести требования преступника, излагаемые бытовым языком. А переводчику-юристу, вопреки кажущейся легкости, окажутся не под силу жаргонизмы, услышанные из уст террориста. Более того, в некоторых случаях знание языков, часто встречающихся в России, может быть недостаточным и даже бесполезным без понимания переговорщиком встречающихся в них диалектов и наречий. Отсюда следует, что коэффициент полезного действия от работы внештатного переводчика, точнее, переводчика-непереговорщика невелик. С одной стороны, невольно уподобляясь «испорченному телефону», он может увести переговоры в невыгодное русло, способствуя ограничению или утрате уже завоеванных в диалоге с преступником позиций (установление доверительных отношений и результативных контактов, взаимное согласие к поиску компромиссов и пр.), обострению и без того напряженной атмосферы. С другой – приглашенный переводчик, реализуя

посредническую функцию в разговоре с преступником, в руках переговорщика становится не более чем инструментом, способным лишь механически, и, как нам видится, неполноценно, минуя невербальный уровень общения, передавать информацию оппоненту. Он не сумеет перевести интонацию переговорщика, поставить ударение на нужном слове в нужный момент, или, напротив, сделать паузу, способную переломить ход событий. Переводчику будет трудно словесно отобразить эмоционально-волевые качества переговорщика, проявляющиеся в его мимике, взгляде, манере держаться, изъясняться и т. п. И, наконец, психологически (а нередко физически) не подготовленный к действиям в непривычной (стрессовой) для себя ситуации гражданский человек (переводчик), в силу своих внешних данных (например, мягкий тембр голоса, некоторая напряженность или нервозность в поведении), не сможет передать (перевести) первоначальный смысл и дух произнесенных переговорщиком слов.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что на сегодняшний день в штатном расписании МВД России должность переговорщика отсутствует. Более того, вопреки назревшей потребности в официальном нахождении специально подготовленных групп людей, способных квалифицированно, продуктивно вести переговоры с террористами, удерживающими заложников, их труд остается невостребованным во многих других силовых структурах. Отсюда с известной долей пессимизма, заглядывая в недалекое будущее переговорной деятельности, можно констатировать следующее. Так как феномен терроризма – чумы XXI в. – имеет глубокие исторические корни и транснациональную основу, мутируя подобно неизвестному вирусу из страны в страну, из континента на континент, не зная ни естественных преград, ни государственных границ, продолжительность его жизнедеятельности может быть если и не бесконечной, то весьма длительной. Общество же (либо его отдельные члены), не способное придумать против него противоводействие, «антивирусную вакцину», обречено на неминуемую гибель. Поэтому необходим комплекс предупредительных мер, одной из которых является работа переговорщиков. А если эта работа не имеет профессиональных оснований и перспектив развития – ведение переговорного процесса по-прежнему останется уделом «любителей», а заложникам, томящимся в ожидании спасения, не останется ничего иного, как уповать лишь на помощь Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Е., Мельников И. Мюнхен: Олимпиада и политика. Игры от зари до зари. – М., 1974.
2. Илларионов В. П. Переговоры с преступниками (правовые, организационные, оперативные-тактические основы). – М., 1994.
3. Коран / перевод И. Ю Крачковского. – Ростов н/Д, 1998. – Сура «Корова» 136 (142), 149 (154), 143 (148), 138.
4. Самой Э. Руководство по дипломатической практике. – М., 1944.



Психологические аспекты профессиональной подготовки

ПСИХИЧЕСКАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ РАССЛЕДОВАНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Канд. мед. наук, доцент **П. В. Акентьев**
Московский институт МВД России

Рассмотрение некоторых вопросов психической работоспособности и динамики проявлений гипертонической болезни с нервно-психическими нарушениями у следователей, занимающихся расследованием экономических преступлений, является одной из наиболее интересных и наименее исследованных проблем. Особенности этой деятельности заключаются в том, что следователи своеобразно реализуют общие закономерности мышления, требуется гармоничное соединение анализа и синтеза в этом процессе. Их мышление должно носить причинно-следственный характер. Следователю приходится выполнять свою деятельность при крайне немногочисленных исходных данных, при самой ненадежной, ориентировочной информации, оперировать большими массивами цифр.

В каждом случае при расследовании преступлений следователь должен продумывать свои действия и действия фигурантов по расследуемым делам на много ходов вперед, в сочетании с решением экономических вопросов, глубоким переосмыслением экономической теории. Поскольку имеющиеся данные допускают самые различные варианты, то приходится учитывать огромное количество возможностей, промежуточные операции и действия. Следователю надо уметь видеть перспективу расследуемого дела вплоть до судебного разбирательства.

В напряженных условиях деятельности следственных подразделений в этом плане на первое место выступают проблемы обеспечения высокой психической работоспособности и профилактики психосоматических заболеваний. Наиболее распространенной формой заболеваний является гипертоническая болезнь с нейропсихическими нарушениями.

Имеющиеся сведения по поводу определения периодов психической работоспособности следователей и проявлений гипертонической болезни психического генеза как одной из ведущих патологий психосоматического генеза в напряженных условиях профессиональной деятельности разноречивы и недостаточны.

Целью нашего исследования было изучить закономерности психической работоспособности следователей применительно к возникновению гипертонической болезни в напряженных условиях профессиональной

деятельности, а также возможности психологической коррекции их функционального состояния.

Для проведения исследования была выбрана группа следователей, склонных к повышению артериального давления, всего 40 сотрудников различных следственных подразделений г. Владивостока, Хабаровска и Москвы, занимающихся расследованием экономических преступлений. В качестве контрольной была выбрана группа следователей, занимающихся расследованием уголовных преступлений, также склонных к повышению артериального давления. Возраст следователей от 26 до 50 лет.

Для объективизации некоторых характеристик уровня психической работоспособности были использованы психофизиологические методики «корректирующая проба», «сложные аналогии», «сила нервных процессов». Оценивалась продуктивность следственной работы по данным опроса и оценок руководителей следственных подразделений. Измерялись артериальное давление, частота пульса и дыхания за 1 минуту. Изучение индивидуальных личностных особенностей сотрудников проводилось путем анализа служебных данных, частично применялись цветовой тест Люшера, ММРП и метод включенного наблюдения. В процессе наблюдения фиксировались показатели, отражающие особенности поведенческих реакций в обычных и напряженных условиях несения службы. Для коррекции функционального состояния использовались методики саморегуляции, модифицированная психотерапевтическая методика профессора Л. П. Гримака, которые были максимально адаптированы к реальным условиям деятельности следователей, не требовала значительных затрат времени (1; 2; 3).

Заключение об уровне психической работоспособности (высокий, средний, низкий) проводилось после обобщения результатов всех использованных методик по специально разработанным критериям девятибалльной шкалы (К. К. Иоселиани, 1975).

Психокоррекционная работа со следователями была направлена на развитие у них умения переключиться со стрессовых переживаний и тревожности на ощущение внутреннего равновесия. Одна из предложенных методик помогала снизить физические проявления стресса в

организме, другая способствовала внутреннему равновесию в деятельности.

При этом под равновесием понималась способность функционировать в определенном диапазоне, наиболее благоприятном, при примерном равенстве энергозатрат.

Чтобы обрести внутреннее равновесие, следователям предстояло найти то состояние, в котором уровень их психической работоспособности позволял эффективно заниматься расследованием преступлений. Одним из эффективных методов создания общего представления о равновесии служат специальные физические упражнения, заимствованные из восточных единоборств. Данные упражнения использовались следователями непосредственно в спортзале на занятиях физподготовкой.

Следователи распределялись по парам. Правила упражнения были предельно просты. Следователи становятся лицом друг к другу на расстоянии около метра. Вытянув руки перед собой (ладони вперед, пальцы направлены вверх), занимающийся упражнением соприкасается с ладонями партнера. Во время упражнения можно наклоняться вперед или назад, но нельзя сдвигать ноги с места. Если один из участников сдвинул ногу, это квалифицируется как потеря равновесия и, следовательно, проигрыш. Итак, первое правило – ноги с места не сдвигать. Второе – соприкасаться можно только с ладонями партнера. Если дотронетесь до какой-либо другой части тела, считается проигрыш. Можно отталкивать ладони партнера с любой силой или же отводить ладони в сторону, прекращая контакт.

Интересная особенность упражнения и ее отличие от большинства единоборств в том, что победа достигается не за счет поражения противника, а за счет удержания собственного равновесия. Цель упражнения не в том, чтобы один стал победителем, а другой – побежденным, а в том, чтобы избежать потери равновесия. Победить может один из партнеров, оба или ни один из них. Самый благоприятный исход игры, – когда равновесие удержали оба партнера.

Тренировка умения поддерживать равновесие – один из действенных способов снизить избыточное напряжение. Достичь равновесия можно, если практически знать, что именно оно собой представляет, т. е. как состояние, которое вы испытали и к которому можете вернуться.

Другой методикой, по которой проводилась психокоррекционная работа со следователями, склонными к повышению артериального давления, была методика саморегуляции. Она применялась в условиях спортивного зала и в домашних условиях в целях:

– успокоения, кратковременного отдыха и снятия нервных перегрузок, предупреждения психического, физического перенапряжения и усталости, повышения работоспособности;

– мобилизации эмоционально-волевой сферы, формирования настроения, готовности на выполнение поставленной задачи, преодоления чувства опасности;

– устранения своих недостатков, коррекции поведения во взаимоотношениях с окружающими и др.

Предлагаемый курс был рассчитан на самостоятельное овладение методикой после предварительной тре-

нировки с тренером, для чего требовалось около двух месяцев регулярных занятий. Он включал: подготовительные упражнения, овладение которыми занимает 7-10 дней.

Успешно использовалась также дыхательная гимнастика. Инструкция для выполнения упражнений предусматривала, что в ситуациях эмоционального напряжения дыхание задерживается, становится напряженным, прерывистым. Ровное, спокойное дыхание есть показатель отсутствия чрезмерных эмоциональных нагрузок. Произвольно регулируя частоту, глубину, характер и ритм дыхания, можно направленно воздействовать на нервную систему.

В отличие от других курсов аутотренинга, в основу данной программы были внесены существенные изменения и дополнения, позволяющие в более сжатые сроки овладеть ею.

Особое внимание необходимо обращать на формирование групп для обучения, избегая принудительного вовлечения в них лиц, имеющих негативное отношение к данному методу. Не рекомендуется включать в группу более 15 и менее 7 человек.

График работоспособности по типу *вытуклый*: темп работоспособности испытуемого нарастает в первые 10-15 секунд работы, а в последующем к 25-30 секундам он может снизиться ниже исходного уровня. Тип нервной системы испытуемого *сильный*.

График работоспособности по типу *ровный*, максимальный: темп удерживается испытуемым примерно на одном уровне в течение всего времени работы. Тип нервной системы у испытуемого *средней силы*.

График работоспособности по типу *нисходящий*: максимальный темп снижается уже со второго 5-секундного отрезка времени и остается на сниженном уровне в течение всей остальной работы. Это свидетельствует о *слабости* типа нервной системы испытуемого.

График работоспособности по типу *промежуточный*: темп работы снижается после первых 10-15 секунд; или по типу *вогнутый*: первоначальное снижение максимального темпа сменяется затем кратковременным возрастанием темпа до исходного уровня. Тип нервной системы в этом случае *среднеслабый*.

При анализе результатов сначала сопоставляются графики работоспособности левой и правой рук. В большинстве случаев по характеру они одинаковы. У правшей – работоспособность правой руки выше работоспособности левой, и наоборот. В случае значительных расхождений графиков опыта желательно повторить через некоторые промежутки времени.

Важно сравнить силу нервной системы с особенностями темперамента испытуемого. На этом основании можно дать диагноз работоспособности и продумать рекомендации по ее повышению.

Как показали наши наблюдения, а также данные самоотчетов исследуемых, в динамике психической работоспособности следователей выделялись периоды вратываемости (от 15 до 30 минут) и характеризовались состоянием постепенного повышения работоспособности с определенными колебаниями продуктивности работы. Снижение психической продуктивности в перио-

ды вработываемости выражалось: в ухудшении устойчивости и распределения внимания, замедлении темпа психических процессов, психической неустойчивости. Показатели психической работоспособности снижались на 15,0% по сравнению с исходными данными ($P < 0,05$). В период высокой устойчивой работоспособности состояние следователей в течение 1,5-2 часов характеризовалось стабильными показателями психической работоспособности. В периоде неустойчивой компенсации у следователей наблюдалось некоторое снижение показателей психической работоспособности, это выражалось в ухудшении способности к распределению и переключению внимания, оперативной памяти. В этот период, длившийся около 5 часов, показатели психической работоспособности по основным параметрам были достоверно ниже фоновых ($P < 0,05$).

У следователей, занимающихся расследованием экономических преступлений, показатели психической работоспособности были выше по отношению к контрольной группе ($P < 0,05$).

В ходе исследования влияния психотерапевтической методики на психическую работоспособность были обнаружены позитивные изменения самочувствия. Следователи отмечали в качестве критериев этого улучшения состояния уменьшение головных болей, снижение уровня тревоги, возбудимости, длительной речевой раторможенности, раздражительности, установление свободного ритма дыхания, ясность мыслей, их четкость, хорошее настроение, что свидетельствовало о понижении уровня вегетативной активации. Были также обнаружены изменения физиологических и психофизиоло-

гических показателей, подтверждающие позитивное влияние применения психотерапевтической методики у исследуемого контингента следователей.

Полученные результаты согласуются с состоявшимися представлениями о фундаментальных особенностях функционирования психики человека. Они показали, что существует ряд периодов психической работоспособности у следователей в напряженных условиях профессиональной деятельности, продолжительность которых определяется видами деятельности. Исследования в этой области способствуют более дифференцированному подходу к проблеме надежности следователя при работе в напряженных условиях.

Использование психотерапевтических методов у следователей, склонных к повышению артериального давления, для коррекции их функционального состояния в условиях выполнения ими своих функциональных обязанностей (расследования экономических преступлений) является необходимой мерой поддержания высокого уровня психической работоспособности и сохранения здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гримак Л. П.* Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М., 1989.
2. *Гримак Л. П.* Общение с собой: Начала психологии активности. – М., 1991.
3. *Гримак Л. П.* Тайны гипноза. Современный взгляд. – СПб., 2004.
4. *Святоц А. М.* Психотерапия: пособие для врачей. – СПб., 2000.

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ РЕЗЕРВА КАДРОВ НА ВЫДВИЖЕНИЕ

Н. Ю. Портнягина, ст. науч. сотрудник, *И. А. Оточина*, преподаватель
Обнинский филиал ВИПК МВД России

Возросшая интенсивность, интеллектуальность, эмоциональная напряженность труда современного руководителя ОВД, с одной стороны, и требование эффективного функционирования структуры организации, грамотного обора и расстановки сотрудников, создания эффективных управленческих команд – с другой, привели к тому, что современная управленческая деятельность все теснее смыкается с научно-психологическими знаниями и, следовательно, будет тем успешней, чем эффективней психологическая наука включается в управленческую практику, в деятельность органов внутренних дел в целом.

В настоящее время бесспорным является то, что руководители должны проходить специальную подготовку по психологии организации и управления трудовыми коллективами (1). Ее важность определяется тем, что сущность процесса управления составляет взаимодействие с людьми, а это психологически насыщенный процесс. В нормативных документах МВД России последних лет психологическая подготовка рассматривается как одно из важнейших звеньев профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел (4).

Низкий процент лиц из числа резерва, назначенных на руководящие должности, увольнение на первом году службы в управленческой должности, в том числе и по отрицательным мотивам, показывают, что проблема психологической подготовки и управленческой адаптации будущих руководителей весьма актуальна. Об уровне психологической подготовки в период нахождения в резерве свидетельствуют данные анкетирования руководящего состава ГУВД г. Москвы (начальники ОВД по административным округам и их заместители): из 121 сотрудника только 23,0% их считали, что в период нахождения в резерве с ними проводилась необходимая психологическая подготовка, но из дальнейшего собеседования выяснилось, что психологическая работа с ними велась лишь в форме лекций по психологии управления, о других формах работы они даже не знали.

Опрос молодых руководителей ОВД показывает, что они испытывают трудности не столько профессионального, сколько управленческого и психологического характера: неумение перестроить систему отношений с коллегами, неуверенность в принятии управленческих

решений, непонимание подчиненными предъявляемых им требований, конфликты в коллективе и неумение их разрешить, сложность взаимодействия с другими структурными подразделениями правоохранительных органов, государственными органами, средствами массовой информации.

В отличие от менеджеров бизнес-организаций, руководитель-госслужащий работает в условиях жесткой правовой детерминированности и заданных полномочий, поэтому процесс управленческой адаптации значительно упрощен, если он будет иметь обобщенную схему своего вхождения в новую должность, содержащую перечень и последовательность основных психологических проблем, которые ему необходимо решить на пути профессионального становления.

По статистическим данным МВД России, на нижестоящие должности перемещено 9,7% руководителей горрайлинорганов от общего числа перемещенных. Особого внимания заслуживает тот факт, что 4,4% руководителей в данной должности проработали менее одного года. Среди нижестоящих руководителей эти показатели еще менее удовлетворительны. Так, из начальников по борьбе с экономическими преступлениями в новой должности проработали менее одного года 10,3% сотрудников (2).

Все эти данные свидетельствуют о том, что функционирование института резерва кадров в правоохранительных органах, наличие практических психологов, в чьи непосредственные функции входит работа с резервом на выдвижение, недостаточны для успешного решения перечисленных выше проблем. Необходима система психологической работы с кандидатами, начиная с момента их зачисления в резерв и до начала работы на руководящей должности.

В результате анализа наиболее часто встречающихся проблемных ситуаций вхождения в должность были выявлены основные трудности у вновь назначенных руководителей (табл. 1). Основные трудности при вхождении в новую управленческую должность у руководителей ОВД связаны с:

- 1) прежним опытом работы – 29,3%;
- 2) психологическими особенностями членов нового коллектива – 27,3%;
- 3) личностными качествами – 18,1%;
- 4) личными особенностями и стилем руководства их предшественников – 15,2% респондентов.

Таким образом, в процессуальной сфере профессиональной деятельности отсутствие необходимого опыта исполнения обязанностей и психологическая неподготовленность к новой должности, высокая ответствен-

Таблица 1

Основные трудности сотрудников ОВД при вступлении в новую управленческую должность, %

1	<i>Трудности восприятия и оценки сложившегося положения дел, познания оперативной обстановки, управления внешней средой</i>	12,3
2	<i>Психологические трудности формирования служебных отношений в коллективе</i>	35,2
3	<i>Психологические трудности внедрения нововведений</i>	5,1
4	<i>Трудности, связанные с личностными особенностями предшественника на занимаемом посту:</i>	15,2
	– предшественник переведен с повышением	6,3
	– предшественник переведен на равноценную должность	–
	– предшественник уволен или переведен с понижением	3,7
	– предшественник ушел на пенсию, уволен по состоянию здоровья	5,2
5	<i>Трудности, которые обусловлены прежним опытом работы:</i>	29,3
	– резервист работал в том же ОВД, но на низшей должности	11,0
	– резервист работал в вышестоящей организации	–
	– резервист работал в другом коллективе	18,3
6	<i>Трудности, зависящие от психологических особенностей коллектива:</i>	27,3
	– неблагоприятный морально-психологический климат в коллективе	14,3
	– наличие неформальных лидеров в коллективе	7,4
	– ожидания (экспекции) коллектива в связи с приходом нового руководителя	5,6
7	<i>Трудности, связанные с отношением резервиста к своему назначению:</i>	10,1
	– назначение воспринят с желанием как доверие, которое необходимо оправдать	3,2
	– назначение воспринято без особого желания	–
	– назначение воспринят с нежеланием, но отказываться было нельзя	4,4
	– категорически отказывался от назначения, но было оказано «давление сверху»	2,5
8	<i>Трудности, связанные с личностными качествами и профессиональной компетентностью сотрудника:</i>	22,1
	– недостаток практического опыта	6,3
	– нехватка специальных знаний	5,4
	– несоответствие работы желаниям и профессиональным интересам	1,4
	– психологическая неподготовленность к руководящей должности	9,0

ность за принимаемые решения, психологические трудности формирования служебных отношений являются наиболее выраженными барьерами, осложняющими процесс управленческой адаптации. Анализ данных эмпирического исследования позволил выявить личностные факторы, влияющие на успешность вхождения сотрудника ОВД в новую управленческую должность: развитый психологический потенциал – 45,0% респондентов; высокая мотивация – 38,5% респондентов. В процессе индивидуального интервью в личностной сфере наиболее часто отмечались следующие причины: индивидуально-личностные особенности конкретного сотрудника; несовпадение сложившихся представлений о службе в органах внутренних дел и своих ожиданий; утрата смысла в службе для дальнейшей жизни; отсутствие четких карьерных перспектив.

Именно перечисленные трудности положены в основу профессионально-психологического тренинга «Формирование и развитие психологического потенциала» (табл. 2). Дальнейшая коррекция выявленных в ходе индивидуальных консультаций психологических трудностей происходит в ходе специализированной программы психологической подготовки резерва кадров на выдвижение «Вхождение в должность».

Конечно, программа подготовки сотрудников, зачисленных в резерв на руководящие должности, должна

включать в себя и консультирование будущего руководителя по вопросам, связанным со стилем и методами его управленческой деятельности. В качестве основы такого консультирования могут быть рекомендованы методики самооценки сотрудников и последующий совместный разбор и анализ полученных данных с психологом. Психологическое консультирование должно осуществляться психологами, в зависимости от содержания проблем, на основе как знания общих психологических закономерностей тех или иных процессов и явлений, так и специально проведенных исследований (психодиагностических процедур) личности сотрудника, вступающего в новую должность, и его будущего коллектива.

Исследования показывают, что невозможно выделить универсальный, эффективный стиль командоформирования, но оказать помощь при знакомстве с новым коллективом, подборе сотрудников, отвечающих стоящим перед подразделением задачам, анализе их сильных и слабых сторон – первостепенная цель психолога подразделения при консультировании нового руководителя (3). В рамках этой работы должны осуществляться:

- выяснение руководителем своих возможностей и поиск оптимальной позиции с «ключевыми фигурами»;
- разработка технологии оптимального вхождения в управленческую должность;

Таблица 2

Модель профессионально-психологического тренинга «Формирование и развитие психологического потенциала»

Блок	Методики диагностики ИП	Цели и задачи блока	Основные модули
Управленческий	Методика «Якоря карьеры», шкалы CPI: Mr, Do, Sy, Sa, Ac, Cs, In; интервью стандартизированное	Формирование адекватной ИУКР, развитие организаторских способностей, выбор оптимального стиля руководства коллективом	Упр.: «Выявление лидеров», «Оптимизация взаимодействия», «Авторитет», «Создай команду», групповая дискуссия «От чего зависит успешность руководства коллективом», анализ конкретной ситуации «Эффективный стиль руководства»
Аутопсихологический	NEO FFI, шкалы CPI: Py, Em, To, Wb, Sc, So, интервью индивидуальное	Развитие эмпатии, сензитивности, рефлексивности, формирование адекватной самооценки	Деловая игра «Зачем нам психология», упр.: «Кто Я, какой Я», «Плохо-хорошо», «Пожелание», «Самооценка», «Понять партнера»
Мотивационный	Методика «Якоря карьеры» и шкалы CPI: Cm, Cs, Do, Ac, Lp, Re, интервью индивидуальное	Прояснение своих жизненных и профессиональных целей, формирование готовности к вхождению в новую должность	Упр.: «Представление новому коллективу», «Цели и ценности», «Ландшафт целей». Анализ конкретной ситуации «Трудности в работе с подчиненными», «Мы делали так всегда!»
Коммуникативный	Методика КОС-2, шкалы CPI: Sc, Ct, Wb, Mr, Sp, Sa, Sy, Sp, Cs, интервью стандартизированное	Развитие коммуникативной компетентности, отработка методик публичных выступлений	Упр.: «Слухи», «Интервью», «Представление в коллективе», «Групповой рассказ», «Геометрические фигуры», «Борьба ораторов», анализ конкретной ситуации «Мой новый коллектив»
Когнитивный	«Якоря карьеры», шкалы CPI: Ie, Cm, Ai, Fx, F/M, To, Sp, интервью стандартизированное	Развитие профессионального мышления, памяти и сенсорной наблюдательности	Упр.: «Ситуация», «Проблема», «Слежка», «Ассоциации», «Составь предложение», «Свяжи и расскажи», «Диалог», «Потерпевшие кораблекрушение»
Эмоциональный	NEO FFI и шкалы CPI: Sc, Ct, Fx, Wb, Sp, Cs, интервью стандартизированное	Обучение техникам саморегуляции для управления своим психическим состоянием в целях повышения эмоциональной устойчивости	Упр.: «Лицевая психогимнастика», «Успокаивающее дыхание», «Интроскоп», «Пульс», «Контраст», методика «Ключ»

– отработка техники представления в новом коллективе (создание «имиджа», прояснение собственного видения будущих целей и задач коллектива);

– разработка «ландшафта целей».

Поэтому для управления процессом вхождения в должность психологу ОВД настоятельно необходимо разработать методику ввода в коллектив нового руководителя. Она должна дать ответы на ряд вопросов:

– какую информацию о новом руководителе сообщить коллективу;

– как избежать опережения официальной информации о назначении недоброжелательными слухами;

– как представлять коллективу нового его члена (процедура и ритуал);

– каким образом целесообразно вести себя на новом месте;

– как установить контакты с людьми и т. п.

Психологическая помощь вновь назначенному руководителю при вступлении в новую должность может состоять в следующем:

а) консультирование руководителя подразделения при назначении кандидата на вакантное место;

б) оказание психологической помощи назначенному руководителю при вхождении в новую должность и предоставление ему необходимой информации о коллективе;

в) формирование оптимального стиля руководства в соответствии с особенностями межличностных отношений в служебном коллективе;

г) подготовка коллектива и других подразделений к приходу нового руководителя.

Рекомендации по внедрению в систему непрерывной профессиональной подготовки специализированной программы подготовки резерва на выдвижение для специалистов психологической службы включают в себя ряд важных аспектов структурного и содержательного плана, с учетом специфики каждого из указанных направлений работы с резервом кадров и уровня развития психологического потенциала резервистов. Основными из этих рекомендаций являются:

1. Сотрудникам психологической службы при работе с резервом кадров на выдвижение рекомендуется использовать программу психологической подготовки резервистов, при необходимости – с определенной модификацией, осуществляемой с учетом уровня развития психологического потенциала конкретного резервиста и его трудностей при вхождении в новую должность.

2. В целях скорейшей адаптации в новой управленческой должности для сотрудников ОВД в период их нахождения в резерве кадров на выдвижение рекомендуется ввести спецкурс: «Вхождение в должность», который будет содержать систему тренингов управленческого типа:

– тренинги публичного выступления (на совещании, перед толпой, по телевидению);

– тренинг общения в диаде (умение слушать, убеждать, управлять и воздействовать в ходе беседы);

– тренинг общения в группе (умение учитывать мнения и настроения коллектива, влиять на динамику отношений, мнений и т. п.).

3. Проводить мониторинг психологических трудностей, с которыми сталкивается вновь назначенный руководитель, и индивидуальное консультирование в период его вхождения в должность.

4. Внести в нормативные правовые акты, регламентирующие работу с резервом кадров на выдвижение, положения о необходимости:

1) психологического изучения личности кандидатов на включение в резерв;

2) вынесения психологом заключения об уровне психологического потенциала сотрудника ОВД и степени его готовности к управленческой деятельности по завершению периода нахождения в резерве:

– к управленческой деятельности не готов;

– к управленческой деятельности готов, но требуется дальнейшее развитие профессионально значимых качеств (указать каких);

– к управленческой деятельности готов, но после назначения необходимо проведение индивидуального консультирования по вхождению в должность;

– к управленческой деятельности готов (рекомендовать в первую очередь);

3) учета соответствия личностных и профессиональных качеств резервиста уровню развития социально-психологического климата в коллективе.

Таким образом, важной предпосылкой успешного вхождения в новую должность руководителя ОВД является специально разработанная программа психологической подготовки резерва кадров на выдвижение «Вхождение в должность». Данная программа помогает организовать усилия будущего руководителя на самых важных, принципиальных вопросах построения своей служебной карьеры. Вместе с тем реализация этой программы позволяет определить наиболее эффективный (для данного сотрудника органов внутренних дел) способ обучения, определить показатели роста по тому или иному направлению.

Цель и задача программы психологической подготовки сотрудников ОВД, состоящих в резерве на выдвижение, должны быть определены на основе анализа требований к личности руководителя соответствующего уровня и сферы деятельности в органах внутренних дел, современного состояния кадровой работы и психологического обеспечения ее перспективных направлений.

Программа психологической подготовки сотрудников, состоящих в резерве на выдвижение, должна носить блочно-модульный характер, что позволит осуществлять ее индивидуализированно, с учетом личностных особенностей руководителя и обстановки в подразделении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). – М., 2004.

2. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2005 год. – М., 2006.

3. Психология профессиональной деятельности: лекции «в помощь преподавателю» / под общ. ред. А. А. Деркача. – М., 2004.

4. Приказ МВД России от 4 ноября 2003 г. № 829 «Об объявлении решения коллегии МВД России от 22 октября 2003 г. № 5 км/2 “О совершенствовании профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации”».

ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЖИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Канд. юрид. наук, доцент **А. Н. Першин, Н. В. Ефимкина**, курсант Омская академия МВД России

Обман осуждался людьми во все времена и эпохи. Первое собрание гражданских уставов Древней Руси, получившее название Русской Правды, разрешало применение ордалий («суды божьи», изощренные способы установления лжи) в спорах между гражданами. Так, истец мог требовать, чтобы ответчик оправдался испытанием железом, а если иск оценивался менее чем в полу-гривну, то водой. Ответчик брал в руки раскаленное железо или вынимал кольцо из кипятка, после чего судьи обвязывали и запечатывали руку. Если через три дня на руках не оставалось повреждений, то невиновность была доказана. Понятно, что данный метод не способствовал установлению истины в споре, а приводил к частым ошибкам суда. В современном обществе используются иные приемы и методы выявления лжи. Остановимся на понятии и содержании лжи.

Под ложью понимается волевой и сознательный акт, когда лгущий осознает, что его высказывание не совпадает с действительностью, и желает этого (5, 164).

Основу лжи составляют нравственные начала каждого человека, его воспитание в семье, степень адаптации в обществе и т. п. Ложь сопровождают эмоции – существенные функции нервно-психической деятельности человека. При этом эмоции могут быть самыми различными, как отрицательными (страх наказания в случае разоблачения, гнев, злость), так и положительными (радость успешного обмана), в каждом человеке – по-разному. У кого-то они имеют яркое проявление даже при несущественной лжи, а у кого-то – только в случае крупного обмана. Однако если вести речь об изобличении человека в совершении преступления, то в этом случае виновный будет находиться в состоянии нервно-психического напряжения, что может вызвать изменения в вегетативной нервной системе, поведении и речи человека. Таким образом, ложь в человеке имеет внутреннее и внешнее проявления, и каждое из них можно зафиксировать криминалистическими средствами и методами.

Для следователя умение определять ложь является важным и сложным процессом. Следователь в своей работе может столкнуться с ложью, исходящей от различных участников уголовно-процессуальной деятельности: подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов и ответчиков, свидетелей, специалистов, экспертов, переводчиков. Ложь приводит к возникновению конфликтных ситуаций, затрудняющих изобличение виновных в преступлении лиц, собирание доказательств, установление истины по делу. Избежать лжи на стадии предварительного расследования порой невозможно, а вот выявить ее и предупредить обман – можно. Для этого необходимо обладать теоретическими знаниями, практическими навыками и умениями. В психологии имеются фундаментальные труды (5; 6; 7), посвященные детекции лжи и обмана, благодаря которым можно вооружиться теоретическими знаниями.

В ходе исследования нами было проанкетировано 92 следователя органов внутренних дел и прокуратуры г. Омска. Из этого количества опрошенных число мужчин составило 56 человек, женщин – 36. Умения и навыки определения лжи появляются благодаря практической деятельности. Как показало исследование, лишь 33,1% следователей с опытом работы от года до пяти лет считают себя специалистами по определению лжи, 21,7% – не считают себя таковыми, остальные затрудняются дать однозначный ответ, что, скорее всего, свидетельствует об их некомпетентности в этом вопросе. Необходимо отметить, что на данный вопрос дали положительный ответ 50,0% опрошенных женщин-следователей и только 32,1% мужчин-следователей. Такое распределение ответов среди мужчин и женщин, вероятно, связано с психологическими особенностями мужчин и женщин.

С ложью следователь сталкивается в ходе общения. При этом она может иметь как пассивную, так и активную форму. Пассивная ложь выражается в сообщении (умолчании) следователю каких-либо сведений об обстоятельствах дела, которые известны человеку. Активная ложь заключается в сообщении заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела. При этом активная ложь может быть полной и частичной (5, 164).

Полная ложь состоит сплошь из вымысла или целиком из реальных фактов, не относящихся к делу.

Частичная ложь создается следующими приемами: опущение, дополнение факта вымышленными элементами, замена отдельных элементов события вымышленными деталями. Частичная ложь встречается чаще, и выявить ее сложнее.

Поскольку ложь проявляется между людьми в диалоге, а основным коммуникативным следственным действием в ходе расследования преступления является допрос, то мы более подробно остановимся на проблеме выявления лжи именно при допросе. Как показали результаты исследования, 43,4% опрошенных следователей понимают, что обман неизбежен на начальной стадии беседы с допрашиваемым; 27,7 – на завершающей стадии допроса; 10,8 – сразу же при появлении человека; 34,7% – по итогам изучения полученных сведений. Данные цифры свидетельствуют о том, что значительное количество следователей могут установить ложь лишь по результатам допроса, благодаря тщательной оценке полученных сведений и их сопоставлению с иными материалами дела. Это происходит, как мы полагаем, в основном по причине отсутствия у следователей необходимых знаний о признаках лжи, а также тщательной подготовки к проведению допросов путем изучения имеющихся в деле материалов и составления плана допроса. Однако сложность выявления лжи может быть обусловлена индивидуальными характеристиками личности допрашиваемого и его предварительной подго-

товкой. Необходимо отметить, что признаков лжи как таковых не существует. Нет ни одного жеста, выражения лица или непроизвольного сокращения мышц, которые единственно и сами по себе означали бы, что человек лжет. Существуют только такие признаки, по которым можно заключить, что речь плохо продумана или испытываемые эмоции не соответствуют словам.

Из сказанного следует, что выявить ложь не так-то просто, даже если следователь обладает соответствующими теоретическими познаниями. Связано это с тем, что в ходе беседы следователю приходится контролировать слишком много каналов поступления информации, чтобы определить ложь. О лжи в некоторых случаях свидетельствуют: слова, паузы, тембр (звучание) голоса, выражение лица, движение головы, жесты, поза, дыхание, испарина, румянец или бледность и т. п. Но как бы ни был сложен процесс выявления лжи, человек, который излагает не соответствующую действительности информацию, все же выдает себя, так как не может контролировать и скрывать все аспекты своего поведения.

Многочисленные исследования ученых и практиков в области психологии и криминалистики свидетельствуют, что лжец, как правило, следит за своими словами и выражением лица, т. е. пытается их контролировать. Лгущему известно, что окружающие обращают гораздо больше внимания на это, чем на голос и тело. К тому же речь и выражение лица контролировать легче, чем тело.

Голос связан с областями мозга человека, отвечающими за эмоции. В случае лжи возникающие эмоции (страх, радость) вызывают трудно скрываемые изменения в голосе.

К наиболее распространенным признакам обмана в голосе являются:

- паузы, они могут быть слишком продолжительными или слишком частыми;
- заминки перед словами, особенно если это происходит при ответе на вопрос;
- употребление междометий, например «ну», «э-э»; повторы, например «я, я, я имею в виду, что я...»; лишние фразы, например: «Мне очень понравилось» и т. п.;
- изменение тона голоса (низкого или высокого).

Тело также является хорошим источником утечки информации об обмане, например положение рук, ног, головы и др. Несмотря на то что контролировать телодвижения легко, большинство допрашиваемых этого не делают. Они склонны думать, что в этом нет никакой необходимости. Однако следует учитывать, что данные признаки могут изменяться в зависимости от страны и даже региона проживания человека.

Яркими признаками неискренности человека могут стать признаки, обусловленные деятельностью вегетативной нервной системы. Эмоциональный всплеск в случае лжи приводит к определенным изменениям в вегетативной нервной системе, выражающимся в изменении частоты и глубины дыхания, частоты сердечно-сосудистых сокращений, слюноотделения, частоты слюноотделения, интенсивности потоотделения, цвета кожного покрова и др. Для этих изменений характерно то, что они в организме человека проявляются непроизвольно и их очень трудно подавить. В связи с этим изменения в веге-

тативной нервной системе являются надежными признаками обмана.

Криминалистическим средством регистрации деятельности вегетативной нервной системы является полиграф. Данный прибор представляет собой комбинацию медико-биологических приборов, позволяющих синхронно и непрерывно фиксировать динамику психофизиологических реакций на вопросы, задаваемые допрашиваемому полиграфологом. Данное техническое устройство позволяет получить объективную картину изменений деятельности вегетативной нервной системы человека, свидетельствующих о субъективной значимости отдельных обстоятельств совершенного преступления для опрашиваемого лица. Иначе говоря, это позволяет установить косвенную или прямую причастность к совершению преступления.

Применять полиграф самостоятельно следователь не может, поскольку данная деятельность требует наличия у него специальных знаний и опыта работы. Поэтому для инструментального изучения деятельности вегетативной нервной системы опрашиваемого привлекается специалист-полиграфолог.

Однако, как уже было отмечено, признаки изменения деятельности вегетативной нервной системы имеют и внешнее проявление, что позволяет следователю самостоятельно прийти к выводу о неискренности человека.

Как показал опрос, более 60,0% следователей в равной степени используют способы определения лжи: вербальные и невербальные. К вербальным относятся: снижение темпа речи (21,7%); речевые ошибки (17,3%); высокий тембр голоса (10,8%); длительность пауз (4,3%).

К признакам невербального поведения относятся: отведение взгляда (47,8%); смена позы (28,2%); изменение выражения лица (23,5%); моргание (15,2%); улыбка (8,6%).

В практике деятельности следователей выявлены единичные случаи использования инструментального метода определения лжи. Большинство следователей считают, что полиграф в процессуальной деятельности не используют по следующим причинам:

- отсутствие законодательного регулирования использования данного технического средства на федеральном уровне;
- отсутствие полиграфа в органах предварительного следствия и экспертных подразделениях;
- высокая степень погрешности результатов;
- недопустимость использования результатов полиграфных исследований в качестве доказательств;
- возможность проведения исследований только на основании добровольного согласия.

В некоторых анкетах встречаются довольно «резкие» ответы на вопрос о том, почему полиграф не используется в следствии. Например, один из следователей заявил: «Нет времени на глупости!».

Каждый из ответов, полученных по результатам анкетированного опроса следователей, заслуживает своего комментария. По каждому ответу можно развернуть серьезную дискуссию о возможности использования полиграфа в свете современного законодательства, практики предварительного и судебного следствия, теории

криминалистики, психологии и иных наук. По результатам такой дискуссии многие вопросы, по нашему мнению, были бы решены в пользу полиграфа. Но мы не ставили перед собой такие задачи, поскольку многие аспекты применения полиграфа рассматривались на научных конференциях, изложены в учебной и научной литературе. А мы хотели еще раз подчеркнуть, что в следственных кругах присутствует много недоверия к инструментальному методу детекции лжи. Такая ситуация сложилась в основном из-за неосведомленности следователей об эффективности психофизиологических исследований с использованием полиграфа и отсутствия широкой практики его применения при расследовании уголовных дел.

На сегодня в криминалистической тактике допроса разработано множество приемов выявления и устранения лжи, и, как правило, они основаны на психологии (1, 139-143; 2, 368-371, 384-387; 3, 618-621; 4, 66; 5, 165).

К таковым можно отнести:

- последовательное предъявление доказательств;
- метод «косвенного допроса»;
- актуализацию личностного смысла дачи правдивых показаний;
- внезапную постановку вопросов;
- замедленный или форсированный темп допроса;
- использование «слабых мест» допрашиваемого;
- создание преувеличенного представления об осведомленности следователя и др.

Анкетированный опрос показал, что не все тактические приемы выявления и устранения лжи широко используются следователями, к числу наиболее распространенных относятся:

- предъявление неоспоримых доказательств причастности к преступлению (63,0%);

- создание преувеличенного представления у допрашиваемого об осведомленности следователя (54,3%);
- предложение одного и того же вопроса в разных комбинациях (36,9%);
- применение ускоренного темпа допроса, не оставляя времени выстроить систему ложных показаний (21,7%).

Подводя итоги нашей работы, еще раз необходимо отметить актуальность темы детекции лжи для работы следователя и ее практическую значимость. От умения следователя разгадать игру «противника» зависит успех предварительного следствия, а также силы и средства, затраченные на его достижение. Налицо актуальность и значимость детекции лжи, однако на сегодняшний день остается неоднозначным мнение следователей о средствах и методах выявления обмана. Знания и умения, приобретаются в ходе обучения и трудовой деятельности. Результаты анкетированного опроса показали слабые умения следователей в части выявления и преодоления противодействия со стороны участников уголовного процесса путем обмана, а также нежелание использовать для этого инструментальные методы и средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криминалистика*: учебник / под ред. А. А. Закатова. – М., 2003.
2. *Криминалистика*: учебник / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. – М., 2004.
3. *Криминалистика*: учебник / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2005.
4. *Криминалистика*: учебно-наглядное пособие / под общ. ред. В. П. Сальникова. – М., 2004.
5. *Психология и педагогика в правоохранительной деятельности* / под ред. И. Д. Мариновской. – М., 2001.
6. *Фрай О.* Детекция лжи и обмана. – СПб., 2005.
7. *Экман П.* Психология лжи. – СПб., 1999.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ УИС

Е. Е. Каллистратова, начальник Межрегиональной психологической лаборатории ГУФСИН России по Новосибирской области

Содержание служебной деятельности сотрудников УИС определяется сложностью и большим объемом задач, предопределено элементами внезапности, требующих быстрых решений в ограниченное время, противодействием представителей спецконтингента и др. Все это предъявляет высокие требования к сотруднику, который должен выполнять воспитывающие и обучающие функции.

Анализ концепции реформирования системы и деятельности исправительных учреждений, программ совершенствования профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации их сотрудников приводит к выводу, что разработчики документов недостаточно уделили внимания психологической подготовке в такой специфической деятельности.

Рассмотрим ведущие факторы (внешние и внутренние), влияющие на психологическое состояние сотрудников, способствующие их эффективной и продуктивной деятельности.

К внешним факторам относятся физические, материально-бытовые, социально-групповые обстоятельства, определяющие постоянную психологическую готовность сотрудников.

К внутренним факторам мы относим личные впечатления, воспоминания, переживания, помыслы и намерения сотрудника, определяющие его ситуативную готовность к правовым действиям в особых условиях их деятельности.

Названные факторы постоянно оказывают психологическое влияние на деятельность сотрудника, и при неблагоприятных воздействиях на личность могут способствовать росту психической напряженности, способствуя снижению уровня его правовой деятельности по отношению к представителям спецконтингента, коллегам по работе.

В современных условиях психологическая подготовка является важной составной частью всесторонней подготовки сотрудника к практической деятельности в осо-

бых условиях, но в уголовно-исполнительной системе еще не сложилась целостная система психологической подготовки сотрудников. В настоящее время психологическая подготовка сотрудников проводится зачастую стихийно, так как мало разработок по организации и проведению учебных занятий с личным составом, действующим в особых условиях, недостаточно опытные сами преподаватели, проводящие такого рода занятия.

Разрабатываемая в специализированном учебном центре (подразделении) система морально-психологической подготовки сотрудников должна обеспечивать единство, общую целеустремленность, последовательность и учет групповых, индивидуальных и должностных особенностей личного состава, полное использование учебно-воспитательной, культурно-массовой работы в интересах психологической подготовки сотрудников для осуществления правовой деятельности.

Современные условия предъявляют высокие требования к уровню морально-психологической подготовленности каждого сотрудника УИС. Рассчитывать на автоматическую реализацию этих требований в ходе служебной подготовки нельзя. Психологическая подготовка сотрудников должна стать объектом постоянного внимания руководства и осуществляться по плану, как и по другим видам профессиональной подготовки. Психологическую подготовку необходимо проводить в неразрывной связи с боевой, служебной и профессиональной подготовкой. Это обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Первое. Психологическая подготовка личного состава подразделения осуществляется и в процессе боевой, служебной и профессиональной подготовки. Это формирует уверенность в действиях, силу воли, решительность, направленность на выполнение поставленных задач, т. е. ведущие психологические качества сотрудника, составляющие основу, фундамент для дальнейшего психологического совершенствования. Поэтому ошибочно считать, что психологическая подготовка сотрудников может осуществляться только на специальных занятиях по психологии.

Второе. Психологическая подготовка не самоцель. Она призвана обеспечить, наряду со служебной подготовкой, успешное решение поставленных задач.

Однако сказанное вовсе не означает, что психологическая подготовка личного состава утрачивает относительную самостоятельность, не имеет своих, специфических задач. Было бы ошибочным отрицать своеобразие психологической подготовки, отказаться от использования специальных мер, поиска специальных форм, методов, приемов ее осуществления. Но в каких бы формах ни осуществлялась психологическая подготовка личного состава (в комплексе с другими видами подготовки или специально), она направлена на формирование личности сотрудника, способного эффективно выполнять свои профессиональные задачи.

Проводимая психологическая подготовка сотрудников должна способствовать решению определенных психологических задач, которые рассмотрим кратко.

Первая подгруппа задач по психологической подготовке личного состава направлена на формирование

таких качеств у сотрудника, который будет эффективно действовать в чрезвычайных ситуациях, обусловленных высоким уровнем физических и моральных нагрузок на личность.

Это статико-динамические задачи психологической подготовки личного состава. Чрезвычайные ситуации характеризуются сильными и значимыми для личного состава раздражителями: опасность, ответственность, звуковые и иные раздражители. В связи с этим задача состоит в формировании у сотрудников высокой устойчивости психики в целом и, прежде всего, эмоционально-волевой устойчивости к воздействию сильных факторов чрезвычайной обстановки, в выработке необходимой в таких условиях толерантности (устойчивости) психики, хладнокровия, стойкости, умения преодолевать неблагоприятные эмоциональные состояния.

Очевидно, что решению указанных задач будет способствовать такая организация процесса служебной подготовки личного состава, при которой создается психологическая модель ситуаций, характеризующаяся сильными и соответствующими чрезвычайной ситуации физическими помехами для деятельности (звук, свет и др.) и повышенной ответственностью, требовательностью, сильным морально-психологическим воздействием на сотрудников факторов социальной среды. Систематическое проведение занятий, тренировок, учений в таких условиях вырабатывает механизмы адаптации психики и формирует соответствующую помехоустойчивость психики сотрудников.

С другой стороны, для многих видов служебной деятельности характерными являются действия сотрудников в условиях монотонии, гиподинамии. В связи с этим важно вырабатывать устойчивость психики к воздействию и таких факторов служебной деятельности.

Рассмотренные факторы служебной деятельности выступают своеобразными помехами личному составу в решении служебных задач, поэтому задача психологической подготовки может быть определена как формирование высокой помехоустойчивости психики сотрудников и сплоченности коллективов для действий в экстремальной обстановке.

Повседневная служебная деятельность характеризуется высокой динамичностью, подвижностью, изменчивостью ситуации, что требует от психики сотрудников способности быстро перестраиваться в соответствии с обстановкой. Психика человека характеризуется определенными адаптационными возможностями, которые и необходимо развивать на специальных занятиях.

Задача психологической подготовки сотрудников состоит, таким образом, в формировании высокой устойчивости, переключаемости, эластичности, гибкости психики каждого сотрудника.

Диалектика этого противоречия такова: чем более устойчива и более подвижна, мобильна психика сотрудников, тем успешнее и с большей надежностью они будут действовать в экстремальных, нестандартных обстоятельствах, характеризующихся сильным психологическим воздействием на личность.

Не только чрезвычайные ситуации, но и повседневная деятельность сотрудников требует длительного

перенапряжения духовных и физических сил. Это предъявляет особые требования к их выносливости, способности к длительным перегрузкам и преодолению трудностей. Высокая выносливость психики сотрудников не возникает сама по себе, а является результатом систематического и целеустремленного проведения учебных занятий, учений, тренировок, служебной деятельности в целом.

Вторую подгруппу частных задач психологической подготовки личного состава к эффективным действиям в сложной обстановке составляют задачи содержательного характера, формирующие:

– доверие к своему руководителю или командиру, уверенность в их способности оперативно и правильно оценивать возникающие ситуации и принимать обоснованные решения;

– уверенность в своих товарищах, в их надежности, профессиональной подготовленности, готовности к действиям в интересах решения поставленных задач, товарищеской взаимовыручки;

– уверенность в своей профессиональной подготовленности, способности успешно и четко действовать в любой обстановке, при решении самых разнообразных задач.

Третью подгруппу задач психологической подготовки составляют задачи методического характера, определяющие:

а) подготовку руководителей по вопросам определения психических состояний подчиненных;

б) обучение личного состава приемам и способам психической саморегуляции, управление ими своими психическими состояниями и поведением в целом, обучение командного состава оптимальному психологическому воздействию на личный состав в различных условиях деятельности.

Таковы основные частные задачи психологической подготовки личного состава для решения служебных задач.

Общий итог психологической подготовки сотрудников выражается в формировании у них постоянной психологической готовности к решительным и самоотверженным действиям с соблюдением правового поведения.

Реализация задач по совершенствованию психологической подготовленности сотрудников зависит также от личностных особенностей самих сотрудников.

Традиционно принято считать, что освоение новых знаний человеком должно осуществляться в комфортных условиях, однако закрепление полученных знаний и их совершенствование осуществляется в сложных условиях. Высокий уровень психической напряженности, возникающий у сотрудника в сложной ситуации, вызывает фактор опасности. Учебная деятельность, осваиваемая сотрудниками в обычных условиях, отличается от деятельности в чрезвычайной ситуации, прежде всего, меньшим уровнем опасности и уровнем мотивации, направленной на преодоление этой опасности. Фактор опасности в моделируемой чрезвычайной ситуации, воздействуя на психику сотрудника, изменяет и его мотивационную сферу, влияя на учебную деятельность, придает практическую направленность действиям исполнителей.

Способы формирования у сотрудников профессионально важных психологических качеств в процессе служебной подготовки могут быть различными. Они зависят от уровня методического мастерства преподавательского состава и состояния учебной и материальной технической базы учебного заведения (подразделения).

В основе психологической подготовки лежит принцип внесения в процесс служебной подготовки элементов напряженности и внезапности, опасности и риска, свойственных чрезвычайным ситуациям, и многократная тренировка сотрудников в выполнении изучаемых приемов и действий в этих условиях.

Следовательно, психологическая подготовка будет способствовать развитию профессионализма сотрудников, если она проводится целенаправленно, на высоком методическом уровне, в разнообразных моделируемых экстремальных ситуациях.

Главная задача специалистов-психологов – разработать и внедрить в учебный процесс психологическую систему по формированию профессионально важных качеств у сотрудника, способного адекватно действовать в любой обстановке.

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ – БУДУЩИХ ПОЖАРНЫХ

Ю. В. Селезнев, начальник Учебного центра ГПС г. Надым,
доктор пед. наук, профессор **Г. Д. Бабушкин**
Омская академия МВД России

Осознание опасности, с которой сталкивается личный состав Государственной противопожарной службы (ГПС) в процессе оперативно-служебной деятельности, привлекло к разработке комплекса организационно-практических мероприятий по обеспечению безопасности труда работников данной службы (4; 8 и др.). Однако в этих работах не рассматриваются вопросы психофизической подготовки пожарных, в то время как работа на пожарах соответствует 5-й и 6-й категориям тяжести труда, при которых высока сте-

пень вероятности проявления и закрепления негативных реакций организма, ведущих к различным заболеваниям. При опросе, в котором приняли участие 75 пожарных ГПС г. Надыма, и анализе медицинской документации пожарных частей выявлено, что 76,0% обследованных отметили нарушение сна в дни отдыха, 70,0% их испытывают нервно-эмоциональные срывы, 50,0% респондентов имеют нарушения в деятельности сердечно-сосудистой системы. На наш взгляд, это связано с высокой степенью физического и психического

напряжения во время службы и недостаточной психофизической подготовкой пожарников.

Состав требований, предъявляемых к психофизическим качествам пожарника, можно сформулировать, опираясь на определенные особенности этой профессиональной деятельности. Характер двигательных действий пожарника обуславливает специфические воздействия на его организм и определяют состав требований к психофизической подготовленности. Эти требования являются основой при разработке содержания и методики профессионально-прикладной психофизической подготовки курсантов – будущих пожарников.

Результаты проведенного нами ранее исследования (6, 176-179; 7, 25-29) позволили установить состав профессионально важных психофизических качеств и необходимый уровень их развития. Это легло в основу разработки содержания профессионально-прикладной психофизической подготовки курсантов. Мы исходим из того, что общая физическая подготовка составляет фундаментальную основу физического воспитания, а профессионально-прикладная психофизическая подготовка (ПППФП) составляет профилирующую часть (специализированную). На ПППФП отводится 20,0% от общего учебного времени на курсах.

Исходя из значимости психофизических качеств, мы определили количество времени, отводимого на развитие конкретного качества, от общего времени физической подготовки, которое составило: для развития силы – 25,0%; выносливости – 20,0; быстроты – 15,0; гибкости – 5,0; внимания – 10,0; быстроты реагирования – 10,0; волевых качеств (смелости, решительности, эмоциональной устойчивости) – 5,0; вестибулярной устойчивости – 5,0; пространственной ориентировки – 5,0%. Подобраны физические упражнения для развития качеств. При подборе физических упражнений мы исходили также из результатов корреляционного анализа, выявившего характер взаимосвязи физических и психических качеств. Разработанная методика ПППФП включает два направления.

Первое направление ПППФП – развитие и совершенствование физических качеств (силы, выносливости, быстроты, гибкости).

Для развития силы используются физические упражнения из следующих видов спорта: тяжелой атлетики, гимнастики, легкой атлетики, гиревого вида спорта. Использовались также такие упражнения, как подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, подъем туловища, ног из положения лежа на спине на полу, приседания с партнером на спине, упражнения с гантелями, упражнения для развития силы мышц рук и ног на тренажерах. Основное внимание уделялось развитию силы мышц рук, ног, спины, брюшного пресса, т. е. тех групп мышц, которые задействованы в работе пожарника. При развитии силы использовался большой вес (до 70,0% от максимума) с повторением 7-10 раз в одном подходе. По мере выполнения этих упражнений сопротивление увеличивалось так, чтобы упражнение можно было выполнить 4-7 раз в одном подходе. Развитие силы осуществлялось в соответствии с рекомендациями специалистов теории спортивной тренировки (2; 3 и др.) с использованием метода повторно-

го упражнения и метода серийно-интервального упражнения. Между подходами выполнялись ходьба, растягивание, расслабление, висы. Упражнения на развитие силы включались в каждое занятие с чередованием развиваемых групп мышц.

Для развития выносливости применялись физические упражнения из следующих видов спорта: легкой атлетики (бег), футбола, плавания, лыжного спорта. Работа пожарника по времени бывает продолжительной (до нескольких часов). В этой связи при воспитании выносливости мы ориентировались на повышение аэробных возможностей организма. Методика развития выносливости имела следующие характеристики:

1) абсолютная интенсивность (скорость передвижения была в основном субкритической) и составляла 75,0-85,0% от максимальной, при частоте сердечных сокращений 170-180 уд/мин;

2) продолжительность отдельного упражнения составляла 1-1,5 мин и носила аэробный характер. При выполнении некоторых видов упражнений (кросс, игра в баскетбол и футбол) продолжительность составляла 10-25 мин;

3) продолжительность интервалов отдыха между подходами составляла 2-3 мин с восстановлением частоты сердечных сокращений до 90 уд/мин;

4) отдых между упражнениями заполнялся ходьбой, упражнениями на растягивание, расслабление;

5) число повторений зависело от характера упражнений и времени их выполнения.

При развитии выносливости для повышения аэробных возможностей использовались следующие методы: равномерный, непрерывный, повторный, переменный.

При развитии выносливости использовались также физические упражнения, направленные на совершенствование креатинфосфатного и гликолитического механизмов. Параметры тренировочной нагрузки регулировались в соответствии с положениями теории спортивной тренировки (2; 3 и др.).

Для развития быстроты использовались физические упражнения из футбола, волейбола, баскетбола, легкой атлетики. Развитию подлежали следующие характеристики быстроты: быстрота реагирования на внешний раздражитель, частота движений, скорость одиночного движения.

Для воспитания быстроты использовались повторный, повторно-прогрессирующий, переменный, а также игровой и соревновательный методы. Важным условием для воспитания быстроты являлось поддержание оптимальной возбудимости центральной нервной системы за счет недопущения утомления и заполнения пауз отдыха активными движениями.

Для развития гибкости использовались гимнастические упражнения с увеличением амплитуды движения, которые выполнялись в конце подготовительной и основной частях занятия при хорошем разогреве мышц. Преимущественно развивалась подвижность в суставах позвоночника, в тазобедренных и плечевых суставах.

Кроме описанных методов при развитии физических качеств использовался также метод круговой тренировки с чередованием развиваемых качеств и групп мышц.

Поскольку исходный уровень развития физических качеств не у всех курсантов одинаковый, то каждому курсанту давались домашние задания для самостоятельного развития слабо развитого физического качества.

Второе направление ПППФП – развитие и совершенствование психических качеств: внимания, двигательной реакции, зрительной ориентировки, решительности, смелости, эмоциональной устойчивости, вестибулярной устойчивости.

Мы исходим из того, что высокоразвитые психические процессы позволяют пожарнику быстро принимать решения и воплощать их в деятельности при наличии риска и ответственности. При этом будущему пожарнику удастся обрести необходимые чувства уверенности, смелости и решительности, выраженные в состоянии готовности к смелым и решительным действиям в короткие промежутки времени.

Развивая психические качества, следует постоянно увеличивать сложность выполняемых заданий и больше внимания обращать на постепенное усложнение подводящих упражнений, использовать помощь, страховку и педагогическое стимулирование. Использование данных методических приемов будет способствовать снижению представления об опасности, эмоциональной устойчивости и уменьшит время для принятия решения.

Основные положения методики развития перечисленных выше психических качеств заключаются в следующем: 1) развитии и совершенствовании ведущих психических процессов; 2) использовании индивидуально подхода, учитывающего исходный уровень развития качеств и ведущих психических процессов; 3) постепенном переходе от упражнений общего характера к упражнениям специальной направленности.

Для развития психических качеств (внимания, решительности, зрительной ориентировки, скорости двигательной реакции, эмоциональной и вестибулярной устойчивости) предлагаются следующие средства: психотехнические упражнения; психорегулирующая тренировка; физические упражнения (1, 5, 9 и др.). Предлагаемые упражнения выполняются в форме игровых и соревновательных заданий, что позволяет значительно повысить интерес к занятиям. Содержание профессиональ-

но-прикладной психофизической подготовки курсантов, овладевающих профессией пожарника, на наш взгляд, в достаточной степени отражает сущность профессиональной деятельности специалиста. Проверка ее эффективности осуществлялась в процессе проведения педагогического эксперимента.

Содержание ПППФП было внедрено в процесс физической подготовки курсантов Учебного центра ГПС (г. Надым). Содержание упражнений для всех курсантов было одинаковым, объем и интенсивность нагрузки постепенно увеличивались по мере выполнения предлагаемых заданий. Контрольные испытания проводились в начале курса обучения и по окончании. Промежуточное тестирование, проведенное через полтора месяца занятий, позволило нам скорректировать содержание используемых упражнений, объем и интенсивность нагрузки в целях достижения курсантами необходимого уровня психофизической подготовленности. Результаты эксперимента представлены в таблицах 1 и 2.

Исходные данные рассматриваемых показателей испытуемых контрольной и экспериментальной групп не имеют существенных различий. Сравнительный анализ исходных и конечных данных экспериментальной группы показывает существенное повышение показателей: быстроты, скоростной и динамической силы, гибкости, выносливости.

В контрольной группе не произошло значимого развития физических качеств у курсантов, что свидетельствует о том, что традиционное содержание и методика физической подготовки курсантов не способствуют развитию необходимого уровня физических качеств у будущих специалистов-пожарников. Следующей задачей, стоящей перед педагогическим экспериментом, было проведение сравнительного анализа результатов курсантов экспериментальной группы (по окончании эксперимента) и результатов специалистов. Целью анализа было выявить, насколько соответствуют конечные результаты курсантов экспериментальной группы нормативным, за которые мы приняли результаты обследования специалистов-пожарников. Результаты сравнительного анализа приведены в таблице 2.

Таблица 1

Физическая подготовленность курсантов экспериментальной и контрольной групп в процессе эксперимента ($x \pm m$)

Группа	Быстрота, с	Скоростная сила, см	Динамическая сила (количество раз)		Выносливость, с	Гибкость, см
			Сгибание рук в упоре лежа	Подтягивание на перекладине		
<i>Начало эксперимента</i>						
КГ	4,9±0,03	208±5,1	29,4±1,3	12,8±0,5	246±4,2	8,3±0,45
ЭГ	4,8±0,07	212±4,3	31,3±2,1	11,6±0,8	238±5,3	7,7±0,51
P	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05
<i>Конец эксперимента</i>						
КГ	4,8±0,02	212±4,5	30±1,6	13,2±0,4	231±4,3	7,4±0,31
ЭГ	4,5±0,03	237±4,3	38±1,2	16,3±0,6	220±3,3	6,2±0,23
P	< 0,05	< 0,05	< 0,01	< 0,05	< 0,01	< 0,05

Примечание. ЭГ – экспериментальная группа; КГ – контрольная группа.

Уровень развития психофизических качеств курсантов экспериментальной группы и специалистов

Группа		Реакция на движущийся объект, см	Частота движений ногами, кол-во раз за 5 с	Скоростная выносливость мышц тела, кол-во раз за 30 с	Силовая выносливость мышц тела, кол-во раз	Челночный бег 4 x 10 м, с (ловкость)
ЭГ (n=30)	x±	12,2	21,0	23,0	32,6	10,8
	m _x	0,67	0,46	0,52	2,48	0,07
	y	3,3	2,3	2,5	12,2	0,34
Специалисты (n=25)	x±	9,5	22,3	24,5	35,4	11,3
	m _x	0,28	0,32	0,36	0,76	0,16
	y	1,4	1,6	1,8	3,8	0,8
P		< 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05	> 0,05

Специалисты опережают курсантов по следующим характеристикам: реакции на движущийся объект ($P < 0,05$) и силовой выносливости ($P < 0,05$). Трехмесячные занятия с курсантами по физической подготовке не привели к соответствию этих качеств нормативам. Предположительно, сказывается недостаточный их исходный уровень развития и кратковременность занятий (3 месяца).

Уровень развития остальных психофизических качеств курсантов – частоты движений, скоростной выносливости, ловкости – достиг уровня развития этих качеств у специалистов, что свидетельствует о положительном влиянии ПППФП курсантов на развитие профессионально важных психофизических качеств.

По большинству показателей физической подготовленности курсанты опережают специалистов. Так, быстрота (бег на 30 м) более развита у курсантов ($P < 0,01$) и составила 4,5 с по сравнению со специалистами 5,1 с, что объясняется молодым возрастом курсантом. Существенное превышение выявлено и в проявлении скоростной силы (прыжок в длину с места) у курсантов ($P < 0,01$).

Рассматривая остальные показатели, отметим следующее. При проявлении динамической силы (сгибание рук в упоре лежа и подтягивание на перекладине) результаты курсантов соответствуют результатам специалистов при незначительном отклонении от нормати-

ва (сгибание рук в упоре лежа). В этом тесте проявляется силовая выносливость, для развития которой необходимо более длительное время. В показателе общей выносливости (бег на 1000 м) курсанты значительно опережают специалистов. Это обусловлено, на наш взгляд, двумя причинами: первая заключается в исходном уровне этого качества (238 с), вторая – в более молодом возрасте курсантов. Показатель качества гибкости также выше у курсантов ($P < 0,01$), чем у специалистов.

Рассмотрим состояние развития качеств внимания у курсантов контрольной и экспериментальной групп (табл. 3). При обследовании изучался исходный уровень развития внимания, промежуточный (через полтора месяца занятий) и конечный (после окончания учебных курсов).

Промежуточные данные после ПППФП оказались выше в экспериментальной группе, чем в контрольной, в показателях сосредоточенности, распределения и переключения внимания. К окончанию эксперимента (концу учебных курсов) различия между группами еще более возросли в пользу экспериментальной группы по всем регистрируемым показателям внимания.

На промежуточном этапе эксперимента у курсантов экспериментальной группы наблюдается развитие

Таблица 3

Развитие качеств внимания у курсантов в процессе эксперимента ($x \pm m$)

Группа	Показатель	Сосредоточенность	Распределение	Устойчивость	Переключение
ЭГ (n = 30)	Исходный	0,7±0,006	5,3±0,02	0,68±0,004	40,4±0,42
	Промежуточный	0,6±0,004	5,1±0,02	0,76±0,003	36,7±0,35
	P	> 0,05	< 0,05	< 0,05	< 0,05
	Промежуточный	0,6±0,004	5,1±0,02	0,76±0,003	36,7±0,35
	Конечный	0,9±0,003	7,8±0,01	0,94±0,002	26,9 ±0,41
P	< 0,05	< 0,01	< 0,01	< 0,01	< 0,01
КГ (n = 30)	Исходный	0,72±0,004	5,4±0,03	0,70±0,003	42,3±0,5
	Промежуточный	0,77±0,002	5,6±0,02	0,72±0,004	43,1 ± 0,49
	P	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05
	Промежуточный	0,77±0,002	5,6±0,02	0,72±0,004	43,1±0,49
	Конечный	0,80±0,001	5,8±0,03	0,73±0,004	42,2±0,5
P	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05

Примечание. Исходный, промежуточный, конечный – исходные, промежуточные, конечные данные качеств внимания.

свойств внимания – распределения, переключения, устойчивости. В контрольной группе улучшения данных показателей внимания не наблюдается.

К окончанию педагогического эксперимента у курсантов экспериментальной группы наблюдаемые свойства внимания продолжают развиваться: достоверно улучшаются следующие свойства внимания: сосредоточенность ($P < 0,05$), распределение ($P < 0,01$), устойчивость и переключение ($P < 0,01$). Положительные изменения имеются у значительного числа курсантов (83,0%).

Таким образом, в условиях направленного развития качеств внимания средствами физической культуры, психотехнических игр при профессионально-прикладной психофизической подготовке курсантов значение ПППФП значительно возрастает.

На основе результатов проведенного опроса специалистов-пожарников со стажем и курсантов, а также констатирующего эксперимента нами разработаны содержание и методика профессионально-прикладной психофизической подготовки курсантов учебных центров ГПС. Основным содержанием ПППФП являются физические упражнения и психотехнические игры, психорегулирующая тренировка, направленные на развитие профессионально важных психофизических качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных обязанностей.

По результатам предварительного исследования курсантов и специалистов и педагогического эксперимента нами предлагаются контрольные нормативы по развитию психофизических качеств у курсантов учебных центров ГПС, овладевающих профессией пожарника. Это обусловлено отсутствием таковых в специальной литературе и программах по физической подготовке, а также необходимостью данных контрольных нормативов для организации профессионально-прикладной психофизической подготовки курсантов – будущих пожарных.

На основе изучения особенностей профессиональной деятельности пожарников обосновываются требования профессиональной деятельности к личности специалиста. Выявленные требования лежат в основе разработки содержания и методики профессионально-прикладной психофизической подготовки будущих специалистов. Психофизическая подготовленность курсантов определяется в начале обучения, через полтора месяца и в конце курса обучения, сопоставляется с контрольными нормативами и на основе этого сопоставления вносится коррекция в содержание ПППФП на последующем этапе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. В. Себя преодолеть. – М., 1985.
2. Годик М. А. Контроль тренировочных и соревновательных нагрузок. – М., 1980.
3. Зацюрский В. М. Двигательные качества спортсмена: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1968.
4. Кыхов Н. А. Организация и проведение трехступенчатого контроля за состоянием охраны и техники безопасности в подразделениях ГПС МВД РФ: учебное пособие. – СПб., 1996.
5. Мартыненко А. Н. Развитие решительности у борцов-самбистов на этапе начальной спортивной специализации: дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 2003.
6. Селезнев Ю. В. Значимость психофизических качеств в профессиональной деятельности пожарников // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма в Сибири: мат-лы Всерос. науч. конф. молодых ученых. – Омск, 2006.
7. Селезнев Ю. В. Профессионально важные психофизические качества пожарников // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3.
8. Фомин А. В. Повышение безопасности труда пожарных при тушении пожаров: автореф. дис. ... канд. техн. наук. – М., 1992.
9. Цзен Н. В., Пахомов Ю. В. Психотехнические игры в спорте. – М., 1985.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Т. В. Копылова

ГУФСИН России по Новосибирской области

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в стране, обусловили изменения в структуре, организации и деятельности УИС Минюста России. Новые государственно-служебные отношения в Федеральной службе исполнения наказаний складываются в ситуации, когда просматривается несоответствие профессиональных представлений сотрудников изменяющимся условиям, требующим от них углубленных и обновленных знаний, умений и навыков, коррекции психологических установок и мировоззрения. Вместе с тем выполнение целей, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, во многом зависит от состава кадров, их профессионализма, морально-психологической готовности и способности успешно выполнять усложняющиеся задачи, что, в первую очередь, обуславливает актуализацию вопросов профессионального обучения и подготовки личного состава УИС.

До недавнего времени проблема отбора, подготовки, обучения и расстановки кадров для ФСИН решалась, как правило, директивным путем. Только с конца 1991 г. начались реальные процессы анализа и поиска путей формирования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров правоохранительных органов.

В настоящее время государственная политика России в области образования базируется на общенациональных социально-экономических и гуманитарных целях развития страны с учетом использования практики мирового сообщества, историко-культурных и образовательных традиций государства. Модернизация образовательных структур, процессов и технологий направлена на повышение качества обучения, формирование правовой культуры, выработку у специалистов широкой и целостной системы фундаментальных знаний, на-

выков и способности самостоятельного творческого мышления.

Указанные тенденции в полной мере относятся и к системе профессиональной подготовки кадров уголовно-исполнительной системы. Тем более что в условиях усложнения задач, выполняемых правоохранительными органами, повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников УИС выдвигается в число приоритетных направлений деятельности.

Профессиональная деятельность сотрудника УИС является составной частью государственной службы. В статье 23 «Декларации прав и свобод человека и гражданина» говорится, что каждый имеет право на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий. Профессия (*от лат.* – объявляю своим делом) – род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования.

Необходимо отметить, что с профессиональной деятельностью тесно связаны такие понятия, как «профессионализм» и «компетентность», которые определены как принципы государственной службы и в силу этого положения требуют особого подхода при рассмотрении. Принципы профессионализма и компетентности в своей основе имеют нормативно-правовое обеспечение. Если в Конституции Российской Федерации они проявляются косвенно, то в Федеральном законе «Об основах государственной службы в Российской Федерации» они нашли прямое закрепление (п. «з» ст. 5).

В законодательстве нет определений понятиям «профессионализм» и «компетентность», хотя, конечно же, такие определения должны быть. Мнения ученых в определении этих понятий разделились. Одни считают, что понятие «профессионализм» подчеркивает качество субъекта в определенной области общественно полезной деятельности и предполагает прежде всего знание особенностей соответствующей управляемой сферы, владение практическими навыками.

В научной литературе встречается такое толкование профессионализма, где компетентность рассматривается как его составная часть. Но существует и диаметрально противоположное мнение, аргументируемое тем, что компетентность руководителя предполагает доскональное знание своего дела, высокий профессионализм, соответствующую должностную квалификацию.

Рассматривая смысловое содержание компетентности, можно выделить следующее: компетентность – это не только знание каких-то вопросов, но и правомочность обсуждать их и решать. Она представляет собой постоянную внутреннюю готовность сотрудников к осуществлению служебных полномочий и должна быть внутренне присуща государственному служащему.

Анализ американской литературы по проблематике, связанной с профессионализмом в деятельности полиции, позволил (Ю. И. Осипов) дать его определение и указать, что профессионализм – это совокупность особых знаний и умений, позволяющих полиции выполнять присущие ей функции, в том числе связанные с применением физического принуждения.

Кроме того, обращается внимание на признаки профессионализма в деятельности полиции:

- 1) соответствующий объем знаний и интеллектуальный уровень;
- 2) длительный период обучения и подготовки (желательно в высших учебных заведениях);
- 3) соответствие выполняемых функций основным социальным ценностям общества;
- 4) автономия;
- 5) мотивация, включающая чувство цели;
- 6) приверженность к работе, основанная на стремлении удовлетворить интересы населения;
- 7) чувство общности среди практических работников;
- 8) наличие профессионального «кодекса», обеспечивающего внутреннюю дисциплину.

Другие авторы (Н. Л. Гранат) определяют профессионализм как результат реализации профессиональной культуры на уровне общества, группы или личности. Основными составляющими такой культуры являются профессионально-правовой (или профессионально-юридический) и профессионально-нравственный комплексы или профессионально-правовая и профессионально-нравственная области культуры, которые функционируют во взаимодействии с другими областями культуры (например, политической и др.).

Обобщая перечисленное, можно сказать, что «профессионализм» и «компетентность» действительно близкие понятия, что и определило их как единый принцип в законодательстве о государственной службе. Их общими характеризующими признаками являются: наличие соответствующего образования; определенный уровень профессиональной подготовки; овладение навыками и умениями, необходимыми для исполнения служебных обязанностей; постоянное обновление и пополнение имеющихся знаний новыми достижениями науки и передовой практики, познание элементов управления и др.

Оптимальное функционирование уголовно-исполнительной системы прямо зависит от профессионализма сотрудников. Общеизвестно, что эффективность функционирования исправительных учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала. Поэтому в пенитенциарной психологии, как отечественной, так и зарубежной, уделяется существенное внимание обоснованию психологических требований, предъявляемых к сотрудникам. В числе профессионально значимых качеств отмечают: нравственную активность, эмоциональную устойчивость, развитые педагогические и коммуникативные способности, психологическую готовность к службе, устойчивость к неблагоприятному влиянию среды осужденных (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, Е. А. Пономарева и др.).

Анализ зарубежного опыта на примере стран с децентрализованной системой управления (США, Германия и др.) показывает, что к кадрам пенитенциарных учреждений предъявляются личностные стандарты: от них требуется владение межличностными и коммуникативными умениями, умение применять технологии решения проблем, знание современных информационных технологий.

Европейскими минимальными стандартными правилами обращения с осужденными оговаривается несколько пунктов, касающихся подготовки персонала пенитенциарной системы. В них говорится о том, что, прежде чем быть назначенным на должность, персонал должен пройти курс подготовки к исполнению своих общих и конкретных обязанностей, а также сдать теоретический и практический экзамены. На протяжении всего срока службы все сотрудники должны поддерживать и повышать свои знания и профессиональные навыки на курсах подготовки и повышения квалификации. Персонал, работающий с особыми группами осужденных, например, с иностранными гражданами, женщинами, несовершеннолетними или психически больными осужденными, должен пройти специальную подготовку, которая соответствует особенностям характера работы. Курс подготовки всех сотрудников должен включать изучение международных и региональных документов и норм в сфере прав человека, особенно Европейской конвенции прав человека и Европейской конвенции против пыток, а также применение Европейских пенитенциарных правил.

В условиях углубления европейской и международной кооперации пенитенциарным управленцам необходимо владеть правовыми и социальными знаниями и межличностными умениями, иметь широкую профессиональную управленческую компетенцию, уметь активизировать своих подчиненных, управлять собой и эффективно распределять время.

При раскрытии понятия «руководитель в УИС» мы опираемся на следующую трактовку: руководитель должен обладать проактивным (действенным) мышлением планирования или, как его называют, прогнозирующим мышлением. Это возможно, если он осознает себя как постоянно обучающуюся систему, т. е. всегда находящуюся в процессе обновления знаний, умений и навыков. Пенитенциарные руководители должны постоянно учиться и поддерживать стремление учиться у своих подчиненных, предоставлять им возможность обучаться на курсах переподготовки и повышения квалификации. Они должны уметь думать над профессиональными задачами, уметь оценивать эффективность затрат в пенитенциарной деятельности, а также ответственность и эффективность развития человеческих и материальных ресурсов.

Используя совокупность критериев профессиональной успешности сотрудников УИС. Существуют статистически достоверные различия в показателях блоков личностных особенностей успешных и малоэффективных сотрудников. При определении успешности принималась во внимание совокупность профессионально значимых навыков и умений, которые являются отражением приемов умственной и практической деятельности сотрудников, служат показателем степени овладения профессией.

Свойствами личности, интегрирующими и составляющими основное психологическое содержание личности сотрудника, существенно влияющими на

эффективность профессиональной деятельности, являются:

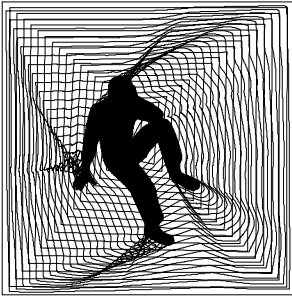
- постоянная готовность к ситуациям единоборства с осужденными и способность адекватно реагировать в экстремальных и конфликтных ситуациях;
- обладание высоким уровнем психофизиологической выносливости;
- осознание повышенной ответственности за результаты своих действий;
- способность к интенсивной, в том числе позитивно окрашенной, коммуникации с криминально ориентированными и асоциально направленными личностями;
- способность выдерживать длительные стрессогенные нагрузки, преодолевать тревожные состояния, чувство страха, неопределенности;
- постоянная интеллектуальная активность, основывающаяся на удержании в памяти большого количества фактов, анализе меняющейся информации, принятии решений в условиях неопределенности и дефицита времени;
- высокий уровень коммуникативных способностей, самостоятельности, смелости, персональной активности и контролируемой агрессивности; выраженной склонности к разумному риску.

Высокоэффективные в профессиональном плане сотрудники отличаются такими личностными особенностями, как относительно более выраженная эмоциональная устойчивость, общительность и доброжелательность, приверженность моральным нормам, опора на собственное мнение, склонность к подозрительности, дисциплинированность и ответственность. У них более значительно выражена самостоятельность, развита тенденция к сильному контролю своих эмоций и поведения.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что профессиональная подготовка личного состава – важный элемент системы работы с кадрами, причем насколько эффективно осуществляется работа с кадрами, настолько оптимально функционирует уголовно-исполнительная система в целом.

Так как сложность и объем задач, решаемых пенитенциарными учреждениями, меняются, профессиональная подготовка кадров должна меняться в целях оптимального использования ограниченных ресурсов в соответствии с новыми обстоятельствами. Проводимая реформа подготовки и обучения кадров уголовно-исполнительной системы предусматривает несколько последовательных уровней профессиональной подготовки. Актуальность этого объясняется насущной потребностью УИС Минюста России наращивать интеллектуальный потенциал и образовательный уровень сотрудников, следуя опыту тех стран, где эти вопросы решаются успешно.

Изучение и осмысление отечественного исторического опыта наряду с изучением практики и опыта подготовки кадров зарубежных стран позволяют проследить генезис и эволюцию профессиональной подготовки кадров как базисного основания эффективной правоохранительной деятельности и найти пути решения правовых и организационных проблем, возникающих при организации профессиональной подготовки кадров.



Психолого-педагогические аспекты становления и воспитания личности

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОВД

Доктор пед. наук, профессор **Г. И. Чижакова**

Сибирский государственный технологический университет (г. Красноярск)

И. М. Купчигина, инспектор

АФЗО Сибирского юридического института МВД России

В последнее время становится очевидным, что с развитием общества изменяются его ценностные ориентиры, представления о моральных нормах, отношение к ним. Появление негативных тенденций в социальной сфере, необходимость противостояния им, особенно в системе правоохранительных органов, требуют внимания к вопросам формирования профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел.

Анализ публикаций по данной проблематике показал, что наиболее интенсивно изучается профессиональная культура представителей тех профессий, которые функционируют в системе «человек-человек». Так, большинство исследований посвящено изучению профессиональной культуры педагогов (Е. В. Бондаревская, Г. И. Гайсина, Е. Ю. Захарченко, И. Ф. Исаев, Н. Б. Крылова, В. А. Сластенин, А. М. Столяренко) и государственных служащих (А. В. Анохин, В. Г. Игнатов и др.).

В процессе теоретического исследования мы не встретили работ, в полной мере раскрывающих структуру, содержание, функции профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел. Ряд исследователей (Т. М. Ахметов, В. В. Кожевников, М. В. Кочетков, Е. Н. Соколова и др.) косвенно рассматривают отдельные вопросы, позволяющие составить суждение о профессиональной культуре сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим изучение профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел является одной из актуальных проблем профессиональной подготовки специалистов названного профиля.

В рамках данной проблемы рассматривается профессиональная субкультура сотрудников органов внутренних дел, называемая в качестве ее структурных компонентов правосознание и правовая культура (Т. М. Ахметов); акцентируется внимание на правовой культуре, отражающейся в нравственном и правовом воспитании (Е. Н. Соколова); отмечается значимость сознательного и культурного уровней в правовом воспитании, формирующем правовой стиль поведения (М. В. Кочетков); определяется в качестве структурного элемента профессионально-правовой культуры сотрудников органов внутренних дел их социально-правовая активность (В. В. Кожевников).

Мнения авторов наглядно демонстрируют, что большинство исследователей при изучении профессиональной культуры в правоохранительной деятельности выделяют как значимый ее правовой аспект, включающий в себя нравственный компонент. По их мнению, такие признаки, как правовое сознание, правовое мышление, нравственность и нормативность, характеризуют профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел. Значимым в их исследовании является тот факт, что авторы рассматривают правовую культуру сотрудников ОВД как феномен профессиональной деятельности.

Исходя из анализа литературы, нам представляется, что профессиональная культура сотрудников правоохранительных органов выступает как социальная ценность и отражает не только позитивные, но и негативные ценности социума; представляет собой проектирование ценностей общей культуры на сферу правоохранительной деятельности; может рассматриваться как интегративное личностное качество, которое проявляется в поведении и деятельности; единицей анализа профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел выступает ценность права; особенности формирования и реализации профессиональной культуры обуславливаются нормативно-правовыми, этическими требованиями, психофизиологическими и возрастными характеристиками, социальным и профессиональным опытом личности.

В структуре профессиональной культуры сотрудников ОВД мы выделяем следующие компоненты: когнитивный, коммуникативный, эмоциональный и рефлексивный. Считаем целесообразным включить аксиологическую составляющую в каждый компонент. Выделение ценностной составляющей названных компонентов позволяет, на наш взгляд, рассматривать профессиональные ценности как регулятивы поведения и деятельности сотрудников органов внутренних дел. Ценностная характеристика каждого компонента профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов обогащает ее содержание и находит отражение в системе профессионально-ценностных ориентаций, определяющих направленность сотрудника на ценности профессиональной деятельности.

Выявление уровня сформированности профессиональной культуры сотрудников ОВД в совокупности показателей по каждому из названных выше компонентов осуществлялось на основе обозначенных нами критериев. Под критериями мы понимали признаки, на основании которых производится оценивание изучаемого явления. Так, И. Ф. Исаев считает, что критерии профессионально-педагогической культуры определяются исходя из системного понимания культуры, выделения ее структурных и функциональных компонентов, толкования культуры как процесса и результата творческого освоения и создания педагогических ценностей, технологий при профессионально-творческой самореализации личности преподавателя (1). Опираясь на это определение, под критериями сформированности профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел мы понимаем знания и умения, раскрывающие в единстве и взаимосвязи содержательные характеристики когнитивного, эмоционального, коммуникативного и рефлексивного компонентов профессиональной культуры. Каждый из критериев раскрывает разные аспекты профессиональной культуры сотрудников ОВД.

В качестве основного критерия сформированности когнитивного компонента профессиональной культуры мы рассматривали наличие у сотрудника ОВД знаний о профессиональной культуре и ее ценностях и осознание их значимости для успешного осуществления служебной деятельности; эмоционального компонента – наличие позитивного отношения к ценностям профессиональной культуры, стремления реализовать их в служебной деятельности; коммуникативного – сформиро-

ванности коммуникативных умений (умений легко вступать во взаимодействие с другими участниками общения, быстро завоевывать инициативу в общении, использовать различные коммуникативные средства и технологии в процессе общения) у сотрудника органов внутренних дел; рефлексивного компонента – умения осуществлять рефлексию деятельности по реализации освоенных ценностей профессиональной культуры в служебной деятельности.

В соответствии с названными критериями были определены критериальные характеристики, отражающие трехуровневое проявление сформированности профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел (высокий, средний, низкий) (табл. 1).

Сформированность когнитивного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел определялась нами с помощью метода анкетирования; эмоционального компонента – методики «Ценностные ориентации» М. Рокича; коммуникативного компонента – методики диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко и рефлексивного – методики определения уровня развития рефлексивности А. В. Карпова.

Для участия в опытно-экспериментальной работе в качестве респондентов были приглашены слушатели Абаканского филиала заочного обучения ГОУ ВПО «Сибирский юридический институт МВД России» (г. Красноярск). В ней приняли участие слушатели 3 курса – сотрудники различных структурных подразделений органов внутренних дел. В экспериментальной группе присутствовали 50 человек (2005/06 гг.

Таблица 1

Критериальные характеристики уровней сформированности профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел

Компонент профессиональной культуры	Уровни и критериальные характеристики		
	Высокий	Средний	Низкий
Когнитивный	Владеет знанием о профессиональной культуре и ее ценностях и осознает их значимость для успешного осуществления служебной деятельности	Владеет знанием о профессиональной культуре и ее ценностях, но не осознает их значимость для успешного осуществления служебной деятельности	Не владеет знанием о профессиональной культуре и ее ценностях и не осознает их значимость для успешного осуществления служебной деятельности
Эмоциональный	Принимает ценности профессиональной культуры, стремится реализовать их в служебной деятельности	Нейтральное отношение к ценностям профессиональной культуры, отсутствие стремления к их реализации в служебной деятельности	Негативное отношение к ценностям профессиональной культуры, отсутствие стремления к их реализации в служебной деятельности
Коммуникативный	Легко вступает во взаимодействие с другими участниками общения; быстро завоевывает инициативу в общении; в процессе общения использует различные коммуникативные средства и технологии	Испытывает коммуникативные барьеры во взаимодействии с другими участниками общения; не всегда может завоевать инициативу в общении; затрудняется в управлении общением	Проявляет конфликтность во взаимодействии с другими участниками общения; не может завоевать инициативу в общении; не умеет управлять общением
Рефлексивный	Осуществляет анализ собственной служебной деятельности на основе принятых ценностей профессиональной культуры и организует дальнейшие действия, руководствуясь ценностными ориентирами	Анализ служебной деятельности осуществляет только в случае необходимости внесения значительных корректив	Не осуществляет анализ собственной служебной деятельности на основе принятых ценностей профессиональной культуры и не организует дальнейшие действия, руководствуясь ценностными ориентирами

обучения); в контрольной – 50 человек, соответственно (2004/05 гг. обучения).

При изучении уровня сформированности когнитивного компонента профессиональной культуры сотрудников ОВД нас интересовало, владеют ли они знаниями о профессиональной культуре и ее ценностях, осознают ли их значимость для успешного осуществления служебной деятельности. Для этого участникам эксперимента была предложена анкета, включающая 10 вопросов, направленных на выявление знаний о профессиональной культуре. Каждый ответ респондентов оценивался по трехбалльной системе. Результаты ответов обрабатывались по балльной шкале: 25-30 баллов – высокий уровень, 11-24 балла – средний уровень, 0-10 баллов – низкий уровень.

К высокому уровню мы отнесли слушателей, в ответах которых содержались суждения, раскрывающие сущность профессиональной культуры, а также показывающие возможные варианты проявления профессиональной культуры в служебной деятельности. Сотрудники ОВД владеют знанием о профессиональной культуре и ее ценностях и осознают их значимость для успешного осуществления служебной деятельности.

Средний уровень характеризовался неточным объяснением сущности профессиональной культуры, указанием ее несущественных проявлений в правоохранительной деятельности. Сотрудники ОВД владеют знанием о профессиональной культуре и ее ценностях, но не осознают их значимость для успешного осуществления служебной деятельности.

Низкий уровень определялся наличием в ответах слушателей неадекватного объяснения сущности профессиональной культуры, отсутствием умения охарактеризовать ее проявление в реальной профессиональной действительности. Сотрудники ОВД не владеют знанием о профессиональной культуре и ее ценностях и не осознают их значимость для успешного осуществления служебной деятельности.

Ответы слушателей были проанализированы, в результате чего слушатели были условно отнесены к различным уровням понимания значимости профессиональной культуры. В экспериментальной группе к высокому уровню сформированности когнитивного компонента профессиональной культуры отнесены 0 человек (0%); к среднему – 21 (41,0%); к низкому – 29 человек (59,0%). Соответственно, в контрольной группе 0 человек (0%) имели высокий уровень сформированности когнитивного компонента профессиональной культуры; 20 (39,0%) – средний; 30 человек (61,0%) – низкий.

Данные анкетирования наглядно демонстрируют, что преобладающим уровнем сформированности когнитивного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел является низкий уровень. Большинство слушателей не могут дать определение профессиональной культуры, не осознают ее значимость для успешного осуществления служебной деятельности.

Сформированность эмоционального компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел мы определяли при помощи методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Методика содержит систему ценностных ориентаций, которая определяет направленность личности на взаимодействие с другими людьми, индивидуальную самореализацию, личностное развитие, мотивацию жизненной активности. В ней различаются два класса ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства).

Качественный анализ данных, полученных по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича, проводился с помощью статистического метода обработки путем вычисления медианы, которая указывает результат, характеризующий рейтинг ценностей в экспериментальной и контрольной группах. Для вычисления медианы в вариационном ряде ответов респондентов мы использовали формулу: $\text{место медианы} = N + 1/2$ (N – количество членов вариационного ряда). Затем нами определялся рейтинг каждой ценности в экспериментальной и контрольной группах по значению медианы (табл. 2).

Ценности, расположенные на верхних ступенях ценностной иерархии, содержательно определяют направленность исследуемой группы слушателей на цели и средства формирования их профессиональной культуры и позволяют оценить, какой смысл имеет профессиональная культура для данной группы слушателей. Ценности, расположенные на нижних ступенях иерархической системы ценностей, также характеризуют направленность личности, так как указывают на отсутствие значимости определенных ценностей для исследуемой группы слушателей. Ценности, расположенные в средней части, считаются малоинформативными для определения общей направленности личности, так как для них характерна тенденция изменения своего места.

Важными и значимыми ценностями рейтинга ценностей-целей у слушателей экспериментальной группы являются здоровье (физическое и психическое) (1); счастливая семейная жизнь (3); любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) (4); интересная

Таблица 2

Рейтинг ценностей в экспериментальной и контрольной группах

Ценности		Медиана																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
ЭГ	и	6,5	8	1	5	15	4	5	6	13	11	12	11	15	10	3	16	16	9,5
	т	7	3	16,5	7	9	9	16	5	6	10	8,5	10	10	11	10	7	12	13
КГ	и	6	5,5	1	4,5	17	4	4	7	8	9	10	11	15	11	10,5	15	16	12,5
	т	7	4	16	6,5	9	10	14,5	6	6,5	9,5	8,5	11	10	11	10,5	7	12	14

работа (5); материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) (5); активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) (6,5).

В средней части ценностной иерархии расположились такие ценности-цели: уверенность в себе (9,5); жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) (8); свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках) (10).

Нижние ступени в экспериментальной группе заняли такие ценности: красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве) (15); развлечение (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей) (15); счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом) (16); творчество (возможность творческой деятельности) (16).

Данные рейтинга терминальных ценностей в контрольной группе имеют незначительные различия с показателями экспериментальной группы, поэтому мы не будем подробно останавливаться на их показателях.

Рейтинг терминальных ценностей в экспериментальной и контрольной группах показал, что у сотрудников органов внутренних дел направленность на ценности профессиональной культуры недостаточно сформирована. Ценности, определяющие сформированность профессиональной культуры, заняли нижние ступени в рейтинге ценностей-целей.

Высокий рейтинг ценностей-средств у слушателей экспериментальной группы показали: воспитанность (хорошие манеры) (3); образованность (широта знаний, высокая общая культура) (5); ответственность (чувство долга, умение держать слово) (6).

В средней части ценностной иерархии расположились такие ценности-средства, как аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах (7); честность (правдивость, искренность) (7); жизнерадостность (чувство юмора) (7); самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) (8,5); исполнительность (дисциплинированность) (9); независимость (способность действовать самостоятельно, решительно) (9).

Нижние ступени в экспериментальной группе заняли такие ценности: эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) (12); чуткость (заботливость) (13); непримиримость к недостаткам в себе и других (16); высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания) (16,5).

Данные рейтинга инструментальных ценностей в контрольной группе, также как и данные рейтинга терминальных ценностей, имеют незначительные различия с показателями экспериментальной группы, поэтому мы не будем подробно останавливаться на их показателях.

Данные рейтинга инструментальных ценностей в экспериментальной и контрольной группах наглядно демонстрируют, что у сотрудников органов внутренних дел направленность на ценности-средства профессиональной культуры недостаточно сформирована. Ценности, определяющие сформированность профессиональной культуры, расположились на средних и нижних ступенях ценностной иерархии.

Таким образом, результаты использованной методики демонстрируют приоритет нейтрального и негативного отношения сотрудников органов внутренних дел к профессиональной культуре, что характеризует средний и низкий уровни сформированности эмоционального компонента профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов.

Для изучения сформированности коммуникативного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел применялась методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко (4). Определение эмпатии как свойства личности придает ей статус фактора, который не только характеризует субъект затрудненного и не затрудненного общения, но и является постоянно действующей причиной как возникновения ситуаций затрудненного общения, так и выхода из них. Такая трактовка эмпатии делает акцент на ее роли в качестве механизма межличностного общения, указывает на двусторонние связи субъекта и объекта (3, 171).

Использование данной методики позволило не только выделить уровни сформированности коммуникативного компонента профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов, но и определить у них доминирующие каналы эмпатии. Респондентам было предложено 36 утверждений, на которые необходимо было ответить «да» или «нет». Подсчет правильных ответов проводился по каждой шкале, а затем определялось их суммарное число.

Результаты исследования показали следующее: 23 человека (46,0%) экспериментальной группы и 19 человек (38,0%) контрольной группы имеют средний уровень; 27 человек (54,0%) экспериментальной и 31 человек (62,0%) контрольной групп характеризуются низким уровнем сформированности коммуникативного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел. Высокий уровень сформированности коммуникативного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел зафиксирован не был.

Интерпретация результатов методики выявила доминирующие каналы эмпатии у слушателей (интуитивный и канал проникающей способности). Интуитивный канал эмпатии проявляется у 24 человек (48,0%) экспериментальной и у 28 человек (56,0%) контрольной групп, канал проникающей способности в эмпатии – у 13 человек (26,0%) экспериментальной и у 16 человек (32,0%) контрольной групп. Полученные данные свидетельствуют о способности респондентов предугадывать поведение партнеров, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании. Результаты диагностики показали, что интуиция менее зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие другого человека. Проникающая способность в эмпатии расценивается как коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Интерпретация полученных результатов показала отсутствие рационального канала эмпатии в деятельности сотрудников органов внутренних дел, характеризую-

шего направленность внимания, восприятия и мышления эмпатирующего на состояние, проблемы, поведение другого человека. Остальные каналы эмпатии выражены в неявном виде, поэтому мы не останавливаемся на их описании подробно. Можно заключить, что у сотрудников органов внутренних дел не сформирована способность входить в эмоциональный контакт с окружающими – сопереживать, соучаствовать. Обработка ответов наглядно демонстрирует низкий уровень сформированности эмпатийных установок у специалистов названного профиля.

Таким образом, результаты, полученные при помощи методики диагностики уровня эмпатических способностей, показывают низкий уровень сформированности коммуникативного компонента профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел, что наглядно демонстрирует конфликтность слушателей во взаимодействии с другими участниками общения, неумение завоевать инициативу в общении, управлять процессом общения.

Поскольку рефлексивный компонент профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел характеризуется в нашем исследовании наличием стремления к осуществлению ценностной рефлексии и саморефлексии, готовности сотрудника ОВД к реализации освоенных ценностей профессиональной культуры в служебной деятельности в совокупности трех других компонентов (когнитивного, эмоционального и коммуникативного), то мы будем понимать под рефлексией специалистов правоохранительных органов процесс переосмысления и перестройки субъектом содержательной стороны своего сознания, своей деятельности, общения, т. е. поведения как целостного отношения к окружающему миру, которое отражается в системе ценностных ориентаций личности. Мы учитывали, что осуществление сотрудниками ОВД ценностной рефлексии способствует осознанию значимости аксиологической направленности профессиональной культуры и позволяет осуществить анализ привычных профессиональных ситуаций с позиции теории ценностей. Ценностная рефлексия способствует формированию понимания того, что профессиональная культура создает оптимальные условия для профессионального становления и развития личности сотрудника; формирования у него ценностного отношения к профессиональной деятельности. Сформированность профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел по рефлексивному компоненту определялась нами по методике А. В. Карпова, в рамках которой фиксировалась мера выраженности свойства рефлексивности каждого респондента (2, 45-57). Методика включает ряд утверждений, направленных на непосредственный самоконтроль поведения человека в различных ситуациях, осмысление их элементов, анализ происходящего, способность субъекта к соотношению своих действий с ситуацией и их координации в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием.

Респондентам было предложено ответить на утверждения, поставив напротив номера каждого вопроса

цифру, соответствующую варианту ответа: 1 – абсолютно верно; 2 – неверно; 3 – скорее, неверно; 4 – не знаю; 5 – скорее, верно; 6 – верно; 7 – совершенно верно. Следует обратить внимание на то, что из 27 утверждений 15 являются прямыми (номера вопросов: 1, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 24, 25). Остальные 12 – обратные утверждения, что необходимо учитывать при обработке результатов, когда для получения итогового балла суммируются в прямых вопросах цифры, соответствующие ответам испытуемых, а в обратных – значения, замененные теми, которые получаются при инверсии шкалы ответов. Полученные результаты были систематизированы по трем категориям: высокий уровень сформированности рефлексивного компонента профессиональной культуры (равно или больше 7 стенов); средний уровень (от 4 до 7 стенов); низкий уровень (меньше 4 стенов).

Исходная распределенность сотрудников органов внутренних дел приняла следующее соотношение: к высокому уровню сформированности рефлексивного компонента профессиональной культуры отнесены 5 слушателей (10,0%) экспериментальной группы и 4 слушателя (8,0%) контрольной группы; к среднему – 27 слушателей (54,0%) экспериментальной и 27 слушателей (54,0%) контрольной групп; к низкому – 18 слушателей (36,0%) экспериментальной и 19 слушателей (38,0%) контрольной групп.

Полученные результаты исследования демонстрируют преобладание среднего уровня сформированности рефлексивного компонента профессиональной культуры у слушателей экспериментальной и контрольной групп.

В целом исследования сформированности профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел в экспериментальной группе свидетельствуют о преобладании низкого уровня сформированности когнитивного, коммуникативного и рефлексивного компонентов (74 ответа). В 71 случае ответов фиксируется средний уровень названных компонентов. Высокий уровень сформированности рефлексивного компонента зафиксирован в 5 ответах, по когнитивному и коммуникативному уровням отсутствует высокий уровень сформированности профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел. В процессе исследования было зафиксировано доминирование нейтрального и негативного отношения сотрудников правоохранительных органов к профессиональной культуре.

Данные сформированности профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел в контрольной группе имеют незначительные различия с показателями экспериментальной группы.

Полученные в процессе исследования результаты говорят о том, что значительная часть сотрудников органов внутренних дел не владеет знанием о профессиональной культуре и ее ценностях и не осознает их значимость для успешного осуществления служебной деятельности; демонстрирует как нейтральное, так и негативное отношение к профессиональной культуре и к ее ценностям, отсутствие стремления к их реализации в служебной деятельности; проявляет конфликтность во

взаимодействии с другими участниками общения, не может завоевать инициативу в общении; не умеет управлять процессом общения; анализ служебной деятельности осуществляет только в случае необходимости внесения значительных корректив.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаев И. Ф.* Профессионально-педагогическая культура преподавателя. – М., 2002.

2. *Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5.

3. *Лабунская В. А.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учебное пособие. – М., 2001.

4. *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара, 2002.

5. *Сластенин В. А.* Введение в педагогическую аксиологию: учебное пособие. – М., 2003.

ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Канд. психол. наук, доцент **В. И. Шмыков**
Пермский филиал Нижегородской академии МВД России

Профессиональная адаптация привлекает внимание многих исследователей и традиционно трактуется как процесс взаимодействия личности и профессиональной среды, как активное приспособление индивидуальности к условиям жизни и деятельности. Такое понимание адаптации включает в себя закономерности становления личности профессионала и сохранение эргономического равновесия в системе «субъект труда – профессиональная среда», поддержание динамической сбалансированности в континууме «человек – среда». Таким образом, профессиональная адаптация представляет собой единство взаимодействия индивида с физическими условиями профессиональной деятельности (психофизиологический аспект), соответствия личностных качеств с требованиями профессиональных задач (психологический аспект) и взаимовлияния личности и социальных компонентов профессиональной среды (социально-психологический аспект). Адаптация к физическим факторам (физическим нагрузкам, режиму труда, организации отдыха, полноценного питания и др.) входит в компетенцию физиологии, медицины и психофизиологии. Изучение социально-психологического и собственно психологического аспектов предполагает исследование взаимоотношений в коллективе, взаимодействия с коллегами при решении трудовых задач, формирования профессионально важных качеств личности, структуры и условий изучения профессиональной деятельности. Эти аспекты находятся в области интересов социологии, психологии, педагогики, и разделить пределы компетенции этих наук в изучении профессиональной адаптации сложно. Поэтому в исследованиях проблем профессиональной адаптации встречаются разные подходы, присущие этим наукам.

В прикладной психологии, а именно – юридической, широко проводится изучение профессионально важных качеств (ПВК) юристов, особенностей юридической деятельности и профессионального подбора кадров, также включающих психофизиологический, психологический, социально-психологический аспекты. Поэтому выводы и рекомендации могут быть различными, но не взаимоисключающими, и задачей юридической психологии является интеграция этих знаний.

К настоящему времени юридическая психология располагает методическими материалами по тестиро-

ванию ПВК и деятельности юристов, эмпирическими результатами исследований. Кроме того, в связи с социально-экономическими преобразованиями в обществе направленность исследований и публикаций сводится к анализу негативных изменений личности юристов: ПТСР, деформация личности, девиантное поведение, падение престижа службы в ОВД. Определенная часть публикаций посвящена подготовке к экстремальным видам деятельности и профилактике патопсихологических последствий. Как видим, вопросы профессиональной адаптации к условиям деятельности различных специальностей юридической профессии остаются вне внимания юридических психологов.

В отличие от юридической психологии, в психологии труда имеются исследования адаптации человека к профессиональной деятельности. Ряд ученых выделяют гендерные различия в адаптации, возрастные кризисы профессионального развития, потенциал индивидуальной адаптивности (4). В процессе профессиональной адаптации традиционно выделяются периоды адаптационного напряжения, стабилизации и адаптационного утомления. Классификация периодов профессиональной адаптации соотносится с основными стадиями стресса, описанными Г. Селье.

Адаптированность как динамическое равновесие в системе «человек – профессиональная среда» проявляется в эффективности деятельности, удовлетворенности трудом, оптимальным уровнем работоспособности, гибкой смене стратегий и способов трудовых действий, эргономичности стратегий преодоления трудностей на пути становления профессионального мастерства. Факторы, влияющие на успешность адаптации, обычно подразделяются на две группы: субъективные и средовые. К субъективным относятся психофизиологические, психологические, социально-психологические характеристики личности профессионала. В контексте данного исследования к ним относятся возраст, возрастные нормативные кризисы становления профессионализма.

В настоящее время изучение профессионализма сформировалось в самостоятельную научную дисциплину – акмеологию (3), где получила свое развитие как раздел возрастной психологии. На современном этапе акмеология изучает механизмы развития человека на

ступени его зрелости при достижении высокого уровня профессионального мастерства. Определелись следующие направления в изучении развития личности: личностно-профессиональное, профессионально-квалификационное, профессионально-должностное, нравственное. Социальные преобразования прогрессивно развивающегося общества всегда востребуют совершенствование социальных институтов, в том числе и МВД России. Для достижения высоких показателей юридического труда необходимо ведение психологической работы с ориентацией на качественные методы, ведущие к наивысшим результатам.

В юридической психологии эта проблема хорошо осознавалась и осознается. Однако в настоящее время при решении практических задач, связанных с подбором кадров, аттестацией, определением путей профессионального роста, преобладает профессиографический (профессиологический) подход. Он осуществляется благодаря разработке профессиограмм, психограмм, профессиографических описаний, выявлению профессиональной пригодности (противопоказаний) субъекта к определенному виду профессиональной деятельности. Такой подход спровоцировал тенденцию в психологии к описанию негативных явлений в юридической среде: конфликтность, несовместимость сотрудников, социально-психологическая неудовлетворенность, снижение престижа службы, деформация личности, невыполнение служебных обязанностей, проступки и др. Никто в психологии труда и прикладных направлениях психологии не занимался самобичеванием так, как юристы, и не без помощи юридических психологов. Справедливости ради надо отметить, что данный подход не исчерпал своих возможностей. Он позволяет психологическими средствами регулировать служебно-боевую деятельность ОВД, обратить внимание государственных структур на необходимость социальных изменений в ОВД. Однако данный подход не решает в полной мере проблему профессионализма в ОВД. Очевидно, что при становлении акмеологического подхода в ОВД возможно развитие профессионализма. Профессиографический подход является начальным этапом в решении проблем становления профессионализма, он ориентирует на средний уровень выполнения трудовой деятельности. Акмеологический подход определяет иное изучение профессионализма – как отражающий высокий уровень развития ПВК и психической устойчивости, направленный на совершенствование личности специалиста, включающий качественные характеристики деятельности с высокой продуктивностью.

В рамках данного исследования проведено изучение профессиональной адаптации и психической устойчивости молодых специалистов при личном участии начальника отдела СПЗ и ПО ГУВД Пермского края. В эксперименте приняли участие выпускники ведом-

ственных юридических вузов (ссузов) МВД России, имеющие стаж работы от 1 до 10 лет: молодые специалисты («адаптанты») со стажем до 5 лет – 100 человек; специалисты (стадия профессионализации, «интерналы») со стажем до 10 лет – 40 человек. Целью являлось изучение психологических механизмов профессиональной адаптации и психической устойчивости (как психологических составляющих профессионального мастерства) молодых специалистов сотрудников ОВД. Для этого применялись методики тестирования психического напряжения, психических состояний, стилей саморегуляции, стратегий поведения, личностных особенностей адаптации. Результаты статистического анализа представлены в таблице.

Критериальный анализ профессиональной адаптации и психической устойчивости свидетельствует о том, что, по большинству показателей (представленных в таблице), значимых различий между группой 1 («адаптанты») и группой 2 («интерналы») не имеется. Исключения составляют проявления «Субъективного значения деятельности» и «Стремление к совершенству», они значимо выражены в группе сотрудников со стажем более 6 лет. Это характеризует респондентов группы 2 как профессионально активных, с выраженным субъективным значением избранной профессии, стремлением к совершенству при выполнении профессиональных задач («работа над собой»).

В целом по обеим группам можно констатировать, что большинство респондентов-сотрудников ОВД профессионально адаптированы и психически устойчивы (с точки зрения *профессиографического подхода*):

- психическое напряжение среднее (показатель 3: для гр. 1 = 38 ± 6 , для гр. 2 = 37 ± 5)*;
- психическое состояние оптимальное (показатели 4, 5 соответствуют низкой тревожностью и отсутствию фрустрированности), агрессия и ригидность – средние (величины незначимые, соответствуют таким проявлениям в общей массе населения);
- саморегуляция высокозначимая и выраженная (показатель 8 – гибкое, адекватное поведение);
- переживания, связанные с работой (показатели 9-19) – величины средние (за исключением показателей 12, 15 для группы 2), характеризуют среднюю профессиональную активность, среднюю психическую устойчивость, среднее отношение к работе, так как отсутствуют низкие значения этих показателей, следовательно, отсутствуют синдромы «сгорания» и «деформаций личности»;
- социально-адаптационные качества (показатели 20-22) свидетельствуют об отсутствии дезадаптации, так как уровень социализации средний, коммуникативные качества средние, поведенческая регуляция средней выраженности;
- адаптационный потенциал (показатель 23) – высокий, соответствует первой группе профессиональной пригодности для службы в ОВД.

* В генеральной выборке интенсивное психическое напряжение (показатель 3) соответствует 50 баллам и выше; высоко-выраженные значения психических состояний (показатели 4, 5, 6, 7) начинаются с 15 баллов и выше, низкие значения – менее 7 баллов; ярко выраженная саморегуляция (показатель 8) – с 33 баллов и выше; высокозначимые переживания, связанные с работой (показатели 9-19) – с 24 баллов и выше; высоковыраженные социально-адаптационные качества личности (показатели 20-22) соответствуют 6 баллам и ниже; высокий адаптационный потенциал (показатель 23) – менее 40 баллов.

Статистические показатели профессиональной адаптации и психической устойчивости

№ п/п	Показатели	Группа 1 (до 5 лет)		Группа 2 (свыше 6 лет)		t-критерий Гр.1: 2
		Mean	Std. Dev.	Mean	Std. Dev.	
1	Возраст	23,14	1,68	29,33	3,31	p < 0,001
2	Стаж работы	2,70	1,45	8,33	2,68	p < 0,001
3	Психическое напряжение	38,83	6,35	37,41	5,15	не значимо
4	Тревожность	4,31	2,86	3,51	2,65	–
5	Фрустрация	3,46	2,64	3	2,36	–
6	Агрессия	8,05	3,17	7,56	3,76	–
7	Ригидность	7,73	3,42	7,30	3,01	–
8	Саморегуляция	32,05	5,01	32,51	4,63	–
9	Субъективное значение деятельности	15,72	4,47	18,25	4,19	P < 0,01
10	Профессиональные притязания	21,22	3,34	22,30	3,55	не значимо
11	Энергетические затраты	20	3,69	20,76	3,36	–
12	Стремление к совершенству	22	3,34	24,30	3,40	P < 0,001
13	Дистанция к работе	19,47	4,69	18,15	4,51	не значимо
14	Отказ при неудаче	13,43	3,34	12,53	3,53	–
15	Активное решение проблем	22,54	2,72	23,07	3,20	–
16	Спокойствие, равновесие	20,22	3,65	20,51	3,30	–
17	Успешность деятельности	20,29	3,32	21,23	3,68	–
18	Удовлетворенность жизнью	21,64	3,79	22,28	3,16	–
19	Социальная поддержка	21,13	3,11	21,71	2,89	–
20	Социализация	8,28	3,02	7,53	2,97	–
21	Коммуникативный потенциал	10,06	4,11	9,46	3,76	–
22	Поведенческая регуляция	13,89	10,16	12,61	8,18	–
23	Адаптационный потенциал личности	31,8	14,85	29,74	11,91	–

Вывод по этой части критериального анализа (*профессиографический подход*) несколько противоречит сложившимся психологическим представлениям о положении дел в ОВД в части собственно психологического аспекта адаптации. В психологических публикациях зачастую делается негативный вывод: деформация личности, дезадаптация вследствие чрезмерного психического напряжения в деятельности сотрудников ОВД (1, 28-30).

Однако с позиции *акмеологического подхода* (высоких требований к ПВК и высоких стандартов профессиональной деятельности) выводы иные. Молодые специалисты («адаптанты») и специалисты со стажем работы («интерналы») не испытывают психического перенапряжения в повседневной служебной деятельности, психическое состояние оптимальное (показатели 3-7), саморегуляция поведения хорошо выражена (показатель 8):

– сотрудники обеих групп гибко и адекватно реагируют на изменения условий и задач юридического труда, легко овладевают новыми видами активности, уверенны в незнакомых ситуациях;

– успехи в деятельности стабильны и во многом связаны с мотивационными факторами личности.

Личностная основа высоких ресурсов профессиональной адаптации – достаточно сформированы личностно-профессиональные качества.

Однако особенности переживаний, связанные с профессиональной деятельностью, констатируют иные характеристики:

– не выраженное субъективное значение избранной профессии (показатель 9), не сформировавшиеся профессиональные притязания (показатель 10), т. е. у сотрудников профессиональные планы не связаны с работой в ОВД;

– незначительные энергетические затраты при выполнении заданий (показатель 11), сохранение дистанции к работе (показатель 13), т. е. нежелание прилагать усилия при решении служебных задач;

– отсутствие положительной оценки профессионального труда и удовлетворенности жизнью (показатели 17, 18), недостаточная социальная поддержка (показатель 10), т. е. неуверенность в собственной пригодности и социальной полезности своего труда, недостаточная удовлетворенность своим местом и ролью в обществе.

Социально-адаптационные проявления респондентов характеризуют недостаточную социализацию (показатель 20), недостаточно выраженные коммуникативные качества (показатель 21), нестабильную поведенческую регуляцию (показатель 22) – вследствие этого сотрудники не стремятся соблюдать требования коллектива, испытывают трудности в общении с окружающими, демонстрируют склонности к конфликтности и неосознаваемой тенденциозности в отражении действительно-

сти. Но адаптационный потенциал, это важно отметить, в обеих группах высокий (показатель 23) – лица с таким высоким потенциалом могут легко адаптироваться в различных условиях деятельности, быстро включаться в коллектив, адекватно ориентироваться в ситуации, обладать высокой психической устойчивостью и высокой работоспособностью, но не реализуют потенциал в высокопродуктивной деятельности (показатель 9).

Выявленное несоответствие имеет психологическое объяснение: при наличии адаптационных ресурсов, оптимального психического состояния и среднего психического напряжения мотивационные устремления у большинства сотрудников остаются вне пределов профессиональной среды ОВД. Такое сочетание противоречий не создает предпосылок роста профессионального мастерства сотрудников, даже на фоне признаков профессиональной адаптации и психической устойчивости.

Вывод с позиции акмеологического подхода (психологический аспект) не противоречит и даже подтверждает социологические публикации (социально-психологический аспект адаптации) о социальном торможении профессионального роста сотрудников ОВД (2, 58-64). К социальным причинам относятся: неудовлетворенность условиями и организацией работы; отсутствие предоставления жилья; недостаточное денежное содержание; недостаточность знаний и навыков, полученных в вузе; выполнение поручений, не связанных с прямым выполнением обязанностей; недостаточная удовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе; трудности в возможной организации досуга, отдыха, быта; психологический нигилизм; снижение престижа ОВД; недостаточная разработанность системы индивидуальной оценки трудового участия; неопре-

деленные перспективы служебного и профессионального роста и др.

Преобладающий тип личности при существующем социальном положении в профессиональной деятельности ОВД на основании результатов исследования можно определить как «Экономный»:

– энергосберегающий, со сниженным уровнем трудового участия;

– со средним уровнем мотивации и низким значением профессиональной деятельности в ОВД;

– неустойчивой служебной перспективой, вероятной социальной неудовлетворенностью на фоне успешности людей иных специальностей в обществе.

В заключение полагаем подчеркнуть, что данное исследование пилотное и имеет неоднозначные выводы. Приглашаем коллег к дискуссии и обмену мнениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барко В. И., Шматко И. О. Исследование характерологических особенностей участковых инспекторов милиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 1996. – № 1.
2. Караваяев А. Ф., Михайлова В. К., Даниличева Т. П. Социально-психологическая адаптация молодых специалистов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2004. – № 1.
3. Кузьмина Н. В., Реан А. А. Профессионализм педагогической деятельности. – СПб., 1993.
4. Маклаков А. Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1996.
5. Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях: методическое пособие / под общ. ред. В. М. Бурыкина. – М., 2004.

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ОБУЧАЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Канд. пед. наук, доцент **А. Ф. Караваяев**

Омская академия МВД России,

В. А. Протасов, В. В. Дахневич, Л. П. Протасова

Специализированная школа № 1, г. Иркутск

Одна из наиболее характерных сторон личности человека – ее индивидуальность, под которой понимается неповторимое сочетание психических особенностей личности. А. В. Петровский относит сюда характер, темперамент, особенности протекания психологических процессов, совокупность преобладающих чувств и мотивов деятельности, сформировавшиеся способности и мастерство (2). Автор отмечает, что нет двух людей с одинаковым сочетанием указанных психических особенностей – личность человека неповторима в своей индивидуальности. Таким образом, рассматривать личность курсанта необходимо, прежде всего, как конкретного человека со всеми его проявлениями – достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами.

Социально-психологический склад личности образует у каждого конкретного человека устойчивое единство, которое может рассматриваться как относительное постоянство психического портрета личности. При

непрерывном изменении психических состояний (желаний, чувств и др.), при наличии изменений поведения, связанных с тем ролевым участием, которое определяет себе человек в различных ситуациях жизни, психологический склад личности остается постоянным. Данная устойчивость связана с известным постоянством совокупности общественных отношений, в которые включен человек. Однако отмеченные постоянства весьма относительны, так как изменения в складе личности детерминированы изменениями условий деятельности, общения и окружающей человека среды в целом.

В педагогической и психологической науке проведены значительные исследования по изучению индивидуальных особенностей и возможностей их учета в процессе обучения (психологи Б. М. Теплов, Е. А. Климов, Ю. Н. Куллоткин, Г. С. Сухобская, Л. С. Славина; педагоги А. А. Кирсанов, А. Н. Кокев, Е. С. Рабунский, И. Э. Унт и др.). А. А. Кирсановым (5) разработана педагогическая кон-

цепция, где индивидуализация учебной деятельности учащихся как средство успешного овладения ими знаниями и способами действий, формирования их личностных качеств становится оптимально действенной, если она являет собой развивающуюся динамично функционирующую целостную систему. По мнению автора, в общий комплекс дидактических принципов органической частью входит принцип индивидуального подхода к учащимся в обучении. Он по содержанию, в отличие от других имеющихся на сегодня определений, не представляет собой единства («индивидуальный подход», «индивидуализация обучения», «фронтальность, коллективность и индивидуализация в их оптимальном сочетании» и др.). А. А. Кирсановым установлено, что данный принцип учитывает индивидуальные различия, многообразно проявляющиеся в познавательной, репродуктивной и практической деятельности обучаемого: характер протекания мыслительных процессов; уровень знаний и умений; работоспособность, темп продвижения; отношение к учению; характер познавательных интересов; уровень волевого развития. Как педагогическое понятие, «индивидуализация» – это обособление, выделение обучаемого в учебной деятельности с учетом его индивидуальности на основе личностно-социально-деятельностного подхода к его обучению и воспитанию, т. е. объектом системы индивидуализации учебной деятельности является целостно формирующаяся личность обучаемого, его деятельность (в том числе учебная) и общение. Данное обстоятельство обусловлено структурой индивидуальных особенностей курсанта. Это, в свою очередь, ориентирует процесс индивидуализации в частности и процесс обучения – в общем на целостный, системный подход к курсанту.

Дидактический принцип индивидуализации учебной деятельности предусматривает не только деятельность обучаемого на основе выявления и учета его индивидуальных особенностей, здесь важную роль играют и деятельность преподавателя, офицера-воспитателя, влияние других структурных компонентов в конкретной педагогической системе подготовки курсанта в вузе. Это является следствием расширения сферы действия принципа индивидуального подхода к обучаемым в процессе педагогической работы с ними.

В современной возрастной психологии и общей педагогике принято считать, что развитие личности обучаемого является историей его становления как активного субъекта учебной, общественной и других видов деятельности. Обучаемый становится личностью по мере овладения научными знаниями, навыками, способами деятельности. Его развитие происходит путем наращивания количественных признаков и преобразований. По мнению А. А. Кирсанова, система индивидуализации процесса обучения должна включать в себя следующие элементы:

- индивидуальный подход при подготовке обучаемых к усвоению нового учебного материала (индивидуальные задания с отдельным обучаемым накануне конкретного теоретического (практического) занятия);
- выявление слабых и сильных сторон обучаемых перед изучением нового материала (наблюдение за ра-

ботой обучаемых на предыдущих занятиях, анализ письменных и устных ответов, беседы с лицами, проведение небольших фронтальных самостоятельных работ в начале занятия);

- индивидуальный подход к обучаемым на этапе первичного восприятия и осмысления знаний (постановка вопросов отдельным обучаемым с целью проверки понимания ими излагаемого преподавателем материала: подбор дополнительных вопросов, заданий, наглядных пособий, помогающих обучаемым лучше понять изучаемый материал; приспособление заданий к возможностям учебной деятельности отдельных обучаемых с последующим усложнением до содержания учебной программы); подбор специальных заданий хорошо успевающим обучаемым;

- организацию индивидуального подхода при первичном закреплении и применении знаний на практике (проверка понимания отдельными обучаемыми изучаемого материала; подбор нескольких вариантов одного и того же задания) и др.

Анализ проблемы подготовки курсантов как будущих сотрудников ОВД, изучение системы обучения, личности, деятельности и общения как предпосылок их обучения позволяют судить о том, что личность курсанта проявляется в его учебной деятельности целостно, со всеми ее параметрами (генетическими, психофизиологическими, психологическими, социальными и др.). В процессе обучения взаимосвязаны и взаимообусловлены структурные компоненты психического мира курсанта: психические процессы, состояние, свойства, образования, а также природные (биологические) задатки.

Очевидно, что все упомянутые компоненты психического мира у каждого человека индивидуальны и особенны, что в совокупности и составляет неповторимую личность человека. В разное время в педагогике и психологии были исследованы проблемы индивидуальных особенностей обучаемого: усвоение знаний (Л. В. Занков, Д. Б. Элькокин, В. В. Давыдов и др.); индивидуальные различия памяти (А. А. Смирнов); характер и особенности (А. Г. Ковалев, В. Н. Мясичев); формирование умений (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина) и др. В педагогической психологии возрастные психологические особенности были предметом исследования К. К. Платонова, Л. Ф. Железняк, М. И. Дьяченко, В. Л. Крутецкого, Н. С. Лунина, Н. Д. Левитова и др. Авторами рассмотрены проблемы характеристики возраста обучаемого, развития его личности в процессе учебной деятельности и т. п. (3; 4).

Таким образом, в аспекте нашего исследования представляется возможным на основе выявления индивидуальных особенностей личности курсанта (их сущности, содержания и структуры) определить их влияние на учебную деятельность курсанта, а также обосновать и определить факторы, условия и пути использования индивидуальных особенностей курсанта для повышения эффективности его учебы.

Очевидно, что основным социально-психологическим фактором при исследовании проблемы индивидуальных особенностей курсанта как личности будет его жизненный путь. Данное обстоятельство подтверждено

тем, что в зарубежной и отечественной психологии влияние жизненного пути личности на ее формирование и развитие придается большое значение. Известно также, что личность в качестве субъекта организует и структурирует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Концепция субъекта жизненного пути решает старую проблему – как соединить два подхода к жизни – индивидуально-биографический и социально-типический, что весьма важно при рассмотрении влияния индивидуальных особенностей личности на ее деятельность, в том числе учебную. Наиболее серьезная попытка теоретико-эмпирического изучения жизненного пути личности принадлежит Б. Г. Ананьеву (1), который разработал понятие возраста как основную единицу периодизации жизненного пути личности, обосновал категории познания деятельности и общения как основных форм жизни, через которые изучается и в которых реализуется личность. Однако, критически относясь к этой концепции с позиций сегодняшнего дня, можно считать, что главная проблема, не решенная Б. Г. Ананьевым, по мнению ряда авторов, состояла в том, что ему не удалось выявить связь личностных структур жизненного пути, рассмотреть саму личность как основание периодизации жизненного пути, раскрыть зависимость жизненного пути от личности. Эта задача была решена С. Л. Рубинштейном, который представил концепцию личности как субъекта жизненного пути.

В зарубежной психологии личности характерным подходом к рассмотрению индивидуальных особенностей личности является «полифакторная теория структуры личности» (Г. Айзенк, Р. Кеттелл и др.). Так, Р. Кеттелл выделил ряд факторов, по отношению к которым существуют соподчиненные явления личности. Однако по отношению друг к другу все эти факторы независимы, автономны в общей структуре личности, в которой они своеобразно расположены. Поэтому, с точки зрения зарубежных психологов, между личностными факторами не существует необходимых взаимосвязей, хотя возможны случайные совмещения их эффектов в поведении.

В педагогической психологии ряд авторов в структуру индивидуальных особенностей личности включают анатомо-физиологические особенности. Так, В. А. Крутецкий (6) относит к ним жизненную зрелость, изменения в развитии нервной системы и мозга, половое созревание. Здесь, соглашаясь с автором, можно утверждать, что динамике развития личности в целом и ее индивидуальных особенностей в частности будут присущи следующие закономерности: созревание (органические функциональные изменения под воздействием внутренних врожденных причин); развитие (последовательно прогрессирующие количественные и качественные изменения в структурных компонентах личности); становление (приобретение новых признаков и форм в процессе развития (способности, характер и др.)); формирование (целенаправленное социально-педагогическое

развитие через систему внешних воздействий: обучение, образование, воспитание и др.).

Индивидуальные особенности человека (в том числе курсанта вуза) представляется возможным рассматривать в динамике и комплексно, как совокупность следующих компонентов: неповторимое сочетание психических особенностей личности, характер, темперамент, особенности протекания психических процессов, способности. Индивидуальные особенности курсанта служат основной предпосылкой для психологического портрета его личности, структурные компоненты которого можно представить следующим образом: направленность (личностная, деловая, коммуникативная); интеллектуальность (система развития и структура интеллекта); эмоциональность (уровень реактивности, тревожности, устойчивости к стрессам); волевые качества (умение преодолевать трудности, настойчивость в мотивации и способах достижения цели); коммуникабельность (степень общительности, реализации своего статуса в коллективе); самооценка (низкая, адекватная, завышенная); работоспособность (уровень самоконтроля, скорость, точность); способность к групповому взаимодействию (уровень комфортности в деятельности и общении); лидерские качества и организаторские способности.

Таким образом, подводя итог содержанию индивидуальных особенностей курсанта как обучаемого, представляется возможным выявление критериев общей оценки личности в аспекте наличия и учета индивидуальных особенностей. Данное положение основывается на том, что результаты учебной деятельности курсантов в значительной мере будут предопределяться их личностными качествами, проявляющимися в общении и деятельности. Такими критериями при оценке индивидуальных особенностей курсантов при их обучении в вузе будут являться: нравственные и эмоционально-волевые качества; общеобразовательная подготовленность и способности; состояние здоровья и физическое развитие; социально-психологическая зрелость; социальная активность, устойчивое стремление стать офицером – специалистом МВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. О проблеме современного человековедения. – М., 1977.
2. Военная психология. – М., 1972.
3. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. Е. Психология высшей военной школы. – Минск, 1982.
4. Железняк Л. Ф. Военно-профессиональная направленность личности курсанта. – М., 1976.
5. Кирсанов А. А. Педагогические основы индивидуализации учебной деятельности учащихся: дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 1982.
6. Крутецкий В. А. Основы педагогической психологии. – М., 1972.
7. Проблемы космической биологии: (Психологический отбор летчиков и космонавтов). – М., 1984.



Психолого-педагогическое обеспечение учебно-воспитательного процесса

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Канд. пед. наук, доцент, член-корр. МАПН **Э. В. Зауторова**
Вологодский институт права и экономики ФСИН России

В современном обществе подготовка специалистов ориентирована на формирование у человека творческого мышления, потребности постоянно самосовершенствоваться и самостоятельно пополнять свои знания. Подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы призвана обеспечить высокий уровень их образованности, социальной активности и направлена на развитие нравственных чувств, эмоциональной культуры и творческих начал, т. е. тех качеств личности, которые будут способствовать повышению уровня готовности курсантов к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Творчество – одна из наиболее содержательных форм психической активности человека, которую следует рассматривать как универсальную способность, обеспечивающую успешное выполнение разнообразной деятельности. Как особое свойство человека творчество проявляется в его отношении к предметной деятельности, к другим людям и к самому себе. Осваивая в собственных творческих опытах явления жизни, человек глубже понимает свою сущность и неотделимость от окружающего природного и социального мира.

Многочисленные исследователи пытались сформулировать главное качество любой творческой личности. При всем разнообразии формулировок все говорят примерно об одном и том же: творческая личность – это свободная личность; а свободная личность – это личность, способная быть самой собой, слышать свое «Я». В процессе творчества человек приобретает духовную свободу, выходит за пределы конкретного, ограниченного ситуацией бытия. Человек, лишенный возможности творчески мыслить, познавать, теряет ощущение своей индивидуальности.

Становление творческой личности обеспечивается не автоматически, в результате простого участия в творческом процессе, а за счет умелого педагогического руководства, своевременной помощи, глубокого анализа и доброжелательной критики. Преподаватель должен стремиться в процессе обучения создать творческую атмосферу, атмосферу свободы и сотрудничества.

В ходе изучения курса «Пенитенциарная педагогика» применяются различные методики развития творческих способностей будущих специалистов. Основной

путь формирования творчества у курсантов заключается в постановке творческих задач и различных заданий, предоставляющих высокую степень свободы в их решении. Особенно эффективным оказалось использование творческих заданий в коллективной деятельности, помогающих определить степень активности каждого курсанта, его желание принимать участие в общей творческой деятельности, культуру общения и особенности взаимоотношений внутри группы.

Применение такой технологии требует перевода общения участников на субъект-субъектную основу, «мы-процессы» способствуют поддержке и развитию заинтересованности друг в друге и предмете общей работы. Особенностью является и то, что участники проявляют самостоятельность, инициативу, учатся целеполаганию, планированию, организации и самоконтролю. Использование творческих заданий в коллективной деятельности способствует повышению активности обучаемых, развитию чувства товарищества, взаимопомощи, приобретению коммуникативного опыта.

Самостоятельная деятельность курсантов становится источником творчества, поиска, если этому способствует установка преподавателя, направляющая его на самостоятельное осмысление цели действия и поиска ответов, побуждает участников думать, мыслить, искать. К тому же, учитывая характер будущей профессиональной деятельности, поисковая активность, хорошо показанная в исследованиях В. С. Ротенберга и В. В. Аршавского, является залогом устойчивости человека в стрессовых ситуациях (5).

Таким образом, использование творческих заданий в образовательном процессе способствует формированию профессиональных качеств будущих специалистов, вырабатывает стремление к самостоятельному мышлению, проявлению собственной инициативы, желанию сделать что-то свое, новое, лучшее. При этом повышается ответственность не только за свои успехи, но и за результаты коллективного труда, формируется адекватная самооценка личности, своих возможностей, достоинств и ограничений.

С целью раскрытия потенциальных возможностей курсантов в учебном процессе использовалась техника коллажа (*от фр.* – наклеивание), где на бумажную

основу наклеиваются из различных журналов или рисуются картинки, детали на определенную тему. Кроме того, коллаж можно дополнять и различными записями. Самые распространенные представления и одновременно привлекательные черты этого метода для участников: красота, яркость, зрелищность, раскрепощенность, а главное – огромная степень свободы.

Данная техника экономична по времени и материалам, изготавливать коллажи можно индивидуально или группой. Главное в коллаже – возможность выразить свои мысли, идеи, свое понимание темы. Это также и своеобразное приглашение к разговору практически на любые темы, простор фантазии, выявление различных взглядов и мнений. Так, на занятиях по пенитенциарной педагогике курсантам было дано задание выполнить коллаж на тему «Особенности нравственно-эстетического воспитания осужденных». Участники подготовили интересные работы и проявили заинтересованность в обсуждении. Коллективная деятельность, как показали наблюдения, позволяет каждому участнику группы проявить степень своего интереса и активности в работе. Резюмируя преимущества техники коллажа, можно сказать, что она доступна и может обеспечить равенство возможностей для каждого, повышает самооценку, расширяет творческие возможности, развивает умение имеющимися средствами выражать свои чувства и мысли, позволяет проявить оригинальность и уникальность личности курсанта.

Эффективным способом развития творчества курсантов могут служить и традиционные методы обучения. Таким, например, является вопросно-ответный метод, который получил наиболее широкое распространение в практической деятельности вуза. Курсанты готовят вопросы по теме занятия, что способствует развитию их творческих способностей, создает базу для формирования прочных и устойчивых знаний, активизирует самостоятельную работу по их овладению. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы будущие специалисты научились задавать такие вопросы, которые позволяли бы докладчику вспомнить ранее изученный материал, выяснить глубину усвоения материала, показать творческие способности выступающего.

Это направление работы преподавателя с курсантами позволяет повысить эффективность групповых занятий, установить обратную связь преподавателя со слушателями в изучении темы, способствует активизации мышления, повышению ответственности, развитию творческой самостоятельности обучающихся, что, безусловно, пригодится курсантам в их будущей работе. Творческое использование традиционного вопросно-ответного метода резко меняет обстановку на самом занятии – каждый учащийся принимает самое активное участие в обсуждении поставленных проблем, что вызывает интерес к изучаемой дисциплине.

Особенно эффективна для усиления проблемно-творческого характера обучения такая учебная форма работы, как диспут. Его организуют в случае необходимости углубленного изучения вопросов, органично связанных с изученными темами, в целях дальнейшего творческого осмысления фактов, законов, событий. Мнения

участников публичного спора становятся для преподавателя либо отправным пунктом в изложении нового материала, либо предметом критической оценки.

Широкое распространение в развитии творческих начал курсанта получила также методика мозгового штурма, основной смысл которой заключается в разделении между разными людьми генеративной части мыслительного акта и части контрольно-исполнительной (одни участники генерируют гипотезы с запретом любой критики, а другие позже оценивают их реальную значимость). На ее основе был создан метод «соединение разнородного в одном», предполагающий обучение курсантов умению генерировать аналогии разного типа и другим приемам, позволяющим увидеть знакомое в незнакомом и незнакомое в знакомом.

Включиться в самостоятельный поиск, приобрести к педагогическому творчеству и к овладению различными исследовательскими приемами в той или иной степени помогает курсантам и психолого-педагогическая практика в исправительном учреждении. Безусловно, что задания с конкретными установочными вопросами, ориентирующими на глубокое, вдумчивое применение теоретических знаний в их собственной практической деятельности, становятся хорошими помощниками для творческого поиска молодого сотрудника в работе с осужденными.

Формирование творческой активности – процесс непрерывный. Только систематическое взаимодействие участников, строгая последовательность в формировании практических умений вырабатывают устойчивые привычки, потребности в познавательной деятельности, способствуют успешной активизации в творческой деятельности, оказывают благотворное влияние на профессиональную подготовку будущего специалиста в целом.

Развитие творческого потенциала курсантов в образовательном процессе будет более эффективным, если преподаватель поддерживает интуицию ученика, формирует уверенность в своих силах. В процессе обучения желательно в максимальной степени опираться на положительные эмоции, необходимо всемерно стимулировать стремление курсанта к самостоятельному выбору целей, задач и средств их решения, так как человек, не привыкший действовать самостоятельно, брать на себя ответственность за принятые решения, теряет способность к творческой деятельности.

Исследования показывают, что склонность к риску – одна из фундаментальных черт творческой личности, поэтому следует в довольно широких пределах поощрять склонность к рискованному поведению, не допускать формирования конформного мышления. Необходимо формировать чувствительность к противоречиям, шире применять проблемные методы обучения, в связи с этим важнейшим условием развития творчества курсантов является и их исследовательская деятельность.

Для успешного развития творческой активности курсантов педагог должен сам быть творческой личностью, обладать общей и педагогической культурой, высоким научным потенциалом. Преподаватель должен осуществлять поиск средств и условий для развития творческих способностей и других качеств личности курсанта;

постоянно приобщать обучающегося к научным дискуссиям, решению тех научных проблем, которые лично значимы для него; видеть в своих учениках ближайших помощников и сотрудников и т. п.

Вспомогательные формы образовательного процесса в вузе, с помощью которых курсанты и слушатели приобретают дополнительные знания, умения и навыки, углубляющие познания основных наук, расширяющие кругозор, также способствуют развитию творческой активности курсантов. Например, факультативные занятия способны восполнить, расширить возможности учебного процесса в целях развития индивидуальности, творческой направленности курсантов. С помощью факультативных занятий реализуются специальные программы, углубляющие знания, расширяются возможности профориентации, специализации в некоторых видах деятельности.

Разнообразные кружки, творческие объединения, студии также дают возможность обогащения новыми знаниями, где можно получить новые факты, выводы, обобщения. Этому способствует свободное обучение, сопровождающееся рассмотрением попутных вопросов, короткими дискуссиями, выражением индивидуальных мнений. Конкурсы, олимпиады – действенная форма развития способностей, выявления творческих возможностей курсантов, их знаний и определенных навыков.

Вспомогательные формы обучения курсантов позволяют сочетать решение учебных и творческих развивающих задач, объединение на занятиях учащихся как восполняющих пробелы, углубляющих свои позиции, так и творчески совершенствующихся, развивающих специальные способности.

Творческая личность – это результат всего образа жизни курсанта, результат его общения и совместной деятельности, его собственной активности. Развитие творческих способностей неразрывно связано с воспитанием активной жизненной позиции, определяемой мировоззренческими взглядами и социально-нравственными нормами, связанными между собой и взаимопроникающими друг в друга.

Таким образом, современная жизнь требует от человека не шаблонных, привычных действий, а подвижности, гибкости мышления, быстрой ориентации и адаптации к новым условиям, творческого подхода к решению больших и малых проблем. Творческие способности человека следует признать самой существенной частью его интеллекта, а задачу их развития – одной из важнейших задач в воспитании современного человека. В связи с этим важнейшей предпосылкой повышения эффективности работы вуза в этом плане является создание необходимых условий для творческого овладения каждым курсантом знаниями, формирования его творческого мышления и самостоятельной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенюк О. С. Педагогика индивидуальности. – Калининград, 1995.
2. Лихачев Б. Т. Теория эстетического воспитания школьников: учебное пособие. – М., 1985.
3. Немов Р. С. Общие основы психологии. – М., 1994.
4. Павлов И. П. Динамический стереотип. – М., 1970.
5. Ротенберг В. С., Ариавский В. В. Поисковая активность и адаптация. – М., 1984.
6. Шамардин В. Н. Школа: от конечного результата – к творческому поиску. – М., 1993.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБИТУРИЕНТОВ УЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ МВД: ПРОБЛЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Канд. психол. наук, профессор, член-корр. МАПН **Т. В. Казак**
Академия МВД Республики Беларусь,
Е. А. Лобанов, аспирант

Беларусский государственный педагогический университет

Эффективность и целесообразность использования психодиагностического инструментария в связи с задачами профориентации и профотбора абитуриентов конкретного учебного учреждения определяются оценкой свойств и качеств личности и способностей, от которых зависят профессиональная деятельность и карьерный рост будущих специалистов. По известным типологиям, военнослужащих можно отнести к системе «человек-человек». Психолог и специалист в области бизнес-консультирования Дж. Баррет (1) обращает внимание на необходимость таких профессионально значимых качеств личности военнослужащих, как уверенность (эмоциональная устойчивость), общительность и осмысленность.

В исследовании личностных особенностей соискателей военной профессии приняли участие 139 юношей и девушек (одного из учебных учреждений Российской Федерации) в возрасте от 19 до 23 лет. Для определения психоэмоционального состояния и особенностей мотивации использовали «Личностный опросник» (ЕРІ)

Г. Айзенка и методику «Определение мотивации в работе» Ф. Херцберга; особенностей когнитивного развития – методику «Профиль мышления и креативность» Дж. Брунера, а также «Опросник суицидального риска» (ОСР) (2). Выбор последней методики обоснован наличием стрессогенных факторов и спецификой будущей профессии реципиентов.

В результате исследования было установлено, что испытуемые имеют средний уровень развития знакового мышления, которое отличается способностью к преобразованию информации с помощью умозаключений и результатом которого является мысль в форме понятия или высказывания, фиксирующего существенные отношения между обозначаемыми предметами. Таким мышлением обладают люди с гуманитарным складом ума. Данный тип мышления, по Дж. Брунеру, является профессионально необходимым для их будущей профессии.

В целом испытуемые являются экстарвертированными направленными личностями и имеют низкий уро-

вень нейротизма, что говорит об их психической устойчивости. Вероятность суицидального риска, т. е. совершения человеком попытки самоубийства, в группе составляет 24,26%. Однако некоторые испытуемые требуют повышенного психолого-педагогического внимания по причине отсутствия выраженного антисуицидального фактора (понимание чувства долга, ответственности за близких, представления о греховности самоубийства, антиэстетичности его, боязнь боли и физических страданий).

На основании анализа шкал «Опросника суицидального риска» в группе испытуемых наиболее выражены демонстративность (35,5%), социальный пессимизм (28,88%) и антисуицидальный фактор (27,5%). Поэтому в случае совершения суицидальных попыток для юношей и девушек будет характерно желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться сочувствия и понимания. Данное поведение можно рассматривать как шантаж, истероидное выпячивание трудностей. Также имеет место проявление социального пессимизма, восприятие мира как враждебного, не соответствующего представлениям об удовлетворительных для человека отношениях с окружением. Выраженность факторов, которые снижают вероятность суицидального риска, указывает на наличие определенного уровня предпосылок для осуществления психокоррекционной работы.

Исходя из результатов исследования, можно утверждать, что для абитуриентов актуальными являются следующие мотивы: сотрудничество (66,71%), достижения (63,71%), продвижение и карьера (55,86%), признание со стороны окружающих (55,14%), ответственность (53,43%). Мотивы достижения, продвижения и карьеры, признания достижений со стороны других и ответственности могут обуславливать в дальнейшем рост удовлетворенности результатами своей работы, способствовать увеличению активности человека. Эмпирические данные обрабатывались при помощи критерия ранговой корреляции Спирмена (программа Statistica 6.0). В ходе анализа были обнаружены значимые связи между рядом названных выше методик.

Таблица 1

Корреляция между показателями шкал методики ОСП и нейротизма и знакового мышления

Шкалы методики ОСП	Нейротизм	Знаковое мышление
Демонстративность	0,25**	–
Аффективность	0,47***	0,21*
Временная перспектива	0,19*	–
Общий суицидальный фактор	0,38***	–

Примечание. * – 0,05; ** – 0,01; *** – 0,001.

Как видно из таблицы 1, нейротизм значимо коррелирует со следующими шкалами суицидального риска: демонстративностью ($r_s = 0,25$ при $p < 0,01$), аффективностью ($r_s = 0,47$ при $p < 0,001$), временной перспективой ($r_s = 0,19$ при $p < 0,05$) и общим суицидальным фактором ($r_s = 0,38$ при $p < 0,001$).

Другими словами, высокий уровень нейротизма сопровождается *демонстративностью* как желанием привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться их сочувствия и понимания; *аффективностью* как проявлением доминирования эмоций над контролем ситуации, готовности непосредственно и эмоционально реагировать на психотравмирующую ситуацию; *временной перспективой*, под которой принято понимать невозможность конструктивного планирования будущего в результате сильной погруженности в настоящую ситуацию, трансформации чувства нерешаемости текущей проблемы, глобального страха неудач и поражений в будущем.

Представляет интерес тот факт, что показатели знакового мышления реципиентов взаимосвязаны с такой характеристикой суицидального риска, как аффективность ($r_s = 0,21$ при $p < 0,05$).

При профессиональном отборе абитуриентов необходимо принимать во внимание взаимосвязь показателей суицидального риска и мотивации (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь показателей суицидального риска и мотивации

Корреляции	r_s
Аффективность & финансовая мотивация	0,32***
Аффективность & продвижение, карьера	0,27***
Социальный пессимизм & мотивация ответственности	0,17*
Максимализм & содержание работы	-0,18*
ОСФ & финансовая мотивация	0,27**
ОСФ & продвижение, карьера	0,22**
ОСФ & мотивация ответственности	0,21*

Примечание. * – 0,05; ** – 0,01; *** – 0,001.

Так, фактор суицидального поведения – аффективность – не только указывает на возможность совершения индивидом парасуицида, но и взаимосвязан с мотивацией карьеры и продвижения по службе ($r_s = 0,27$ при $p < 0,001$) и финансовой мотивацией ($r_s = 0,32$ при $p < 0,001$). Поэтому при неудовлетворении потребности в карьере и в заработной плате могут возникать попытки самоубийства.

Социальный пессимизм у испытуемых данной выборки взаимосвязан только со шкалой «мотивация ответственности» ($r_s = 0,17$ при $p < 0,05$). Он не способствует формированию активной жизненной позиции и принятию личной ответственности. Напротив, было обнаружено, что чем выше инфантильный максимализм ценностных установок у реципиентов, тем ниже содержательные показатели качества выполняемой работы ($r_s = -0,18$ при $p < 0,05$). Минимизация ценностей значимости достижений может распространяться не только на сферу профессиональной деятельности, но и на жизнедеятельность в целом и способствовать глобализации конфликта. Кроме того, максимализм принято рассматривать как проявление аффективной фиксации на неудачах и невозможности компенсации.

Общий суицидальный фактор в качестве интегрированного показателя также значимо коррелирует с

такими видами мотивации, как финансовая мотивация, продвижение и карьера, мотивация ответственности.

Отдельно от других стоят следующие мотивы деятельности сотрудника: отношения с руководителем, признание и мотивация достижения, которые находятся в тесной взаимосвязи только друг с другом. Перечисленные мотивы и мотив сотрудничества образуют группу мотивов, напрямую не связанных с вероятностью совершения суицидальных попыток. Характеризуя значимые корреляции мотивации отношений с руководством, мы также должны обратить внимание на взаимосвязь с мотивом карьеры и продвижения по службе ($r_s = 0,22$ при $p < 0,01$).

Таким образом, в результате анализа корреляций мы можем указать на то, что для испытуемых с большой вероятностью суицидального поведения свойственны такие черты, как нейротизм, а также финансовая мотивация поведения, карьера и продвижение по службе и ответственность за выполняемую работу. Финансовая мотивация также взаимосвязана и с аффективностью, т. е. готовностью реагировать на психотравмирующую

ситуацию эмоционально (в крайнем случае – даже с блокадой интеллекта).

Результаты исследования в целом согласуются с рекомендациями специалистов в области профориентационной психологии о необходимости учитывать показатели психоэмоционального и когнитивного развития в процессе профотбора. Кроме того, высокие показатели суицидального риска у испытуемых нельзя рассматривать вне общей суицидологической обстановки в странах постсоветского пространства, анализ которой представлен в работе С. А. Игумнова и Н. К. Григорьевой (3, 31-32).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баррет Дж. Протестируйте себя. – СПб., 2003.
2. Диагностика суицидального поведения / сост. А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко. – М., 1980.
3. Игумнов С. А., Григорьева Н. К. Суицидальное поведение взрослого и подросткового населения в Российской Федерации и Республике Беларусь // Психотерапия и клиническая психология. – 2003. – № 2.

ПОНЯТИЕ И МОДЕЛЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕНИНГОВОЙ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В УЧЕБНЫХ ГРУППАХ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ

И. Б. Адушкина, ст. психолог-инспектор
Читинская средняя специальная школа милиции

Сегодня нельзя представить себе практической деятельности психолога образовательного учреждения МВД России без групповой работы с постоянным и переменным составом (11, 134-161; 15). Г. И. Лидерс (9, 42), обобщая все виды групповой работы, выделяет три модуля групповой психологической работы: групповую психотерапию, групповое психологическое обучение и групповой личностный тренинг. Автор сравнивает эти модули по следующим показателям: целям, принципам отбора участников, основной метафоре, позиции руководителя в группе и критериям успешности работы.

В психологической науке тренинг рассматривается как особая форма групповой работы, со своими возможностями, ограничениями, правилами и проблемами. В настоящей работе мы будем рассматривать возможности тренинга в рамках «модуля группового психологического обучения». Целью группового психологического обучения является формирование нового навыка; принцип отбора – решение руководства; основная метафора – «учитель-ученик»; особенность руководства – авторитарность, программность; критерий успешности – сформированность навыка.

Одним из перспективных направлений современной психологической теории и практики является разработка эффективных психотехнологий управления личностным и профессиональным ростом будущих специалистов. Использование терминов «методика», «технология», «психотехнология» требуют расшифровки.

Одна из трактовок данных терминов предлагается В. В. Гузеевым (5), который пишет, что, «по сложившейся традиции, методика отвечает на вопросы “чему, зачем и как учить”, а технология – только на последний из них; методика включает вопросы образовательной по-

литики, в том числе и выбор технологии для достижения политических (в образовательном смысле) целей». В трактовке В. В. Гузеева, технология – это система, которая состоит из: представления планируемых результатов обучения; средств диагностики текущего состояния и прогнозирования тенденций ближайшего развития обучаемых; набора методов и организационных форм, приемов и средств обучения; критериев выбора или построения оптимальной модели обучения для данных конкретных условий.

В педагогике (А. С. Анисимов, В. В. Гузеев, М. Е. Бершадский, И. П. Подласый, Г. Г. Левитас и др.) описаны и изучены образовательные технологии как совокупность методов и психологических установок к обучению и воспитанию, гарантирующих достижение конкретного педагогического результата (1, 8; 2; 4; 8; 12). Необходимо отметить, что, по мнению М. Е. Бершадского, основой современных образовательных технологий являются психологические теории, хотя данную точку зрения разделяют не все исследователи.

Принимая во внимание принципы психологического тренинга, предложенные С. И. Макшановым (10), характеристики групповой динамики в тренинговых группах, проанализированные Г. Инсуриной (7), обратную связь как один из важных элементов тренинга, необходимо определить возможности применения общих принципов организации тренинговой работы в прикладных целях для обеспечения функционирования служебных, учебных коллективов и решения конкретных обучающих задач.

В отечественной науке достаточно часто используется термин «групповое психологическое обучение». Как правило, это тренинги общения, бизнес-тренинги и т. п.,

работа в которых строится по программе, принцип отбора – внешнее решение руководства, которое может совпадать или не совпадать с мнением участника, стиль тренера – директивный.

Американская психологическая ассоциация в классификации основных типов тренинговых групп (ASGW, 89) (13, 12) выделяет следующие рабочие группы, созданные специально для решения непсихологической задачи: обучающие, консультационные, психотерапевтические. Целью работы обучающих групп является профилактика возможных психологических проблем и отклонений в данной группе и формирование навыков адекватного поведения. Фактически это тематический семинар с элементами тренинга, на котором обязательно формируется атмосфера доверительности, сплоченности, что обеспечивает эффективную работу и личностный рост участников. Их количество зависит от целей обучения и образовательного учреждения (например, класс школы).

В настоящей работе, говоря о тренинговой психотехнологии, мы будем исходить из того, что основой данной технологии являются методологические представления о социально-психологическом тренинге, а технологию рассматривать на описательном уровне как некий план промежуточных результатов, с описанием средств, с помощью которых осуществляется переход от одного состояния к другому (17, 88).

Применение тренинговых психотехнологий в учебно-воспитательном процессе может проводиться в целях:

- выработки у слушателей умения и навыков решения индивидуальных и групповых профессиональных задач по предназначению;
- преодоления деструктивных взаимоотношений в учебной группе путем развития коммуникативной компетентности, обучения учащихся путям и способам разрешения конфликтов и т. п.

Тренинговая психотехнология позволяет одновременно решать следующие задачи: с одной стороны, закрепление имеющихся у курсантов знаний, полученных в ходе теоретических занятий, совершенствование умений и навыков принятия индивидуального и группового решения в экстремальных ситуациях; с другой стороны, данная психотехнология способствует процессу сплочения учебной группы, развитию в ней коллективистского самоопределения, групповой эмоциональной идентификации и ценностно-ориентационного единства.

В современном образовательном учреждении учебные занятия проводятся в группе, сформированной по воле руководства. С целью понижения уровня сопротивления участников преподавателю необходимо проделать работу, направленную на снятие эмоциональной напряженности в группе, создать положительную мотивацию, направить участников на конструктивную работу. Для реализации данных целей применяются правила работы тренинговой группы, которые принято использовать в тренингах личностного роста. Исходя из сказанного, структура тренинговой психотехнологии представляется следующим образом:

Тренинговая психотехнология = цель + диагностика исходного уровня + правила работы в группе + созда-

ние мотивации на деятельность + программа поэтапных воздействий (на каждом этапе: постановка проблемных ситуаций, задач – групповое обсуждение выполнения – выполнение – подведение итога) + систематический контроль и обратная связь.

Одной из задач нашей работы является построение оптимальной модели тренинговой психотехнологии. Моделирование относится к разряду общенаучных методов. Ключевым понятием метода выступает категория (*от лат. modulus – мера, образец*). Это любой образ (мысленный или условный: изображение, описание, график, схема и т. п.) какого-либо объекта, процесса или явления («оригинала»), используемый в качестве его «заместителя» (14, 828). В психологическом исследовании обычно модель рассматривается в качестве специального представления какого-либо объекта, реконструирующего его существенные черты.

Создавая модель тренинговой психотехнологии для группового обучения, мы будем исходить из следующего:

1. На *эмпирическом уровне* наша модель будет выполнять реконструирующую и описательную функцию, т. е. она должна отражать специфику тренинговой психотехнологии и быть наглядной и понятной.

2. На *теоретическом уровне* она будет интерпретационной, прогнозирующей, критериальной и эвристической. Модель тренинговой психотехнологии должна объяснить, описать, предсказать, как будут происходить групповые процессы, дать возможность проверить истинность знаний об объекте и способствовать генерированию новых идей относительно изучаемого объекта и связанных с ним других объектов реальности.

3. На *практическом уровне* модель будет выполнять познавательно-иллюстрирующую и обучающую функции.

Модель тренинговой психотехнологии – это «скелет» занятия, который наполняется в зависимости от конкретных целей. В структуре модели этапы связаны логически. По П. Я. Гальперину (16), логика процесса обучения (выработка навыка) идет от простого к сложному, от поэтапного усвоения к целостному действию. Учитывая, что метод моделирования имеет свою специфику в каждой области знаний, а модель тренинговой психотехнологии создается для использования в процессе обучения, необходимо рассмотреть метод моделирования в педагогике.

При описании приема педагогического моделирования будем исходить из сформулированного В. П. Трубочкиным определения: «...суть приема педагогического моделирования в построении специально оформленного концептуального аналога решения педагогической задачи, выполняющего роль образца для копирования с него конкретных решений в непосредственной педагогической практике» (17, 52).

Исходя из определения психотехнологии, при моделировании ее важно учесть, на формирование каких навыков будет направлено обучение, изменения какого уровня должны произойти в поведении участников, а также то, насколько они соответствуют поставленной цели. Мы не пытаемся в рамках тренинговой психотехнологии обучить людей концептуальным теоретическим знаниям психологической науки, достичь глубоких из-

менений личности обучаемых, мы касаемся только психологических особенностей взаимодействия людей в неформальной и служебной деятельности.

Анализ психологического и педагогического моделирования позволяет сделать вывод об основных положениях, которые будут представлены в модели тренинговой психотехнологии для группового обучения в образовательных учреждениях. В модели тренинговой психотехнологии для группового обучения должны быть представлены следующие положения:

- концепция человека в процессе группового обучения;
- общие принципы построения тренингового воздействия на участников группы;
- уровень изменений, происходящих с участниками группы;
- модель общения в той или иной сфере деятельности;
- методологические и методические способы реализации изложенных выше положений модели (18, 54).

В модели тренинговой психотехнологии для группового обучения *участник группы* будет рассматриваться как *субъект деятельности*. Исходя из концепции участника группы, воздействие на него будет *субъектно-субъектным* (дается задача, которую участникам необходимо решить). Участники группы самостоятельно вырабатывают стратегию и тактику поведения, которая будет применяться не только в конкретной ситуации, но и во множестве других. В нашей модели речь идет, прежде всего, об обучении, соответственно, уровень эффективности будет определяться сформированностью конкретного практически ориентированного навыка. *Модель общения, взаимодействия* в группах учебных заведений имеет свою специфику. Мы используем доминирование (субординационный стереотип взаимодействия), со стороны преподавателя, отношения взаимной ответственности и партнерское общение между участниками группы. Под методологическими способами реализации модели будем рассматривать этапы, принципы организации социально-психологического тренинга. Под методическими моментами понимается реализация следующих методик: психогимнастика (психотехнические упражнения), дискуссия, анализ конкретных ситуаций, ролевая (деловая) игра, психодрама (социодрама), мозговой штурм.

Модель – это структура с полыми ячейками, которые заполняются содержанием при создании конкретной программы обучения, определенного занятия. Наш опыт работы с учебными группами свидетельствует, что модель тренинговой психотехнологии реализуется по-разному в зависимости от возраста участников, мотивации, характера межличностных взаимоотношений в группе, опыта работы тренера, от сложности навыка, который необходимо приобрести в обучении, хотя принципы построения тренинговой психотехнологии остаются одинаковыми.

В основу модели заложены особенности организации и проведения социально-психологического тренинга. В теоретической модели тренинговой психотехнологии в обучении представлены несколькими этапами. Рассмотрим их подробнее.

Этап объяснения целей, задач, правил взаимодействия на занятии ориентирован на объяснение целей, задач, определение уровня мотивации участников, объяснение правил взаимодействия в группе. Правила взаимодействия в группе основываются на принципах социально-психологического тренинга. Под принципами понимаются основные положения, руководящие идеи, правила реализации тренинга как метода. К настоящему времени сформулированы и обоснованы положения, относящиеся к организации и проведению тренинга (3).

В соответствии с предлагаемым подходом к психологическому тренингу как методу преднамеренных изменений принципы социально-психологического тренинга включают в себя:

- принципы создания среды тренинга и поведения участников тренинга (активность, исследовательская и творческая позиция, объективация поведения, субъект-субъектное общение, «искренность», «здесь и теперь»);
- организационные и этические принципы (физическая закрытость, комплектование группы тренинга, пространственно-временная организация тренинга, конфиденциальность, соответствие заявленных целей тренинга его содержанию, ненанесение ущерба – «не навреди»).

Следующий этап предполагает **создание условий работоспособности, снятия напряжения, атмосферы доверия, взаимной ответственности**.

Задачи данного этапа («разминки») – создать благоприятный психологический климат, настроить участников на совместную групповую работу. Весьма уместными здесь будут различные игровые элементы, в том числе отдельные упражнения на расслабление, развитие внимания, воображения, партнерства, заимствуемые, например, из практики обучения актеров, и др. В ходе занятий целесообразно использовать небольшие психологические «разминки», которые создавали бы должный настрой на занятие, вносили разнообразие, повышали эмоциональную вовлеченность. Перед завершением занятия к данному этапу возвращаются вновь.

Следующий этап – основной – **обучение**. Сущность данного этапа в создании специальных условий, в которых участники, опираясь на имеющиеся знания, опыт друг друга, самостоятельно обнаруживают и осмысливают проблему, мысленно и практически действуют в целях поиска и обоснования наиболее оптимальных вариантов ее разрешения. Данный этап включает в себя несколько содержательных моментов:

- восприятие и осмысление участниками созданной ведущим проблемной ситуации, выявление лежащего в ее основе противоречия;
- осознание сущности затруднения;
- обоснование возможных действий по разрешению проблемной ситуации;
- практические действия в соответствии с предлагаемыми схемами;
- анализ проведенного действия, корректировка его, проверка правильности выполнения.

Именно на данном этапе ведущий предлагает последовательность проблем, наращивает противоречия от

простого к сложному, что способствует целостному освоению деятельности, в нашем случае – выработке навыка действия.

Следующий этап – **формулирование оптимального варианта решения проблем в будущем (дискуссия)**.

Дискуссия – способ организации общения участников группы, который позволяет сопоставить различные позиции, увидеть проблему с разных сторон. В ряде случаев реализуется в основной части занятия. Может применяться с целью анализа этапа обучения или как отдельный, самостоятельный этап, на котором тема обсуждения задается ведущим.

Основные стратегии ведения дискуссии предложены Ю. М. Жуковым, Л. А. Петровской, П. В. Растяжниковым (6, 12): свободное ведение дискуссии, программированное ведение и некоторая промежуточная, компромиссная форма.

В процедуре дискуссии можно выделить следующие основные фазы: ориентировка, оценка, завершающая фаза. Время, занимаемое каждой фазой, и интенсивность их выраженности непосредственно зависят от целей, темы, контингента участников.

Следующий этап – **подведение итогов занятия, получение обратной связи, характеристика изменений, которые произошли с участниками**. Он применяется в заключительной части с целью анализа занятия, обсуждения трудностей, с которыми столкнулись участники занятия при выполнении заданий, а также для сопоставления индивидуальных субъективных оценок проведенного занятия и своего участия в нем. В методологическом плане – сравнение спрогнозированных в начале занятия изменений с конкретными изменениями, произошедшими с участниками.

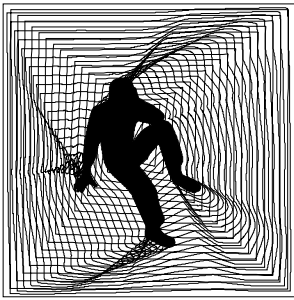
На этапе завершения занятия проводится «ритуал прощания», поощрение, настрой на будущее применение полученных знаний, навыков в реальной жизни. Основная цель данного этапа – создание эмоциональной привлекательности завершения, закрепление чувства удовлетворенности участников от занятия.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что целесообразность создания и использования модели тренинговой психотехнологии является предпосылкой ее эффективности. В связи с тем, что закладывается система в получении участниками группы знаний, умений, навыков, целенаправленно формируется уровень необходимых изменений, в условиях ограниченного времени (обычный тренинг представлен циклом занятий) создается специфичная тренинговая среда, и это находит свое отражение в уровне удовлетворения членов группы занятиями.

При отсутствии модели мозаичное тренинговое воздействие в лучшем случае достигает эффекта «хорошей компании», в худшем – возникает убеждение в неконструктивности тренинговой психотехнологии. Использование модели позволяет не только гибко выстраивать технологию воздействия в зависимости от целей и особенностей группы, но и сохранять базовые, формирующие, содержательные компоненты тренинговой психотехнологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бершадский М. Е. На пути к технологии когнитивного обучения // Школьные технологии. – 2002. – № 4.
2. Бершадский М. Е. О парадигмах технологического подхода, их психологическом обосновании // Педагогические технологии. – 2004. – № 3.
3. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга: психотехники. – М., 2001.
4. Гузев В. В. Интегральная образовательная технология. – М., 1999.
5. Гузев В. В. Планирование результатов образования и образовательная технология. – М., 2000.
6. Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растяжников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. – М., 1990.
7. Инсурина Г. Групповая динамика в тренинговых группах // Журнал практического психолога. – 1999. – № 3.
8. Левитас Г. Г. Технология учебных циклов. – М., 2002.
9. Лидерс А. Г. Психологический тренинг с подростками: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2003.
10. Макшанов С. И. Принципы психологического тренинга // Журнал практического психолога. – 1999. – № 3.
11. Марьян М. И., Петров В. Е. Организация психологического обеспечения в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. Л. Кобышко. – М., 2006.
12. Подласый И. П. Где помогут технологии? // Школьные технологии. – 2003. – № 3.
13. Смирн П. Групповая работа с детьми и подростками / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – М., 2000.
14. Советский энциклопедический словарь. – М., 1979.
15. Социально-психологический тренинг профессионального общения сотрудников органов внутренних дел / под общ. ред. М. И. Марьяна. – Казань, 2003.
16. Талызина Н. Ф. Формирование познавательной деятельности школьников. – М., 1983.
17. Трубочкин В. П. Культура педагогического мышления преподавателя: учебно-методическое пособие по курсу «Культура труда преподавателя». – М., 1994.
18. Целикова В. В. Создание модели социально-психологического тренинга как предпосылка его эффективности (на примере тренинга «предпринимательства») // Журнал практического психолога. – 1996. – № 2.



Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

СТРЕСС МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ВВЕДЕНИИ «ОГРАНИЧЕННОГО ВОИНСКОГО КОНТИНГЕНТА»

Доктор психол. наук, профессор **Л. А. Китаев-Смык**
МЕСТО РАБОТЫ

В нашей статье нет анализа сложных социокультурных, социально-политических взаимодействий чеченцев, русских, представителей других национальностей в той массе, которую мы называем «мирное население». В войне мирные и взявшие за оружие граждане теснейшим образом взаимосвязаны, взаимозависимы. Их трудно, а нередко и невозможно различать даже по внешнему виду.

Особенности современного чеченского этноса

Население Чеченской Республики во время войны 1994-1996 гг. стали составлять преимущественно чеченцы. В городах русских осталось мало, и была видна их напряженная обособленность. В селах имеются русские семьи, давно живущие и усвоившие местные обычаи. Чеченские соседи своим добрым отношением к ним подчеркивали негуманность отношения российских войск к чеченскому населению.

За два с половиной года войны менялись особенности чеченского населения: взаимоотношения женщин и мужчин, их представления о себе, их чувства, их думы и действия. Сопоставим результаты наших поверхностных (пилотажных) наблюдений с канвой психодинамики масс, предписанной такой наукой, как «психология масс», ее основателями Лебоном, Тардом, Фрейдом и др. Эти авторы, анализируя динамику человеческой массы в критические моменты истории, пренебрегали существовавшей до кризисов традиционной организацией людей. У чеченцев это семья, род, тейп (жители одного ущелья). За последние 70 лет планомерно разрушалось значение тейпов, но оставалась семейная сплоченность чеченцев.

Их этнической особенностью был архаический индивидуализм не только мужчин, но и женщин. Он связан, в частности, с тем, что у чеченцев, в отличие от всех народов Кавказа, и не только Кавказа, не было дворянства, помещиков, князей. В современном выражении: «Каждый чеченец – сам себе Президент!» есть историческая сущность чеченцев. При этом чеченская женщина – абсолютная хозяйка, властительница социальных, хозяйственных и даже политических функций, вверенных ей традициями.

Война, предъявляя экстремальные требования каждому чеченцу и чеченке, усиливала их индивидуализм.

Чеченцы не стали «толпой», «массой», которые описаны Лебоном, Фрейдом и другими европейскими основателями научной массовой психологии. Вместо этого жестокость войны очень быстро, за недели, месяцы, дни, а где-то – за часы, стала силой, сплывающей чеченцев. Выдвигались пассионарные личности, и среди них оказалось немало женщин. Лидеры, консолидируя массы, побуждали их к творчеству в войне, выковывая военный профессионализм бойцов и их мирных помощников – всего населения.

Рядом с историческими символами в виде Шейха Мансура, казнённого в Шлиссельбурге русским царизмом, и Шамиля, 50 лет сражавшегося с русскими, Президент Чечни Джохар Дудаев стал символом пути ко всеобщему счастью через обретение суверенитета. Но призрачного образа героя-генерала было мало для повседневного сплочения и воодушевления чеченских масс, и тогда Басаев стал конкретным символом бесстрашия и жестокости в борьбе, зажигающим чеченские души. Под этим символом сплывались боевые отряды особого типа, где дисциплину заменяли доверие командиру и общность рядовых – обречённых на смерть героев. Еще не павшие в бою, они становились знаменами, объединяющими боевиков с мирным населением Чечни. Этому способствовали радио, телевидение и России, и зарубежья. Их слушали и смотрели в Чечне. Антивоенная пресса неизбежно, вынужденно становилась прочтенской, освещая эту новую кавказскую войну.

Силы людей не беспредельны. На третьем году чеченской войны мирное население, уставшее от российских актов возмездия (обстрелов и «зачисток» сел, в которых появлялись боевики), неприязненно смотрело уже на всех носивших оружие, и чеченцев, и русских. Но окончание войны вновь сплотило чеченцев, их души, освобожденные от ужаса смерти, ликовали. Ношу послевоенного мира чеченцы вручили Аслану Масхадову, символу смелости, мудрости и несгибаемого, сурового чеченского индивидуализма. Хорошо это или плохо, рассудили реалии жизни.

Применимы ли канонические концепции психоанализа при изучении массового военного стресса?

В теории психологии масс и психологии толпы разработано каноническое представление о предмете свое-

го исследования. Вот как описывает его известный французский психолог С. Московичи перед тем, как своей критикой низвергнуть многие основные положения массовой психологии (в цитату мы вводим цифровые обозначения цитируемых утверждений, чтобы потом было легче сопоставлять то, что мы видели в Чечне, с утверждениями теории психологии толпы): «В недрах толпы подавление бессознательных (1) тенденций уменьшается. Моральные запреты (2) исчезают, господствуют инстинкт и эмоциональность (3). Человек-масса (4) действует как автомат, лишенный собственной воли (5). Он опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации. Масса (6) импульсивна, (7) изменчива, (8) легко возбуждается (9). Будучи слишком доверчивой, она отличается недостатком критического ума (10). Ее поведение отличается почти бессознательным (11). Она думает образами (12), порожаемыми один из другого, ассоциациями. Она не знает ни сомнений, ни колебаний (13), истинное и ложное (14) не составляют для нее проблемы. Отсюда ее нетерпимое поведение (15), а также ее слепое доверие власти (16). Консервативные (17), по существу, массы имеют глубокое отвращение к новому, к прогрессу, безграничное уважение к традиции» (5, 290-291).

Сопоставим приведенные утверждения с тем, что мы видели, живя среди чеченских «масс», изучая их.

1. Не «бессознательное», а индивидуальное представление о себе и других, о жизни и смерти усиливалось в экстремальных условиях военного времени. Возникали вполне конкретно осознаваемые чувства и мысли. «Бессознательным», некритичным было то, что каждый отдельный человек в толпе или в организованной массе чувствовал, он был уверен, что все вокруг него думают, чувствуют и будут поступать как он, испытывающий «чувство локтя», слитность с возбужденной массой.

В действительности желания и действия разных людей толпы могли отличаться. Поэтому массы осознанно бурлят, но бессознательно дробятся. В них могут далеко не «вдруг» возникать жестокие противостояния.

2. «Моральные запреты» чеченского общества были всегда сильны. Война выгоняла склонных к индивидуализму чеченцев из их домов, родовых усадеб, ущелий, превращая их в толпы, в массы. Но в этих «толпах» моральные принципы горских обычаев, усиленные мусульманской моралью, сплачивающей людей на борьбу с врагом, стали главенствующей духовной силой чеченского общества.

3. Да, в неорганизованных толпах чеченцев, в организованных «массах» боевиков и снабжающего их всем, чем можно, мирного населения смертельный риск войны создавал «господство инстинкта и эмоциональности». «Здесь, сейчас!» диктует инстинкт, мобилизуя волю к спасению себя и рода. Эмоциональность усиливает интеллектуальную изошренность поиска пути к победе.

4. Да, «человек-масса действует как автомат», но «не лишенный своей воли», а осознавший ее, усиленную первобытным инстинктом и стрессовой эмоциональностью.

5. Только глядя из окон мирных парижских квартир на революционные толпы французов, только взирая из заоблачных кремлевских кабинетов на войну в Чечне, можно, не поняв реальной военной трагедии, пытаться

цивилизационные нормы и принципы увидеть там, где их нет и быть не может. У революции и у войны своя «цивилизованность». У нее сложнейшая организация. Люди становятся способными войти в нее только мобилизуемые устремленностью к жизни, если не своей, то своих детей, семьи, друзей. Это взлет на высоту цивилизации, непонятной и неприятной тем, кто вне опасности и смерти, тем, у кого власть над чужой жизнью-смертью может разжигать паранойяльную жестокость.

6. Импульсивность людей на войне – кажущаяся. Они постоянно усилены волей к жизни и ужасом смерти. Обстоятельства вынуждают их то затаиться, то стремительно действовать. Тогда стороннему наблюдателю мерещится «импульсивность масс».

7. Только лавируя, «изменчиво» меняя направления и тактику действий, массы могут уходить от опасностей.

8. Только в состоянии постоянной готовности использовать или сдерживать свое военное возбуждение люди могут не опоздать с нужным «здесь и сейчас» действием.

9. «Доверчива» ли чеченская масса? Увы, да. У чеченцев страсть – доверять. Во время общей опасности можно доверять чеченцу, и они доверяют друг другу, выбранным имамам, полевым командирам. Это безоговорочное доверие чеченцы называют «дисциплиной». В это слово европейцы и горцы вкладывают разный смысл. На протяжении войны чеченцы несколько раз пытались доверять российской власти. Обманы, подвохи (в европейском стиле) не лишили этот горный народ его «дикой» доверчивости.

10. Вот уж в чем нельзя упрекнуть чеченские «толпы», так это в «недостатке критического ума». Чеченцы выносят на площади свои сомнения. Собравшись на сходах, митингах, в отрядах они оттачивают критичность ума в совместных интеллектуальных напряжениях (решениях, спорах, раздумьях), часто непонятных человеку с европейским складом ума.

11. Поэтому поведение чеченских масс управляется критически выработанными, сознательными решениями. Замечено, что на чеченских сходах все прислушиваются, критически оценивая, к самым успешным, удачливым, а не к тем, у кого белее седина или длиннее борода.

12. Думается, красивая фантазия – утверждение, что масса «думает образами, порожаемыми один из другого, ассоциациями». Такое нередко может преобладать и в умах людей чеченской «толпы».

13. Как и для любого народа, для чеченских масс главная «головная боль» – отличить истину от лжи.

14. Но решив, «что есть истина», всякая масса безоговорочно, беззаветно идет за вождем, носителем истины, «не зная ни сомнений, ни колебаний».

15. Если уж чеченцы, преодолев свою этническую индивидуальность, собрались в толпу, в отряд, то они собрали в критическую массу свое нетерпение и страсть к решительным, смелым действиям.

16. Собравшись, они концентрируют свое «доверие к власти» не то чтобы «слепое», но преданно.

17. Чеченцы приносят на сход, в массу, в толпу свои консервативные мысли, проистекающие из горских обычаев, но приносят с надеждой дополнить их новыми,

прогрессивными мыслями сородичей. Как горячий уголь перебрасывают из правой руки в левую, так чеченцы на сходе обсуждают, сравнивая, то предложение, вытекающее из обычаев, то новое, небывалое решение. И так не только у чеченцев.

В теории психоанализа утверждается, что «массы свидетельствуют об эмоциональном и интеллектуальном, иногда даже моральном падении людей. По ту сторону сознания, когда барьеры уничтожены, существует темный мир, который сформировался в давние времена. Он оставил следы на нашем теле и в нашей памяти. Ему достаточно небольшого сдвига, чтобы взять реванш. Он переворачивает вверх дном представление о психической и социальной норме» (5, 291).

Может быть, действительно таковы истоки психологических изменений людей, собранных в массы жестоким роком. Надо продолжить эту гипотезу еще одним утверждением – «перевернувшись вверх дном», так как сознание людей при массовом стрессе непременно познает новые «психические и социальные нормы», единственно соответствующие требованиям ужесточившейся жизни. Эти неизбежные на войне «нормы» человеку из мирной жизни должны казаться дикими, а массы людей, соответствующие «военным нормам», – разнузданно жестокими или бесстыдно трусливыми.

Не надо строить оголтело-онаученных суждений: людей войны и людей мирного времени надо судить и понимать по нормам, утверждающим их жизнь против их смерти. Вот как анализирует С. Московичи социальные взрывы: «В большинстве случаев это потрясение происходит на пике праздника, мятежа, религиозной процессии, войны, патриотических церемоний. Во всех случаях, по крайней мере теоретически, возникает впечатление, что улицы наводняют бессознательное. А массы служат ему телом. С ними оно кричит, гневно размахивает руками, отбрасывает запреты, оскорбляет вышестоящих, сеет повсюду беспорядок и недовольство. Оно предается всякого рода крайним действиям, невиданным жестокостям. Реальность уничтожается, массы живут в диком сне» (5, 291).

Согласимся со всем в этой яркой картинке, кроме одного. Действительно, не желая терпеть старый порядок, недовольные массы беспорядком пробивают путь новому, выходят за край того, что мешает им. Но этим они утверждают, скорее, новую, для кого-то «дикую», реальность, просыпаясь и принося ее из «дикого сна», который мучительно долго терпели.

Стараясь понять мирное население в гражданской войне, еще раз обратимся к психоанализу. Сейчас он успешно выправляет «загибы» «массовой психологии» Лебона, Тарда, Фрейда. К сожалению, советская социальная психология, оставаясь бесплодной на прокрустовом ложе марксизма-ленинизма, постоянно лишалась то ног, то головы.

Согласно психоанализу психический аппарат человека разделяется на собственно «индивидуальное Я» и «Я социальное» (его называют еще «сверх-Я», «идеальное Я»), которое доминирует над индивидуальным. «Каждый индивид, – писал Фрейд, – это составная часть многочисленных масс, множественным образом связан-

ных посредством идентификации; он построил свой идеал Я по различным образцам. Таким образом, каждый человек обладает частицей многочисленных душ масс, души своей расы, своего круга, своего вероисповедания, гражданского состояния и т. п. и, преодолевая их, может поднять их до некоторого уровня независимости и оригинальности» (6, 14).

Составные части механизма социального Я – уподобление с окружающими в их достоинствах и подчинение власти законов (адатов) – были исконно сильны у чеченцев. У русских, напротив, их социальное Я оказалось резко ослабленным в ходе политического и морального развала страны. Это не могло не сказаться на исходе чеченской войны и на том, как она выглядела в глазах ее участников и тех, кто видел ее издали.

Психоанализ рассматривает «сексуальное подавление как один из главных механизмов политического господства» (6, 188). Этот механизм использовался империями Сталина и Гитлера. Мао Цзэдун начал свою тоталитарную «культурную революцию» с уничтожения древнекитайских эротических традиций, чтобы сделать сексуальный потенциал молодежи, хунвейбинов оружием партийных реформ. Горские народы веками нуждались в мощной подпитке своей борьбы с неисчислимыми опасностями гор. Строгая сексуальная дисциплина – один из факторов воинственности и стойкости горцев во всех горных регионах мира. Сексуальная мораль, диктуемая обычаями чеченцев, стала одним из факторов небывстрой мобилизации в начавшейся войне и моральной победы над российской армией.

Современный психоанализ показывает «...совокупность отношений между людьми, которые заключены в словах “любовь” и “идентификация”. Они относятся к двум группам желаний. Нам известно, – пишет С. Московичи, – к каким: желания влюбленности, которые стремятся отвлечь личность от самой себя, чтобы объединить ее с другими, и миметические желания, представляющие собой стремление к идентичности, исключительной привязанности к другому, к четкой модели. Первые подталкивают нас объединяться с людьми, которыми мы желали бы обладать, вторые – с людьми, воплощающими то, какими мы хотели бы быть. В принципе, этих двух понятий достаточно, чтобы объяснить симптомы психологии толп» (6, 326). «...Всегда и повсюду, – пишет он дальше, – мы находимся перед лицом этих двух динамических факторов. Но с одной разницей: что касается индивидов, эротическая тенденция преобладает над миметической, в том, что касается массы, – наоборот» (6, 327).

Попробуем оценить мирное и воюющее население с позиций двойственности психоаналитических понятий: либидо, т. е. любовь во всех ее разновидностях – к себе, к близким, к достойным людям, к идеям и пр., и мимесиса – идентификации с окружающими людьми, с лидерами, стремлении подражать им, слиться с ними, спрятавшись за них.

Мощно выраженный у горских народов индивидуализм – это веками сложившееся оружие против опасностей, на каждом шагу подстерегающих человека в горах. Там, где никто не придет на помощь, где ты сам должен

не оступиться, удержаться при падении, сообразить, где таится опасность лавины или камнепада, там индивид надеется на себя, бережет и любит себя и продолжателей своей жизни, своего рода: жену, детей, семью, тейп. У горцев во всех регионах мира – сильное, многогранное либидо. Как правило, их объединение для набегов, войн, обороны кратковременно, нестойко. В отличие от жителей равнин их миметические тенденции даже в толпе не всегда преобладают над либидо, эротическими.

Угроза смерти в войне, резко усилив мимесис чеченцев, т. е. их стремление походить на лучших, усилила и их либидо: любовь к себе, к родным людям и еще, и это важно, к тем, с кем мимесис подталкивал объединиться, слиться в бесстрашной борьбе.

Можно полагать, что оппозиция либидо и мимесиса, присущая городским массам, размывается, перестает действовать у горцев в экстремальных ситуациях. Сливаясь, либидо и мимесис создают мощную смесь отваги, любви, гордости, находчивости и физической выносливости. Возможность почти мгновенного возникновения такой человеческой массы запрограммирована историей горцев. С этой воодушевленной, сплоченной массой вооруженного и мирного населения столкнулась российская армия – неожиданно для своих военачальников и кремлевских экспертов по национальным делам.

Двуликость сексуальность. Равновесие матриархата и патриархата

Биполярность секса

Важнейшим компонентом любовных игр является максимальное проникновение партнеров в личное пространство друг друга, когда перемешиваются игровая агрессивность и любовные отношения. Такое проникновение формирует межличностное пространство, рождающееся в игровой борьбе за право на него, за доминирование и одновременно за биполярное равенство в нем – гармонию двух полюсов: женского и мужского. Побудитель этих игр – эустресс сексуальной любви. Ведущий ее компонент – *смутно осознаваемая, но остро ощущаемая потребность единения подсознательных воплощений «Эго» брачующихся субъектов.*

Сексуальный акт, в оптимальном его воплощении, создает единение мужской и женской самости с образованием *телесно-духовного бисексуального пространства* – зачаток и основу *семейного пространства*. Результатом коитального акта искренне любящих становится их личностное преображение, сопровождающееся эйфорическим ощущением своей семейной сущности, поначалу не вполне осознаваемой основой рождения и воспитания потомства.

Анализ эмоциональных переживаний у лиц, совершивших сексуальное насилие, показал, что во время преступления они находились во власти двух эмоций: сексуального желания, не лишённого чувства приязни, отдаленно напоминающего нежность, своего рода любовь к жертве. Другое чувство – агрессивность – толкало насильника на борьбу с жертвой, на подавление ее противодействия. Нередко эти чувства задолго до преступного акта вынашивались и росли. Откуда эта двойственность, этот «кентавр» эмоций?

Детопродукции в животном мире предшествуют:

1) отбор лучшего партнера, имеющего качества, обещающие максимальную жизнеспособность потомства, партнера, оптимально соответствующего брачующейся с ним особи;

2) оптимизация функциональных соответствий особей в сексуальном контакте.

Отбору этих свойств служат «турнирные бои», после которых самки брачуются с победителями, либо испытание мужской особи женской (самка убегает, и если самец ее не догонит, то рискует остаться без потомства). Оптимизация соответствия самки и самца достигается путем брачных игр. Первая их стадия – демонстрация и испытание партнера. При этом самец может догонять самку, якобы бороться с нею, проявляя или демонстрируя агрессивность. Его победа в любовной борьбе приводит агрессивное поведение в любовное ухаживание.

У человека при сексуальных контактах также возможны не только любовно-экстатические, но и агрессивные эмоции. Их уродливое гипертрофированное сочетание, подавляя интеллектуальное регулирование поведения, может вести к усилению опасного сексуального насилия.

О «матриархах»

Одновременное единение женской и мужской самости усиливает их специфические самостоятельности, и не только как отдельных индивидуумов. Семейная пара – мужчина и женщина, даже до конца не понимая, ощущают, что вошли в реальное (или виртуальное) сообщество ответственно-взрослых мужей и жен, т. е. обрели новые психосоциальные ниши-плацдармы, которые и были испокон веков основами патриархата и матриархата.

Заметим, что квазиисторические предположения, что якобы некогда был исключительно матриархат, сменившийся патриархатом, не выдерживают критики. Эти два психосоциальных феномена равновесны и потому существовали всегда с большим или меньшим преобладанием того или другого. То один, то другой становился более манифестированным (заметным) для посторонних наблюдателей.

Не вдаваясь в обсуждение этой темы, приведем примеры из совсем недавнего прошлого традиционных культур. Известно, что вражду, сражение кавказских мужчин может прекратить женщина, бросив между ними свой головной платок. Это не некое театрализованное действие, а ритуал, когда не любая женщина, а признаваемая всеми, матриарх, совершает «неслыханный» поступок – обнажает голову – и знак своей чести и власти (особый головной убор матриарха) приобщает к основе жизни всех людей, т. е. кладет на «землю-мать».

Не станем подробно излагать всей мистической сущности такого властного вторжения матриархата в действия мужчин, т. е. «попрание» патриархата. Приведем еще один пример их взаимодействия.

В Чечне, в начале 1995 г., после ввода федеральных войск, чеченские интеллектуалы – друзья автора этих строк – позволили ему быть свидетелем уникального события. Тогда решался вопрос – вступать ли чеченскому этносу (народу) в боевое (военное) противостояние с федеральными войсками.

Ночью автор был тайно доставлен на берег реки и там, из-за густых кустов увидел удивительное зрелище. На берегу, на заповедном лугу, при лунном свете женщины, встав в круг, танцевали зикр – ритуальный хороводный танец, сопровождающийся пением заклинаний и молитв. Руководила женщина-матриарх.

На наш вопрос: что это... нам разъяснили следующее.

Матриархат сейчас решает, быть или не быть войне. Только после одобрения матриархатом у нас могут начинаться и завершаться войны. Такова традиция.

Не все осознают силу повседневного взаимодействия матриархата и патриархата, однако они всегда стремятся к равновесию, которое кажется (манифестируется) преобладанием то одного, то другого. Нередко недооцениваются матриархальные влияния на жизнь людей и народов (1; 2; 3; 4).

Жизнеспособность социальных сообществ (семьи, этноса, государства) гарантируется гармонией властных тенденций, реализуемых каждым из двух сексуальных воплощений (женского и мужского), т. е. разделения ареа-

лов частной и общественной жизни с преобладанием в одних ареалах матриархата, в других – патриархата, т. е. двух взаимодополняющих воплощений власти. В традициях запечатлелось оптимальное разделение подчиненных им видов деятельности, быта, пространства (в доме, селе, городе). Оптимальная трансформация воплощений матриархальности и патриархальности в связи с требованиями современных цивилизационных норм стала гарантией благополучия человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсамаков А. Зикризм. – Москва-Грозный, 2006.
2. Казеев Ш. М., Карнеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003.
3. Лаудаев У. Чеченское племя: сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1871. – Вып. 6.
4. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. – Тифлис, 1883.
5. Московичи С. Век толп. – М., 1996.
6. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М., 2004.

|| АГРЕССИЯ В СРЕДЕ ПЕРЕМЕННОГО СОСТАВА

Канд. психол. наук **С. А. Богданчиков**, канд. мед. наук **Л. Н. Иванов**,
Саратовский юридический институт МВД России

Исследование поведения в среде переменного состава отразило главную его особенность, проявляющуюся в сочетании высоких показателей агрессии с относительно высоким уровнем интеллекта курсантов и слушателей.

Изучение проблемы формирования агрессивного поведения свидетельствует о том, что усвоение модели агрессивного поведения зачастую начинается уже на детском уровне и зависит прежде всего от уровня проявления агрессии в семье и ее состава. Наиболее часто агрессия возникает при воспитании в неполных семьях, однако и в этом случае большое значение имеет характер межличностных взаимоотношений до пубертатного периода. Обучению агрессии способствуют взаимодействие со сверстниками, примеры, отражающие преимущества агрессивного поведения. К способствующим факторам относится и изображение агрессии в средствах массовой информации, отсутствие возможности переориентации негативной агрессии в позитивную, например, за счет занятий спортом.

На этапе обучения наибольший уровень агрессии имеет место в тех подразделениях, где дистанция между начальствующим составом и курсантами (слушателями) максимально формализована, на начальных этапах формирования агрессивного поведения превалирует попустительство, а затем следуют дисциплинарные взыскания, где вместо заботы и терпеливого объяснения предпочитают не адекватное проступкам наказание.

При этом необходимо отметить, что первичную социализацию курсанты и слушатели проходят именно в строевых подразделениях, где на примерах взаимоотношений с постоянным составом строевой части приобретают навыки взаимодействия, обучаются поведению и формам взаимоотношений, которые постепенно фик-

сируются. Реакции на неправильное поведение со стороны начальствующего состава фактически формируют у курсантов и слушателей характер межличностного взаимодействия, гармоничный или различной степени дисгармоничный, что и предопределяет проявления агрессивного поведения.

Наиболее слабым звеном межличностного взаимодействия в аспекте профилактики агрессивного поведения в среде переменного состава является стиль руководства, имеющий своей целью изменение поведения курсантов и слушателей, который укладывается в диапазоне от полного невмешательства до серии неадекватных наказаний за неприемлемое агрессивное поведение. Наряду с этим встречаются факты прямого или опосредованного поощрения за агрессивное поведение или смягченное наказание за реализацию агрессивных действий, например, со стороны выдвиженцев из числа курсантов и слушателей, что, в свою очередь, способствует намеренному (или ненамеренному) подкреплению свойственных определенным индивидам агрессивных тенденций.

Зависимость между дисциплинарной практикой, стилем руководства и агрессивным поведением имеет статистически достоверное подтверждение и поэтому должно учитываться при формировании программ психолого-педагогического сопровождения переменного состава в вузах МВД России.

Следует отметить, что количество адекватных наказаний отражает уровень агрессии, свойственный среде переменного состава, и служит маркером, указывающим на необходимость выявления причин агрессии субклинического и клинического уровня. При этом если субклинический уровень позволяет нивелировать проблему на основе средств и методов психологии и педа-

гогики, например, за счет коррекционных мероприятий и переориентации негативной агрессии, то второй, клинический, требует оценки с точки зрения прежде всего психического и соматического здоровья.

Контроль. С этих позиций важны два принципа реализации психолого-педагогического воздействия – адекватный по степени опеки и осведомленности разноплановый (прямой и опосредованный) контроль и последовательность, т. е. постоянство в предъявляемых требованиях и методах дисциплинарного воздействия.

Наказания. Традиционно попытка сдерживать агрессивное поведение с помощью физических наказаний сравнивается с метанием бумеранга. Это объясняется тем, что такое наказание фактически представляет собой потворство агрессивному поведению на основе демонстрации собственной агрессии.

Действительно, проблема наказания и его роль в снижении уровня агрессивности является одной из самых противоречивых в области исследования агрессивного поведения человека. Хотя наказание и дает порой нежелательные эффекты, тем не менее, оно может оказаться действенным средством модификации поведенческих реакций. Результаты экспериментов и исследовательских программ свидетельствуют, что наказание может вызывать устойчивые изменения в поведении, если применяется в соответствии с определенными принципами.

В частности, наказание должно быть напрямую связано с конкретным проступком, с тем чтобы акт наказания регулярно и с высокой вероятностью осуществлялся после совершения проступка. Временной разрыв между неприемлемым действием и наказанием должен быть минимален, так как наказание непосредственно после проступка предполагает большую важность запрета определенной модели поведения и является более действенным, чем отсроченное, когда в течение некоторого времени не делается никаких замечаний и оценок нежелательных действий. Немедленное наказание приносит неприятности до того, как нарушитель сможет осознать удовольствие от совершенного проступка.

Руководитель, который постоянно грозит своим подчиненным наказанием, но не осуществляет своих намерений на практике, по сути дела, учит игнорировать собственные требования, указывая на то, что команды и угрозы не имеют большого значения. Эффективное наказание строится на стандартизации принципов наказания и последовательности осуществления действий, т. е. за одно и то же нарушение всегда должна назначаться одна и та же санкция, независимо от персоналий; нельзя один раз наказать за проступок, а другой раз – игнорировать подобное поведение или смягчить наказание.

При этом необходимо помнить о значимости демонстрации альтернативного поведения, противопоставляемого неправильному, основанному на проявлениях агрессии. Максимальный эффект можно получить только при одновременном осуществлении наказания с объяснением того, какой поступок послужил причиной именно этого наказания. При рассмотрении возможной альтернативы поведения не создаются барьеры, которые могут помешать осуществлению каких-либо действий

вообще и желаемых в частности, но появляется возможность переключения индивида на правильные действия в подобных ситуациях.

Психологический комфорт как основа профилактики агрессии на начальных этапах служебной деятельности возникает в результате фрустрации потребностей. Под фрустрацией в психологии понимается переживание неудач, состояние, вызываемое объективными трудностями или субъективно так воспринимаемыми. Прежде всего сюда относится известный феномен депривации, возникающей в условиях формальных взаимоотношений и отсутствия чуткого внимания к проблемам личности, наиболее часто проявляющаяся при авторитарно-репрессивном стиле руководства. Это приводит к возникновению состояния фрустрации таких жизненно важных потребностей, как потребность в безопасности, любви, общении, познании и т. п. Фрустрация этих потребностей, приводящая к психологическому дискомфорту, серьезно сказывается на психическом и физическом здоровье курсантов и слушателей, что постепенно приводит к противопоставлению курсантов (слушателей) представителям постоянного состава института, которые воспринимаются как источник угрозы и опасности. Следствием является стремление свести возможные контакты до минимума, учащиеся не принимают активного участия в учебном процессе, не отвечают на вопросы во время учебных занятий, так как боятся допустить ошибку, за которой может последовать наказание.

Постоянное ожидание угрозы со стороны окружающих, непрерывные стрессовые перегрузки вызывают истощение центральной нервной системы и провоцирует заболевания на основе психосоматических связей. Переменный состав первого и второго курсов наиболее подвержен психологическому дискомфорту и последующему формированию невротических проблем (нервных расстройств). В основе профилактики упомянутых явлений должна лежать гармонизация отношений между руководителями и подчиненными, основанная на осознании единых целей и задач, способствующих адаптации первокурсников на первых этапах служебной деятельности и приводящих к снижению психологического дискомфорта.

Стрессовые перегрузки рассматриваются как одна из причин дисциплинарных взысканий и проявлений агрессии. Этому способствуют: длительное нахождение в большом коллективе, не основанное на принципах психологической совместимости; неадекватные наказания; фрустрация потребностей; общение сразу со многими представителями начальствующего состава, выдвигающими различные, иногда противоречивые требования.

Как показывает практика, курсанты и слушатели, общительные по природе, без труда вливаются в жизнь института, у малообщительных эта проблема усугубляется, что требует применения индивидуальных комплексных программ психолого-педагогического влияния, устраняющих пробелы в налаживании контактов. Это объясняется тем, что развитие аффективно-потребностной сферы на этапе обучения предполагает становление познавательных и широких социальных мотивов

учения, проявляющихся в основном в потребности общения с преподавательским составом на базе мотивационного развития познавательной деятельности и социализации, включающей умение соответствовать требованиям нормативных документов. Все это позволяет уменьшать вероятность возникновения конфликтных ситуаций в системе межличностных отношений.

Основным принципам психолого-педагогического воздействия должны соответствовать, в частности, такие принципы, как реализация индивидуального подхода, ориентация на неформальное участие в жизни вуза, формирование атмосферы доброжелательности и дружелюбия (исключая при этом панибратские отношения), создание обстановки переживания успеха любого достижения курсанта (слушателя), чему способствует положительная эмоциональная оценка со стороны представителей постоянного состава вуза, развитие у курсантов и слушателей способности к самостоятельной, адекватной оценке своей работы, своевременное оказание квалифицированной психологической помощи и т. п.

Таким образом, профилактика агрессии зависит от успешности реализации комплексного подхода с первых дней служебной деятельности и ориентации на индивидуализацию психолого-педагогического влияния.

Психические расстройства также являются причиной агрессивного поведения. Своевременное выявление изменения поведенческих реакций с преобладанием агрессивных тенденций становится все более актуальным направлением в работе с личным составом, что обусловлено общей негативной тенденцией роста психических расстройств, преимущественно пограничного и невротического уровней.

Профилактика расстройств психической деятельности всегда рассматривалась как важнейшее направление предотвращения отклоняющегося поведения в среде сотрудников ОВД, что выходит далеко за рамки медико-психологического сопровождения личного состава, так как рассматривается в числе общих проблем работы с кадрами, имея своей основной целью разработку научно обоснованных принципов подбора, расстановки и сопровождения кадров.

Постоянно возрастающие требования к деятельности сотрудников ОВД выдвигают на первый план необходимость дальнейшего совершенствования методов ранней диагностики психических расстройств, усиление эмоциональной устойчивости сотрудников, более точного определения характерологических особенностей личности, прогнозирования психоэмоциональной устойчивости. Это возможно осуществить на основе применения универсального маркера, каковым является агрессия.

Наибольшую опасность представляют кратковременные состояния неадекватного психоэмоционального напряжения и психической дезадаптации, возникающие в экстремальных условиях, когда от быстроты и правильности принятия решения, правильности действий зависят успех дела, а нередко и жизнь сотрудника и окружающих его людей. Сотрудники, страдающие нервно-психическими расстройствами, эмоциональной неустойчивостью, представляют значительную социальную опасность, а чрезвычайные происшествия, совершенные работниками ОВД, вызывают негативный

резонанс в обществе и дискредитируют правоохранительные органы.

Наиболее социально опасным проявлением агрессии является атакующая агрессия, под которой следует понимать неспровоцированное нападение. Этот вид агрессивного поведения играет роль своеобразных маркеров психических расстройств и является универсальным признаком психического неблагополучия. Поэтому целый ряд проявлений агрессии международные эксперты по психиатрии считают необходимым ассоциировать с психическими расстройствами, в частности, с проявлениями аутоагрессии, куда отнесено умышленное самоотравление путем приема ненаркотических анальгетиков и жаропонижающих препаратов, успокаивающих (седативных), снотворных и психотропных препаратов, наркотиков и галлюциногенов (пока нигде не классифицированное). Используются другие препараты, возбуждающие нервную систему, неуточненные препараты и биологические вещества, алкоголь. Отмечено умышленное самоотравление путем приема органических растворителей, каустической соды, их испарений и иных газов, прием пестицидов, других химикатов и ядовитых веществ.

Умышленная аутоагрессия проявляется в виде повешения, удушения и утопления, самоповреждения ручным огнестрельным оружием, путем выстрела из винтовки, дробового ружья и крупнокалиберного огнестрельного оружия, а также иного неуточненного огнестрельного оружия. Умышленное самоповреждение наносится использованием взрывчатых веществ, огня и дыма, пара и горячих предметов. Для умышленного самоповреждения применяют режущие и тупые предметы, падение с высоты, падение под движущиеся объекты, совершения автокатастрофы. Самоповреждения производят другими уточненными, а также неуточненными способами.

Агрессия, направленная на окружающих, ассоциированная с психическими расстройствами, включает: физическое насилие, насилие с применением ручного огнестрельного оружия, режущих и тупых предметов, без оружия или орудия. Оно может проявляться как сексуальное насилие, повреждение по неосторожности и в виде оставления в опасности. В результате плохого обращения возникают иные расстройства.

В основе высшей нервной деятельности лежат сложные физиологические процессы, однако основой их является рефлекторная деятельность. В ряде случаев расстройства психики являются следствием дисгармонии в процессах возбуждения и торможения, которые затрагивают прежде всего кору головного мозга и распространяются на подкорковые центры.

Агрессивное поведение лиц с психическими расстройствами является следствием болезненных процессов, характеризующихся определенными сочетаниями (наборами) признаков, поэтому с точки зрения оценки возможного проявления агрессивного поведения психические расстройства неравнозначны.

Так, на начальном этапе служебной деятельности, ограничивающемся первыми двумя годами, наиболее

часто приходится сталкиваться с агрессией, обусловленной **астеническим синдромом**, который характеризуется повышенной утомляемостью, эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью, сменяющимися пассивностью и безразличием. Человек в этом состоянии не переносит яркого света, громких звуков, резких запахов, прикосновения, пребывает в состоянии сонливости, которое сменяется бессонницей, усугубляющей агрессивность индивида.

На втором месте по частоте встречаемости отмечается агрессия, характеризующаяся личностными проявлениями.

Анализ причин агрессии, связанных с **функциональным личностью**, свидетельствует о ее обусловленности индивидуальными чертами (в рамках научного поля психологии), акцентуациями характера и темперамента, что рассматривается как крайний вариант нормы, и специфическими расстройствами личности, являющимися прерогативой психиатрии. Последние представляют значительно большую опасность с точки зрения формирования атакующей агрессии.

Расстройства личности и поведения, возникающие затем в зрелом возрасте, – это устойчивые поведенческие типы, отражающие характеристики индивидуального стиля жизни и способа отношения к себе и другим. Они обусловлены врожденными особенностями и проявляются в раннем возрасте в процессе индивидуального развития или под влиянием конституциональных факторов и социального опыта.

Такие расстройства характеризуются нарушениями эмоционально-волевой сферы и своеобразным, преимущественно аффективным мышлением. Эти люди непоследовательны в суждениях, не всегда адекватны в поступках, однако им не свойственна интеллектуальная недостаточность.

Агрессию в большей степени проявляют параноидные психопаты, которые отличаются от других психопатических личностей высоким уровнем подозрительности, которая служит причиной неправильного истолкования в отношении себя даже дружеских действий, которые трактуются как враждебные. Их склонность к конфликтным ситуациям иногда становится почвой для совершения общественно опасных деяний.

Не менее значимо диссоциальное расстройство личности, при котором на первый план выступают грубое несоответствие поведения общепринятым социальным нормам, их стойкое пренебрежение (конфликт с обществом), эмоциональная холодность, трудности в установлении и поддержании межличностных контактов. Склонность к насилию, в основе которой лежит высокий уро-

вень агрессии и низкий порог ее возникновения, подверженность влиянию стрессовых факторов, проецирование своих неудач на окружение является своеобразным защитным механизмом, который дополняется отсутствием критики к себе и неумением делать позитивные выводы из жизненных ситуаций.

Кроме названных к агрессивным типам относится импульсивный вариант эмоционально-неустойчивого расстройства личности. Возбудимые психопаты (эпилептоиды) характеризуются сходством с измененной личностью больного эпилепсией, отличаются грубостью, неадекватными реакциями, отражающими низкий порог возбудимости, склонностью к атакующей агрессии с применением физической силы.

Склонность к аутоагрессии является одним из признаков истерического расстройства личности (истерическая психопатия). Наиболее комфортно такие люди ощущают себя в ситуациях повышенного внимания к себе, их внешний вид и поведенческие реакции направлены на достижение этой цели, что проявляется демонстративностью и театральным поведением.

Пусковым механизмом в развитии агрессии при **неврастении** являются длительные психотравмирующие ситуации, нарушенный сон, напряженная физическая или умственная работа. Начало заболевания медленное, постепенное, первые признаки болезни отражают изменения эмоциональной сферы и проявляются перепадами настроения, повышенная возбудимость чередуется с эмоциональным безразличием. Высокий уровень возбудимости сочетается с быстрой истощаемостью, что проявляется повышенной утомляемостью, снижением эффективности профессиональной деятельности или самоустранением из активного трудового процесса. В основе этого явления лежит комплекс нарушений, в частности, низкая волевая активность, повышенная истощаемость внимания, низкий темп мыслительных процессов и т. п. Не исключается формирование вполне отчетливых субдепрессивных и депрессивных состояний.

Подводя итоги изучению проблемы агрессии, следует сказать, что проявления агрессии могут выступать в качестве универсального маркера отклонений. Это требует со стороны всех участников воспитательного процесса (специалистов и подразделений, обеспечивающих кадровую работу, служебную деятельность и учебный процесс переменного состава) своевременного реагирования на проявления агрессии. Все сказанное выше убеждает в том, что требуется дальнейшее совершенствование работы с личным составом по различным направлениям, включая профилактику девиантного поведения.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ «ВЫГОРАНИЕ» КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

Т. В. Бобровникова, эксперт-психолог

ЦПД ФГУ ВВК ГУФСИН России по Новосибирской области

В последние десятилетия в нашей стране растет интерес к исследованиям в области организации труда и связанным с этим проблемам. Одной из таких проблем является развитие профессионального «выгорания» у

сотрудников правоохранительных органов (6, 93). Еще в 70-е гг. XX в. ученые обратили внимание на довольно часто встречающееся состояние эмоционального истощения у лиц, занимающихся в различных сферах ком-

муникативной деятельности (врачей, психологов, педагогов, сотрудников правоохранительных органов). Как правило, такие специалисты на определенном этапе своей профессиональной деятельности неожиданно теряли интерес к ней, формально относились к своим обязанностям, начинали конфликтовать с коллегами по принципиальным вопросам, злоупотреблять алкоголем. В дальнейшем у них обычно развивались соматические заболевания и невротические расстройства.

Наблюдавшиеся изменения вызывались длительным воздействием профессионального стресса. Появился термин “burnout”, который в русскоязычной психологической литературе переводится как «выгорание» (6).

Первые описания синдрома эмоционального «выгорания» включали обычно следующие характеристики: отказ от карьерного роста, падение интереса к труду, работе и к жизни в целом, бессонница, головные боли, чрезмерное употребление лекарственных средств. Развитие этого синдрома было обусловлено необходимостью работать в строго нормированном и однообразно-напряженном режиме дня.

Отмечалось также, что у лиц с синдромом “burnout” наблюдалось нарушение профессиональных этических принципов и трудовой дисциплины. Синдром «выгорания» особенно ярко проявляется в профессиональной деятельности сотрудников учреждений исполнения наказаний и характеризуется эмоциональным опустошением, безразличием и даже циничным отношением к осужденным и негативным отношением к себе, чувством неудовлетворенности от своей работы и недооценкой профессиональных достижений, нарушением взаимоотношений с коллегами, в семье, ухудшением качества жизни и состояния физического и психического здоровья.

В последние годы теоретическим вопросам становления и развития личности сотрудника правоохранительных органов уделялось достаточно большое внимание отечественных исследователей (Е. В. Андриенко, М. И. Дьяченко, Н. В. Кузьмина, В. А. Сластенина и др.). Однако специфика организации психологической работы с сотрудниками правоохранительных органов, направленная на профессиональную адаптацию стрессов, остается на периферии практических исследований.

Высокая востребованность сотрудников правоохранительных органов обуславливает актуальность данной темы. Рассогласование представлений относительно психологических особенностей деятельности может привести к некачественной деятельности сотрудника, низкой мотивации и скепсису относительно конечного результата их труда.

Один из основоположников учения о выгорании, С. Maslach характеризует «выгорание» как эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением. Физиологически «выгорание» наиболее близко к третьей стадии общего синдрома адаптации – стадии истощения. Естественно, что соматические проявления, стрессогенные заболевания, которые возможны на этой стадии, присутствуют и при синдроме «выгорания». Хотя стресс в определенной степени физиологичен и является нормальным компонен-

том обыденной жизни, слишком сильный или длительный стресс, безусловно, токсичен. «Выгорание» – процесс сугубо индивидуальный. Риск развития синдрома «выгорания» в высокой степени обусловлен личными особенностями человека и типом реагирования.

Синдром «выгорания» может развиваться при определенном стечении обстоятельств практически у любого человека. Наиболее подвержены такому риску люди, которые перегружены ответственностью и повседневными обязанностями, те, кто работают слишком много в течение продолжительного времени, с большой интенсивностью. Увеличивают восприимчивость к «выгоранию» гиперответственность, отсутствие других интересов, кроме работы, отношение к себе как к единственному человеку, который способен справиться с данной работой. Приведем основные физические и психологические симптомы личностного выгорания.

Физические симптомы: усталость и чувство истощения; восприимчивость к изменениям внешней среды; астенизация; частые головные боли; расстройства желудочно-кишечного тракта; изменение веса, снижение или увеличение; одышка; бессонница и нарушения сна.

Психологические симптомы: снижение работоспособности и продуктивности, обычная работа переносится все тяжелее, а способность выполнять ее снижается. Привычная работа требует все большего времени, человек рано приходит на работу и остается надолго, вынужден брать работу на дом. Изменения в эмоциональной сфере проявляются как неопределенное чувство: неосознанное беспокойство, скука, снижение энтузиазма, обида, разочарование, раздражительность, легко возникающие приступы гнева и раздражительности, чувство вины; чувство невосребованности и ощущение неспособности изменить свою судьбу; дистанцирование от коллег и нарушение внутрисоциальных связей; повышенное чувство ответственности; общая негативная установка на жизненные перспективы; злоупотребление алкоголем или наркотиками.

«Выгорание» является следствием конфронтации с реальностью, когда человек истощается в борьбе против обстоятельств, которые трудно изменить. В результате развивается так называемый профессиональный аутизм. Необходимая работа выполняется, но эмоциональный вклад, который придает решению задач творческую форму, отсутствует.

«Выгорание» – это, в первую очередь, разочарование. Влияние иллюзий на человеческую деятельность неосознано, но, безусловно, существует. Иллюзии создаются и передаются в детском возрасте, но большинство иллюзий сохраняется и у взрослых. Конечно, все новшества начинаются с мечты – веры, в то, что нечто нереальное может стать реальным. Творчество – это продукт иллюзии, а полное отсутствие иллюзий – это цинизм.

На сегодняшний день не существует единого мнения относительно стадийности данного состояния, однако большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей придерживаются трехмерной модели синдрома «выгорания». Согласно этой точке зрения синдром «выгорания» представляет собой трех-

мерный конструкт, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редуцирование личных достижений.

Эмоциональное истощение рассматривается как основная составляющая профессионального «выгорания» и проявляется в эмоциональном перенасыщении и, как результате, впоследствии, в сниженном эмоциональном фоне. Постепенно эмоции приглушаются, утрачивается острота чувств, возникает равнодушие ко всему окружающему, и в первую очередь – к профессиональной деятельности.

Деперсонализация проявляется в деформации (обезличивании) отношений с другими людьми. В одних случаях это может проявляться в возникновении негативизма, циничных установок в повседневных контактах как с коллегами, так и с другими лицами. В иных случаях может быть, наоборот, повышение зависимости от других людей.

Редукция личностных достижений. Указанный комплекс симптомов сопровождается снижением самооценки и может проявиться в тенденции к негативному оцениванию себя, своих профессиональных достижений и успехов либо в редуцировании собственного достоинства, негативизме в оценке служебных обязанностей, снижении профессиональной мотивации, в снятии с себя ответственности, ограничении своих возможностей и обязанностей в отношении окружающих.

Показано, что под влиянием воздействия отрицательных факторов среды у сотрудников учреждений исполнения наказания постоянно снижается требовательность к себе, своим поступкам, действиям, решениям.

Профессиональное «выгорание» проявляется: в стремлении ужесточить условия отбывания наказания; в завышении требований к осужденным; в уверенности в собственной правоте; в правовом нигилизме (сознательное игнорирование правовых предписаний, регламентирующих служебную деятельность) (1, 530).

Профессиональное «выгорание» сотрудников вызывает понижение доброжелательности, коммуникативности, снижение позитивного эмоционального отношения ко всем людям, не только осужденным. При этом повышаются агрессивность, раздражительность, негативизм,

обидчивость, подозрительность. Эти изменения подспудно побуждают развитие чувства вины и приводят к возникновению внутриличностного конфликта. Как ни парадоксально это звучит, но синдром «выгорания» в определенной степени является защитным механизмом, поскольку позволяет человеку дозировать и экономно расходовать свои энергетические ресурсы. Однако данное утверждение справедливо лишь в том случае, когда речь идет о начале формирования этого состояния. На более поздних стадиях «выгорание» отрицательно сказывается на исполнении профессиональных обязанностей и отношениях с окружающими. Синдром «выгорания» имеет много последствий, начиная от усталости, неспособности концентрироваться, нарушений сна, и заканчивая раздражительностью, тревогой и депрессией. Один из существенных признаков «выгорания» – утрата интереса к работе. Поэтому синдром «выгорания» негативно сказывается не только на профессиональной деятельности, но и в целом снижает качество жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева Л. И.* Психологические особенности экстремальных ситуаций правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология / под ред. А. М. Столяренко. – М., 2001.
2. *Волков И. П.* Групповая эффективность в зависимости от психических состояний членов группы // Экспериментальная и прикладная психология. – Л., 1981.
3. *Гурвич И. Н.* Социальная психология здоровья: дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1997.
4. *Ершова Н. Н.* Развитие социальной перцептивной компетентности в системе профессионального общения: дис. ... канд. психол. наук. – М. – 1997.
5. *Ласовская Т. Ю.* Профессиональное выгорание. – Новосибирск, 2004.
6. *Сафронова О. Л.* Модели профессионального стресса // Наука. Техника. Инновации: мат-лы докладов региональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Новосибирск, 2002. – Ч. 5.
7. *Спасенников В. В.* Выбор оптимального варианта комплектования малых групп с учетом совместимости и срабатываемости // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие. – М., 1990.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

О. В. Бровчук, начальник отделения психологического обеспечения
ОрЮИ МВД России

Трансформация важнейших сфер жизнедеятельности современного российского общества, главным и прямым результатом которой должно стать качественное преобразование его базовых социальных институтов и улучшение качества жизни людей, в настоящее время сопровождается усилением роли не контролируемых человеком тенденций, нарастанием неуверенности и неопределенности, социальной апатии, что порождает страхи и тревогу. По мнению отечественных социологов, нормативный идеал современной России приобретает защитный характер и представляет собой не достижение лучшего, а предотвращение худшего.

Социологические исследования конца 90-х гг. XX в. показали, что в числе наиболее сильных факторов страха российского населения оказались обнищание (70,7% респондентов испытывают сильную тревогу и постоянный страх по этому поводу), полное беззаконие (62,2%), криминализация общества (60,1%) и коррупция (58,1%) (4, 67). В числе других факторов были названы распространение эпидемий и СПИДа, терроризм и захват власти в стране экстремистами или мафией, распространение ядерного оружия.

Число респондентов, отметивших рост уровня стресса в сфере семейных отношений, удвоилось, и на 10,0%

возросло число респондентов, указывающих семейные конфликты причиной ухудшения здоровья (2, 174). Большинство респондентов оценивают свое здоровье как удовлетворительное, но число респондентов с плохим здоровьем в последнее время удвоилось. Интересным фактом является то, что ценность здоровья в периоды ухудшения условий жизни сильно понижается, а число людей, считающих, что ради достижения целей можно пренебречь здоровьем, увеличилось.

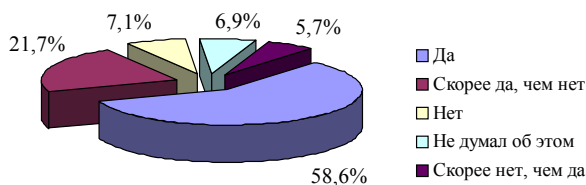
Результаты других исследований позволяют сделать вывод о том, что платой за политические реформы и экономические преобразования в стране является длительное психоэмоциональное напряжение российского населения. Это служит спусковым механизмом хронических заболеваний и блокирует процесс адаптации многих социальных групп (2, 170-183).

Важной характеристикой прогноза адаптационных ресурсов человека, а значит и его психосоматического здоровья является ориентация на собственные усилия в преодолении стрессовых и иных нагрузок, в поддержании своего здоровья. Если принять во внимание, что необходимыми специальными знаниями и практиками борьбы со стрессом, депрессией и аффектами большинство людей не владеют, то можно предположить, что уровень суицидального риска в современном российском обществе достаточно высок.

Так, по данным социологического опроса среди молодежи г. Орла (N = 328), более половины респондентов (58,6%) отмечают наличие в их жизни затруднений (диаграмма 1). Причем мужчины чаще, чем женщины, сталкиваются со сложными ситуациями. И только юноши в возрасте до 18 лет, имеющие неполное среднее образование, считают, что в их жизни нет никаких проблем. Испытывают сильное эмоциональное напряжение по поводу жизненных затруднений женщины в возрасте от 18 до 25 лет с высшим или незаконченным высшим образованием.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли вы трудности?»

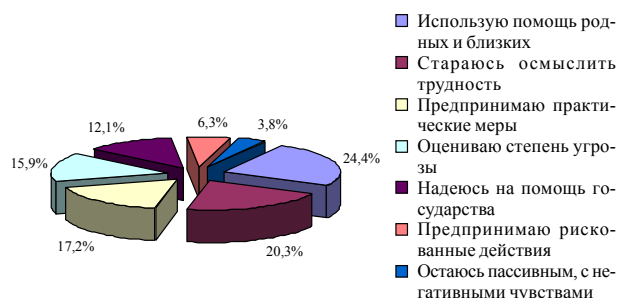


Различные условия, формы и виды жизненных ограничений вызывают у населения не только материальные, но и духовные проблемы, которые в критических ситуациях могут спровоцировать аномальные формы поведения человека, включая суицидальные попытки (диаграмма 2).

Анализ сложившейся ситуации позволяет выделить в числе основных факторов возникновения суицидального риска в современном российском обществе следующие: социально-экономический, политико-правовой, духовно-нравственный, социально-психологический и социокультурный.

Диаграмма 2

Распределение поведенческих реакций при жизненных затруднениях



Снижение уровня жизни и поляризация социальной структуры создают условия для роста социальной напряженности, маргинализации части населения, распространения социальных отклонений (наркомании, алкоголизма, проституции, преступности).

Низкий уровень жизни охватил в первую очередь работников бюджетной сферы, страдающих от закрытия предприятий и хронической невыплаты и без того низкой зарплаты. Среди беднейших слоев оказалось подавляющее большинство научной и творческой интеллигенции, учителей, инженеров и служащих. Крайне низкий уровень оплаты труда этой части населения входит в противоречие с прогрессирующим ростом цен на продукты питания, транспорт, жилье, медицинское обслуживание.

Трансформационные процессы в российской экономике привели к изменениям в структуре занятости населения. Как отмечают экономисты, российская безработица носит региональный характер: по уровню безработицы к кризисным принадлежат 12 регионов, а к предкризисным – 17 (1, 46).

Политико-правовой фактор суицидального риска связан одновременно с несовершенством и неисполнением действующего законодательства и с отсутствием развитой системы правовой и социальной защиты населения, низким уровнем правовой и политической культуры населения. Результаты социологических исследований, проведенных в разных регионах, свидетельствуют о том, что российские граждане итоги своего обращения в правовые учреждения оценивают не вполне положительно (3, 119):

- обращение в правовые органы за помощью в целом было успешно, хотя не обошлось без бюрократической волокиты (27,6%);
- обращение было успешным (22,5%);
- проблему в целом разрешили, но не так, как хотелось бы (17,1%);
- проблему не удалось решить по причине несовершенства закона (10,9%);
- проблему не удалось решить по причине бюрократической волокиты (8,8%);
- проблему не удалось решить по объективным причинам (5,4%);
- проблему не удалось решить по причине некомпетентности правовых органов, в которые обращались за помощью (7,7%).

Чаще всего с трудностями опрошенные сталкивались в районном суде (12,4%), милиции (13,4%), нотариальной конторе (4,6%).

Несмотря на предпринятые в настоящее время политические реформы, в общественном сознании и властных (политических) структурах отсутствуют четкие представления о возможных моделях развития общества, что делает российскую политику и поведение различных социальных групп непредсказуемыми. Важным фактором нестабильности в российском обществе являются межэтническая напряженность и межнациональные конфликты, особенно их политическая составляющая (сепаратизм, дискриминация, дискредитация, терроризм).

На современном этапе развития российского общества состояние нравственного сознания и поведения людей представляет собой глубоко противоречивую картину. Изменилась этическая и эстетическая мотивация поведения, нарушились взаимоотношения личности и общества, межличностные отношения, в негативную сторону изменилась демографическая ситуация – увеличилось количество разводов, беспризорных детей. Ситуация обострилась резким ростом криминализации, наркомании, алкоголизма, распространения СПИДа. Все это привело к снижению у большинства людей ощущения полноты жизни, к изменению социального самочувствия, доминированию ценностей субкультуры над традиционными ценностями.

Усиление социально-психологического фактора суицидального риска обусловлено тем, что субъективное мироощущение, удовлетворенность жизнью, социальное самочувствие современного человека во многом стали зависимыми от содержания процессов, происходящих как в российском обществе, так и в мире в целом. Сложность и, нередко, неразрешимость конфликтных ситуаций во всех сферах нашего общества приводят к депрессивным состояниям, аномативному поведению, в том числе добровольному уходу из жизни.

Социокультурный фактор суицидального риска выделяется в связи с тем, что в историческом контексте отношение к суициду, его причинам и совершению оп-

ределялось тем, как то или иное общество, социальная группа или культура воспринимали понятие смерти. Поэтому самоубийство в разных обществах и в разное время приобретало различную религиозную, нравственную и правовую оценку. В настоящее время наиболее остро обозначена проблема так называемых деструктивных организаций (деструктивные культы, тоталитарные секты), которые представляют собой авторитарные, иерархически построенные организации любой ориентации. Как правило, их деятельность носит разрушительный по отношению к естественному духовному, психическому и физическому состоянию личности характер. По мнению экспертов, 15,0% от общего числа самоубийств совершаются именно в среде деструктивных организаций, где с каждым годом все чаще встречается такое явление, как ритуальный суицид, когда адепт (приверженец секты) приносит в жертву себя. По оценкам специалистов, на территории России активно действуют около 100 сект, и такая ситуация вызывает общественный резонанс.

Таким образом, можно говорить о том, что системный кризис российского общества обострил проблему суицидального риска, с одной стороны, как индивидуального поведенческого акта, с другой – как социального явления. В этих условиях необходимо серьезное переосмысление накопленного опыта государственной демографической и социальной политики в Российской Федерации, а также корректировка ее целей, приоритетов и механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губин Б. В., Павлов В. И., Сенчагов В. К., Сорокин Д. Е. Стратегические угрозы и риски в экономической сфере // Управление риском. Ежеквартальный аналитический журнал. – 2000. – Спец. вып.
2. *Страхи и тревоги россиян.* – СПб., 2004.
3. *Шереги Ф.* Социология права: прикладные исследования. – СПб., 2002.
4. *Шубкин В. Н., Иванова В. А.* Страх и тревога в современной России: опасности XX века и способность противостоять им // *Страхи и тревоги россиян.* – СПб., 2004.

Психология правонарушающего поведения

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Канд. психол. наук, доцент **Л. Н. Костина**

Академия управления МВД России

Результаты проведенного исследования показывают, что опрошенные следователи и дознаватели (90,6% респондентов со стажем до трех лет и 38,1% со стажем работы от трех до пяти лет) испытывают трудности в изучении структуры преступной группы несовершеннолетних, возможного распределения функций и ролей между отдельными ее участниками при совершении преступлений, предполагаемых взаимоотношений в группе и т. п. По мнению опытных следователей, принявших участие в интервью, указанные сложности связаны с отсутствием в литературе обобщенной юридико-психологической информации о преступных группах несовершеннолетних (особенно устойчивых), а также с недостатком профессионального опыта.

В связи с этим представляется необходимым обратиться к достижениям научной мысли и подходов, изложенных в трудах видных отечественных ученых, которые занимались изучением проблем преступности несовершеннолетних. Используя характеристики, традиционно изучаемые в социальной психологии, под преступной группой несовершеннолетних мы будем понимать общность, для которой характерны следующие признаки:

1) в определенной степени организованная малая социальная группа, объединяющая несовершеннолетних лиц разного возраста;

2) члены группы объединены совместной преступной деятельностью;

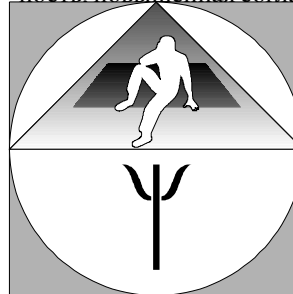
3) группа имеет антисоциальную направленность;

4) между членами группы существуют определенные взаимоотношения и общение.

Первый указанный признак – родовой, так как преступные группы несовершеннолетних относятся к малым группам различной степени организации. Поэтому выделяют случайные, устойчивые, организованные группы. Следует подчеркнуть, что, по мнению К. Е. Игошева, основной чертой преступной группы несовершеннолетних является сознательное или бессознательное подчинение ее членов общей (в той или иной конкретной ситуации) преступной цели (9, 107). Эта цель может быть главной, определяющей, и тогда речь идет о группе с ярко выраженной антиобщественной направленностью. Такая цель может быть для группы и не главной, а лишь ситуативно возникшей. В подобных случаях

группа хотя и не имеет четко определенной основной цели, но психологический «климат» в ней таков, что обуславливает возможность при соответствующих обстоятельствах возникновения преступной цели.

Организация группы предполагает наличие в ней психологической и функциональной структур. Высшая степень такого рода устройства достигается в организованных группах, что наиболее опасно для общества. В своем исследовании Е. Г. Бааль (4, 10) обозначил эти формирования как форму сложного соучастия, где вместе с непосредственными исполнителями преступления фигурируют организаторы, подстрекатели и пособники. Подобные группы отличаются устойчивостью, сплоченностью, повышенной согласованностью действий их участ-



подготовка к совершению преступления, разработка планов посягательств, группной деятельностью, распределением ролей, статистическим данным, в период с момента организации преступных групп колеблется в пределах от 0,4 до 0,6.

В зависимости от типа развития (случайных и организованных) определенные элементы организации существуют обязательно. Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ группа лиц (случайная группа) – состоит из двух и более лиц, объединившихся стихийно, без предварительного сговора, на основе спонтанно возникшей ситуации, под воздействием эмоций, настроений и чувств соисполнителей. Стихийные группы обычно совершают преступление внезапно, импульсивно. Длится такое преступление короткое время, как «вспышка эмоций». Чаще всего подростки или молодые люди с признаками акцентуаций или психопатий, не обладающие криминальным опытом, но склонные к хулиганским действиям, совершают преступление. Из-за спонтанности объединения в такой группе низкий уровень психологической сплоченности, нет выраженного лидера (организатора). В случае разоблачения взаимная поддержка и защита проявляются слабо.

Второй признак раскрывает суть этой малой группы, ее объективный показатель. Группы характеризуются особым рода действиями – групповыми. Последнее есть то, что создается усилиями людей, имеющих в оп-

ределенной ситуации общие цели, распределяющих роли и координирующих совместные действия. Принцип деятельности, сформулированный Л. С. Выготским, разработанный А. Н. Леонтьевым и развитый Г. М. Андреевой, Б. Ф. Ломовым, А. В. Петровским, Д. Б. Элькониним и др., позволяет подчеркнуть ведущую роль деятельности, отношений и общения в становлении и развитии преступной группы несовершеннолетних. Этот принцип является основополагающим при изучении социально-психологических особенностей групп несовершеннолетних.

Именно совместная преступная деятельность является признаком объединения несовершеннолетних в преступную группу. Поэтому для выяснения этих особенностей групп несовершеннолетних правонарушителей сотрудники органов внутренних дел должны обращаться не столько к анализу их общения, а к самому глубокому источнику – к анализу деятельности подростков в группе и тех отношений, которые складываются в процессе ее существования.

Каждый член группы одновременно является членом других социальных общностей, занимает в них определенное место и выполняет определенные роли. Поэтому при расследовании групповых преступлений важно знать, какое место занимает каждый подозреваемый не только в «иерархии деятельности» своей группы, но и в деятельности других групп и коллективов, и какие при этом выполняет роли.

Третий признак – антисоциальная направленность группы – те антисоциальные и асоциальные ценности, интересы, убеждения, влечения, желания, которые в своей совокупности побуждают членов группы действовать как единое целое в совершении преступления. К. Е. Игошев утверждает, что психология членов преступной группы – «...это психология людей, связанных либо ложно понятными интересами, либо уродливо сформировавшимися потребностями; это отношения людей, основанные либо на страхе, либо на материальной и духовной зависимости, либо на круговой поруке. Поэтому поведение каждого члена группы, как правило, коррелируется с общей групповой направленностью» (8, 21-22).

И. П. Башкатов, продолжая эту мысль, отмечает: важно помнить, что групповое мнение, асоциальные нормы и ценности, круговая порука и другие социально-психологические феномены, характеризующие преступные группы несовершеннолетних, не просто являются отражением бытия подростков, они формируются только в асоциальных группах и представляют собой продукт совместной деятельности, отношений, общения правонарушителей и обладают качественным своеобразием по сравнению с индивидуально-психологическими особенностями подростков (5, 15).

Согласно исследованиям, проведенным А. И. Донцовым (6, 33), качества, которые несовершеннолетние преступники считали у себя наиболее ярко выраженными по сравнению с другими (верность долгу, физическая сила, смелость), имеют в их глазах смысл лишь при проявлении и оценке их в группе. Нередко именно криминальная группа предоставляет подросткам желаемые возможности для такой демонстрации. Для одних подростков сближение с группой становится решающим

фактором в формировании их криминальных ориентаций, установок, взглядов; у других негативное отношение к общепринятым нормам и ценностям, искаженные потребности бывают сформированы уже ранее, в семье. В результате многолетнего опыта и под влиянием группы они лишь стимулируются и укрепляются. Кроме того, вторая категория несовершеннолетних дополняет и усиливает антисоциальную направленность групповых норм и взглядов отдельных членов группы.

Четвертый признак преступной группы несовершеннолетних – наличие определенных взаимоотношений и общения. Данный признак является для преступных групп несовершеннолетних одним из основополагающих. Речь идет о том, что общение подростков с себе подобными в свободное (досуговое) время может стать отправной точкой для установления определенных взаимоотношений, приводящих группу к преступлению. Специфичность взаимоотношений и общения в преступной группе несовершеннолетних определяется особенностями совместной преступной деятельности. Непосредственный личный контакт членов группы основан на наличии общей преступной цели (главной или ситуативной), а также единстве циничных отношений к социальным нормам, неуважении норм и правил поведения, установленных в обществе, либо безразличном отношении к ним. В преступной группе в результате постоянного взаимодействия и общения неизбежно возникают оценки и ожидания, требования, носящие характер норм. Предполагается, что все члены группы примут их, и будут соблюдать.

Как отмечал И. П. Башкатов, «За реальными связями правонарушителей, которые формируются в процессе их взаимоотношений, мы можем обнаружить сложную систему ожиданий, взаимного интереса подростков друг к другу, личной неприязни или вражды, различных ролевых и статусных позиций, в которых отражаются межличностные установки» (5, 21).

В преступной группе могут встречаться следующие виды отношений:

– член группы отрицательно относится к группе и не чувствует себя связанным с ней. Он либо не согласен с нормами группы, и тогда это носит скрытый характер, либо под жестким контролем, наблюдением, страхом за свою жизнь он внешне приспосабливается, показывая, что следует тем или иным нормам. Такой вид отношений характерен для «слабого звена»;

– член группы полностью идентифицирует себя со всей группой, одобряет ее и чувствует себя ее участником. В таком случае групповые нормы направляют его поведение, а санкции стабилизируют и изменяют мотивацию.

Как и в любой малой группе, взаимоотношения и общение между ее членами динамичны, развиваются по своим групповым законам. В процессах объединения, обособления преступных групп несовершеннолетних действуют особые социально-психологические механизмы, среди которых профессор А. М. Столяренко выделяет подражание, внушение, убеждение, заражение, конформизм, групповое давление, массовую силу (фацитацию) (17, 187-188).

А. Р. Рагинов, В. Г. Лукашевич, В. А. Рагинов одни из первых указали, что при изучении преступной группы применим методологический подход, связанный с использованием стратометрической концепции группы (16, 135-138). Автор этой концепции А. В. Петровский, рассматривая отношения в группе с позиций деятельностного подхода, сделал важный вывод: межличностные отношения в группе опосредуются содержанием реальной деятельности группы, что позволяет увидеть ее объемную структуру (12; 13).

Практический интерес для органов предварительного следствия представляет изучение преступных групп, ее групповой активности, внутренней структуры преступных групп. Такие исследования были проведены в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры в 70-е гг. Учеными института были выведены коэффициенты, характеризующие групповую преступную деятельность, внутригрупповые, межличностные отношения членов группы, их сплоченность, а также индивидуально-психологические особенности последних (16, 138-177). Данную методику можно использовать при проведении судебно-психологической экспертизы в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Как отмечал И. П. Башкатов, изучение преступных групп способствует лучшему познанию тайн нравственной деформации личности, расследованию совершаемых ими преступлений. Для их изучения он использовал «самореализационную концепцию» неформальных групп. Суть этого подхода заключается в том, что у подростков 14-17 лет преобладает ориентация на внутренние интересы и потребности участников группового процесса. «Подростки никому не нужны, они отчуждаются и выталкиваются на улицу из семьи, школы и других формальных объединений, и им ничего не остается делать, как самим объединяться в какие угодно группы. Главное для них – быть вместе, принадлежать к чему-то, а как оно будет называться, для них все равно» (5, 14-15).

В настоящее время сохранилась актуальность психологических и криминологических исследований личностных и типологических особенностей несовершеннолетних преступников. Личностный принцип (подход), используемый учеными, сводится к теории о биосоциальной природе личности, детерминированности деформаций личности взаимодействием комплекса факторов, связанных с противоречиями общества, внешними условиями социальной сферы и внутренними субъективными свойствами самой личности. Изучая отдельного преступника, мы изучаем его индивидуальность, включающую в себя и общие, присущие другим преступникам черты, и единичные, неповторимые. Однако даже индивидуальные, неповторимые черты все же отражают в себе социально-типическое. По мнению Ю. М. Антоняна, М. И. Еникеева, В. Е. Эминова, криминологическая типология личности преступника помогает выявить причины преступного поведения, а значит с большей эффективностью предупреждать преступления (2).

Для части подростков-правонарушителей характерна главным образом неустойчивость перед особо интенсивным «соблазном» или давлением извне. В возра-

стной психологии отмечается, что подростки не любят тратить время на раздумья и колебания, а быстро переходят к делу; несовершеннолетние готовы на совершение самых невероятных поступков, лишь бы доказать свою взрослость, зрелость. Речь идет о конформности, т. е. подверженности подростков влиянию группы или старшего, физически или психологически сильного человека. Эти качества характера нередко приводят самих подростков к противоправному поведению или используются старшими по возрасту лицами или взрослыми, порой антиобщественными элементами, которые, зная возможность необдуманных поступков со стороны несовершеннолетних, выбирают подходящий момент и вовлекают их в совершение преступлений. Поэтому согласно п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ «следователь обязательно проверяет влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Иными словами, наряду и во взаимосвязи с исследованием вопроса о наличии взрослых соучастников и иных подстрекателей аналогичный вопрос выясняется и в отношении несовершеннолетних, но старших по возрасту» (11).

Изучению личностных особенностей членов подростковых преступных групп посвящены как психологические, так и криминологические исследования. В первую очередь в таких исследованиях отмечаются социально-психологические особенности лидеров (организаторов) преступных групп.

По данным Ю. М. Антоняна, В. В. Юстицкого в качестве организаторов преступных групп несовершеннолетних чаще всего выступают гипертимные (сверхактивные) подростки: активные в деятельности, движениях, обладающие импульсивностью, которые действуют не раздумывая, всегда веселы, разговорчивы, очень энергичны, самостоятельны, не реагируют на замечания, игнорируют наказания, теряют грань дозволенного, у которых отсутствует самокритичность (3). М. И. Еникеев отмечает, что «лидерство в подростковых группах обычно принадлежит типам стеническим (сильным), возбудимым, контактным и постоянно готовым к агрессивным действиям. Иногда лидерство захватывается истероидным типом, демонстративно выражающим общее настроение группы и использующим для поддержания своей “власти” физически сильного, но конформного, нередко отстающего в психическом развитии сверстника» (7, 315-316).

О подобных качествах идет речь и в исследованиях Г. Ш. Глонти: лидер в группе подростков: обладает физическим превосходством – в 40,0% случаев; имеет преступный опыт – в 20,0; способен на жестокую расправу – в 17,0; обладает интеллектуальными способностями разрабатывать преступления – в 13,0% случаев (18, 121).

О. Г. Ковалев, А. И. Ушатилов, В. Г. Деев представляют эталонный ряд идентификационных качеств лидеров криминогенных групп несовершеннолетних: независимость в суждениях и поведении; умение организовывать, подчинять себе других; твердость характера, решительность, требование беспрекословного послушания; наличие опыта асоциальной деятельности, знание субкультуры; внешнее дружелюбие, общительность, умение расположить к себе человека (войти в доверие,

«пустить пыль в глаза»); уверенность в себе, стремление к власти, превосходству над другими; внешняя привлекательность (умение модно одеваться, хорошие манеры); физическая сила, ловкость, выносливость; наглость и цинизм в суждениях и поведении (10, 73).

В целом в представленных особенностях лидеров преступных групп несовершеннолетних речь идет о «сильных» сторонах личности (развитых интеллектуальных способностях, физической силе, волевых качествах и пр.), благодаря которым удастся не только продумать и организовать преступление, повести за собой участников группы, но и быть объектом для подражания в группе.

Важно отметить, что при исследовании особенностей преступной группы сотрудникам органов внутренних дел нельзя ограничиваться изучением индивидуальных характеристик членов группы, их интересов, склонностей, фабулы группового преступления, хотя на первоначальном этапе изучения группы это просто необходимо. Полученные данные о личности каждого преступника должны быть преобразованы в своеобразную систему историй индивидуального общения подозреваемого в семье, школе, на работе, на улице, с друзьями, взрослыми. Как считает И. П. Башкатов, «Знание истории общения дает возможность определить истоки возникновения отклонений в поведении подростка, его участие, роль и место в становлении преступной группы. Путем ранжирования основных видов занятий, интересов и склонностей можно раскрыть и отношения между различными видами деятельности, которые сформированы в индивидуальных историях общения. Эти отношения тоже представляют собой сложную систему, куда входят притяжение или отталкивание, дополнение или замещение, обуславливание или вытеснение» (5, 23-24). Аналогично этому можно выстроить систему отношений внутри группы лиц, подозреваемых в совершении преступления (групповую историю общения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абызов Р. М.* Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.

2. *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996.

3. *Антонян Ю. М., Юстицкий В. В.* Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: учебное пособие. – М., 1993.

4. *Бааль Е. Г.* Современные тенденции преступности среди несовершеннолетних и молодежи: Основные криминалистические показатели, причинный комплекс, проблемы профилактики. – М., 1992.

5. *Башкатов И. П.* Психология групп несовершеннолетних правонарушителей: (Социально-психологические особенности). – М., 1993.

6. *Донцов А. И.* Исследование ценностных ориентаций несовершеннолетних правонарушителей // Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. – М., 1977.

7. *Еникеев М. И.* Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. – М., 1996.

8. *Игошев К. Е.* Правонарушения и ответственность несовершеннолетних: социально-психологический очерк. – Свердловск, 1973.

9. *Игошев К. Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи: учебное пособие. – М., 1971.

10. *Ковалев О. Г., Ушатиков А. И., Деев В. Г.* Криминальная психология: курс лекций. – Рязань, 1997.

11. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / под общ. ред. В. И. Радченко. – М., 2004.

12. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.

13. *Петровский А. В., Шпалинский В. В.* Социальная психология коллектива. – М., 1978.

14. *Психологическая теория коллектива* / под ред. А. В. Петровского. – М., 1979.

15. *Преступность и правонарушения (2000-2004 гг.): статистический сборник.* – М., 2005.

16. *Рапинов А. Р., Лукашевич В. Г., Рапинов В. А.* Личность в преступной группе // Проблемы психологии следственной деятельности: сб. науч. ст. / под ред. А. Р. Рапинова. – Красноярск, 1986.

17. *Столяренко А. М.* Психология и педагогика: учебное пособие для вузов. – М., 2002.

18. *Трудные судьбы подростков – кто виноват?* – М., 1991.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАД ДЕТЬМИ

Доктор психол. наук, профессор **П. Т. Тюрин**, действительный член Российской академии педагогических и социальных наук
Высшая школа психологии Балтийского русского института, Латвия

Долгие годы в обществе господствовало мнение, что сексуальное насилие над детьми у нас практически не существует или оно случается очень редко. Была слабая информированность людей о характере переживаний таких детей, о том, как можно распознать подобные явления и что необходимо делать, если это произошло, а также в чем опасность нераскрытых сексуальных преступлений. Сексуальное использование детей стало актуальной темой в 90-х гг. минувшего столетия в средствах массовой информации Латвии. Уже с 1993 г., когда в прессе начали появляться первые статьи о насилии над

детьми, общество реагировало на эти сведения по-разному. От полного отрицания этой проблемы до чрезмерно частого и тематически неоправданного обсуждения шокирующей информации на телевидении. После «педофильного скандала» осенью 1999 г., в котором, по утверждениям в прессе, были замешаны высокопоставленные чиновники правительства, в обществе и в массмедиа стали более открыто говорить о сексуальном использовании детей и подростков. В тот же период эта тема приобретает специфическую популярность, становится актуальной, и тогда же были приняты соответствующие законодательные акты.

Статистика западных стран показывает:

– по меньшей мере, 25,0% девочек и 10,0% мальчиков (в возрасте до 18 лет) подвержены сексуальному использованию;

– 85,0% становятся жертвами человека, которого они хорошо знают и которому даже доверяют; часто им является член семьи;

– приемные дети подвержены сексуальному использованию в шесть раз чаще, чем другие дети;

– дети, чьи родители в детстве были подвержены сексуальному использованию, подвергаются большему риску, что и они будут сексуально использованы;

– последствия даже одного сексуального использования являются крайне тяжелыми и длительными;

– сексуальное использование ребенка может быть скрытым и трудноопределимым, тем не менее, остается болезненным и пагубным;

– в обществе меньше внимания уделяется скрытому характеру сексуального использования мальчиков, его частоты и значительности проблемы.

Требования закона. Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Латвии предусматривает три уровня участия психолога в работе полиции с несовершеннолетними:

Первый уровень участия психолога – присутствие психолога на допросе.

Согласно статьям УПК Латвии допрос несовершеннолетних производится в присутствии психолога или педагога. Это относится ко всем случаям допроса несовершеннолетних – как потерпевших, так и свидетелей и подозреваемых. Присутствующие на допросе психолог или педагог с разрешения дознавателя или прокурора могут задавать вопросы, знакомиться с протоколом допроса и делать в нем письменные замечания о правильности и полноте протокола, а также подписывает протокол.

Это означает также, что психолог не только наблюдает за происходящим, но и обеспечивает соблюдение прав ребенка, чтобы на ребенка не оказывалось давление, у него не возникало чувство вины или дополнительной угрозы, а также чтобы допрос не наносил ребенку вторичную психотравму.

Закон предусматривает, что педагога или психолога приглашают при допросе свидетеля, не достигшего возраста 14 лет, а по усмотрению дознавателя или прокурора и до 16 лет, и при допросе обвиняемого, не достигшего 16 лет. В случае необходимости приглашают также родителей или других законных представителей несовершеннолетнего.

При исполнении этого закона возникают известные трудности:

– полицейские часто не видят особой необходимости участия психолога при допросе и недовольны этим «излишним усложнением», которого требует закон;

– педагоги и психологи иногда чувствуют себя неуверенно, так как недостаточно информированы о своих обязанностях;

– для участия в допросе нередко приглашаются педагог или психолог из школы, где учится несовершеннолетний, и такое их участие, по существу, оказывается формальным;

– так как опыт психологической работы в Латвии еще невелик (особенно в уголовных делах), должностные лица не всегда имеют адекватное представление о том, что делает психолог и каковы результаты этой работы; они либо преуменьшают значение психолога, либо наоборот, возлагают чрезмерно большие надежды или ответственность: «*посмотри и скажи, было что-то или не было?*»;

– трудности возникают при недостатке опыта у полицейского, сталкивающегося с подобными делами впервые;

– иногда официальный разговор (взятие объяснений) с несовершеннолетним вынужденно проходит коротко и формально, потому что надлежащему выполнению закона мешает нехватка соответствующих специалистов-психологов, финансирования их работы;

– иногда число вовлекаемых в процесс допроса участников слишком велико, что затрудняет разговор с подростком.

В качестве достижений последнего времени можно отметить:

– закон предусматривает, что если психолог находит, что повторный допрос не достигшего 14 лет свидетеля или пострадавшего от насилия или сексуального использования может повредить его психике, то такой допрос может быть проведен только в случае крайней необходимости и при обязательном участии психолога;

– дети, пострадавшие от насилия, могут получить бесплатную психологическую помощь.

Второй уровень – приглашение психолога (специалиста).

Обязанности специалиста: прибыть по вызову; использовать свои специальные знания и навыки, участвовать в следственных действиях, чтобы помочь прокурору в раскрытии, подтверждении и изъятии доказательств; обратить внимание прокурора на обстоятельства, связанные с нахождением, подтверждением и изъятием доказательств; давать разъяснения о действиях, которые он выполняет. Иногда отчет специалиста может быть приравнен к пояснениям свидетеля, например, специалист описывает, каким ребенок был до происшедшего события, какой он теперь, какие констатированы изменения. В других случаях – это разговор с ребенком при приеме объяснений, участие в процессе допроса, знакомство с материалами дела с целью дать заключение о психологическом состоянии ребенка.

Третий уровень – психологическая экспертиза.

Психологическая экспертиза (в отношении потерпевших) позволяет ответить на вопросы:

– способен ли потерпевший, с учетом его индивидуально-психологических и возрастных особенностей и уровня умственного развития, правильно воспринимать существенные обстоятельства дела и правильно свидетельствовать о них;

– способен ли был потерпевший, с учетом его индивидуально-психологических и возрастных особенностей и уровня умственного развития, правильно понимать характер и значение совершаемых против него действий и сопротивляться им;

– могут ли индивидуально-психологические особенности (повышенная внушаемость, подчиняемость, склон-

ность к фантазированию) потерпевшего существенно повлиять на его поведение в момент совершения действий и в настоящее время;

– оказали ли совершенные действия какие-либо последствия на его психическое здоровье;

– может ли он по своему психическому состоянию участвовать в заседании суда, в допросе.

Следует учесть, что закон предусматривает, что экспертом не может быть лицо, ранее участвовавшее в деле как специалист.

Сексуальным использованием детей является их использование в прямых сексуальных контактах или вовлечение их в действия, когда взрослые получают сексуальную стимуляцию или удовлетворение. Такое использование возможно:

1) *без прямого физического сексуального контакта*:

– эксгибиционизм (оголение половых органов);

– разговоры сексуального характера или телефонные звонки;

– обнажение ребенка или наблюдение (вуайеризм);

– фотографирование ребенка голым;

2) *прямым физическим сексуальным контактом*:

– задевание половых органов ребенка;

– принуждение ребенка касаться гениталий насильника;

– интимные поцелуи, ласки;

– оральное, генитальное, анальное стимулирование;

– половой акт;

3) *применение физической силы*:

– изнасилование;

– грубое насилие или угроза применения насилия.

Извращенные действия обычно касаются маленьких детей, зачастую это происходит в семейных отношениях – в случае кровосмешения. Хорошо знакомый, близкий ребенку человек понемногу приучает ребенка к желательному поведению с дальнейшей целью рано или поздно добиться сексуальной близости. Целью и содержанием извращенных действий является создание в ребенке интереса, желания почувствовать раздражение эрогенных зон, формировать интерес к сексуальным действиям.

Изнасилование является навязанным половым актом, к которому жертва принуждается против ее воли с помощью силы, запугивания, обмана или введения в заблуждение об истинной природе этого акта. Закон также относит к изнасилованию случаи, когда насильник воспользовался беспомощным состоянием жертвы для совершения сексуальных действий с жертвой. Например, если жертва находилась в тяжелом алкогольном или наркотическом опьянении, в бессознательном или гипнотическом состоянии и не могла отдавать отчета в характере совершаемых с нею действий.

Существует распространенное мнение, что изнасилование является таковым только в случае, если его совершил незнакомец, в удаленном месте, когда у пострадавшего порванное платье или признаки физического насилия.

На уровне житейского понимания изнасилованием или сексуальным насилием не считается половой акт, совершенный дома, в постели, в кругу друзей или родственников.

Инцест (от лат. incestus – нечистый, нечестивый) – кровосмешение или половые сношения между кровными родственниками. Инцест является формой сексуальных или имеющих сексуальное значение отношений между членами семьи (кровными родственниками или находящимися в семейных отношениях). Инцест является одним из самых эмоционально болезненных форм сексуального использования детей.

Инцест может проявляться в семьях разного типа, независимо от религии, возрастных показателей, экономического состояния, образования или культурной принадлежности. Он проявляется как в «благополучных семьях», так и в таких, в которых происходят непрерывные конфликты. В результате инцестуального использования значительно страдают чувство доверия и самоутверждения. Эти дети не могут помочь себе, охвачены чувством вины, стыда, эмоциональными конфликтами, избегают других. Инцест является особой семейной проблемой, которую нужно решать, работая со всеми членами семьи.

Трудности. Социальные и экономические трудности, стресс, связанный с безработицей, ухудшением жизненных условий в Латвии привели к тому, что возрастают число преступлений в целом, детская и подростковая преступность, проявления насилия в семье, от которых особенно страдают дети и подростки. Кроме того, в современном обществе «эротизация» среды в ее повседневности, несомненно, стимулирует детскую сексуальность, побуждая и взрослого, и ребенка к поиску новых форм ее удовлетворения. Помещение детей в приют, лишение родительских прав как крайнее средство себя не оправдывают. Существующая в обществе тенденция открытия все новых приютов и изоляция детей от семьи является кратковременным мероприятием, не могущим решить проблему в целом, так как насилие в семье не уменьшится, родители будут продолжать пьянствовать и опускаться. Выросшие в приюте дети, как правило, не готовы к самостоятельной жизни, к созданию своей семьи, социальной адаптации в обществе.

Повышение информированности общества помогает распознать правонарушения на раннем этапе, побуждает прислушиваться к тому, что рассказывает ребенок, и доверять ему, а также рождает надежду, что обращение в полицию может дать необходимый результат, хотя бы в отношении прекращения насилия и изоляции насильника.

В то же время доступность информации имеет и недостатки из-за повышенной настороженности, вызванной серьезностью последствий сексуальных преступлений против детей и поднятым вокруг этой темы ажиотажем, характерные для определенного возраста особенности поведения ребенка (которые должны быть в компетенции психологов или даже психиатров, а не полицейских) иногда интерпретируются ошибочно. В результате на основе таких наблюдений и неверных оценок подаются недостаточно обоснованные заявления в полицию.

В других случаях, учитывая повышенное внимание общественности к сексуальным преступлениям против детей, подобные заявления иногда используются как до-

полнительное средство борьбы при решении другого конфликта (например, при разводе, имущественных спорах и т. д.). Естественно, в таких случаях ребенок не может рассказать о «сексуальном насилии» против него, и в его поведении нет признаков, характерных для таких пострадавших.

И еще об одном возможном «дефекте» полицейской работы. Юридически разговор с несовершеннолетним в полиции называется допросом, независимо от того, проводится ли в отношении подозреваемого, свидетеля или потерпевшего. С психологической точки зрения термин «допрос» в отношении к потерпевшему и свидетелю не вполне адекватен, так как содержит в себе оттенок агрессивности. В этих случаях, напротив, необходимо бережное, не травмирующее психику ребенка отношение к нему. Особенно важно это в отношении детей, потерпевших от насильственных действий, а также являющихся свидетелями тяжких преступлений.

Постоянно сталкиваясь с преступлениями, сотрудники полиции нередко начинают воспринимать их как нечто обыденное, как бы само собой разумеющееся («Да что вы так переживаете!? Знаете, сколько у нас таких случаев... у вас-то еще что...»), когда не учитывается, что:

- стрессовой ситуацией для человека нередко является уже сама встреча с полицейским, происшедшее вызывает у потерпевшего неприятные переживания: это чрезвычайное событие затрагивает непосредственно его.

Потерпевшие обычно неохотно рассказывают, даже если уже кому-то рассказывали об этом, если часть фактов ими описана, они нередко о самых тяжелых моментах стараются умолчать.

Иногда **ребенок не хочет рассказывать о происшедшем** по следующим причинам:

- трудно говорить о неприятных вещах или ситуациях, особенно если это касается тебя самого;

- боится за последствия, которые может повлечь раскрытие насилия;

- трудно высказываться перед чужими людьми, в незнакомой обстановке;

- трудно высказываться, когда в помещении находятся много людей (работники полиции, прокурор, психолог, родители);

- боится, как к нему будут относиться окружающие, беспокоится о том, какие изменения наступят после того, как о происшедшем узнают другие люди;

- не осознает, что совершенные по отношению к нему действия взрослого неправильны;

- чувствует себя виноватым в том, что произошло;

- боится, что в связи с выяснением происшедшего откроются другие события, которые он хотел бы скрыть;

- ребенок подкуплен или запуган;

- ребенок не хочет навредить насильнику, который хотя бы в некоторой мере был способен удовлетворить его потребность в ласке, или продолжает рассчитывать, что тот поможет решить ему его проблемы;

- не умеет выражать мысли и последовательно рассказывать;

- не верит, что его показания что-то изменят к лучшему;

- у него создается впечатление, что окружающие его не слушают и не стараются понять;

- ему кажется, что с ним ничего не случилось и ему нечего рассказывать (или он считает, что «многие так делали и... ничего»).

Поэтому очень важно знать не только факты, относящиеся к раскрытию преступления, но и распознать возможные проявления вызванной им психической травмы и факторы, влияющие на поведение потерпевшего.

Неадекватное понимание переживаний потерпевшего может приводить к тому, что полицейский пытается принизить либо, наоборот, преувеличить значение случившегося для потерпевшего.

Несерьезные высказывания, неуместные шутки, оценка происшедшего как малозначительного унижают, ранят потерпевшего, вызывают у него чувство вины и таким образом затрудняют дальнейшее общение с ним, что, естественно, может привести к жалобам на действия полиции.

Преувеличивая драматичность происшедшего, полицейский еще больше погружает потерпевшего в трагические, пессимистические переживания, что также затрудняет правильную оценку случившегося.

Необходим внимательный, серьезный, доброжелательный и деловой подход, в результате которого у потерпевшего должно возникнуть убеждение и подтверждение того, что он поступил правильно, обратившись за помощью в полицию. Он должен получить необходимую информацию о том, какие в его случае будут приняты действия и что может сделать он сам. Потерпевший должен быть уверен, что на полицию можно положиться и что его ожидания оправдаются. В частности, по этой причине психологу полезно было бы предварительно выяснить, какие именно надежды ребенок и родители возлагают на сотрудников полиции.

В задачи психолога входит:

- помочь вести разговор с ребенком при получении объяснений;

- помочь получить более точную информацию от ребенка с учетом его способности высказываться тем языком, который для него привычен, понимать различные используемые слова и формулировки вопросов;

- подготовить ребенка к даче показаний в случае, когда он не настроен или не хочет этого делать;

- помочь управлять в рамках закона эмоциями допрашиваемого, снизить уровень злости, ненависти, отчаяния; изменить негативную установку, стеснение, недоверие; убрать напряжение, подавленность, усталость, чтобы можно было начать диалог с ребенком.

Приведу в качестве примера случай, когда от психолога требовалась способность к импровизациям и быстрой оценке специфики ситуации, с учетом особенностей опрашиваемого.

Девочка 7 лет подверглась грубому сексуальному использованию. Мать девочки выгнала ее из дому, обвинив в том, что она съела несколько конфет из коробки, которую ей принес любовник, и украла несколько монет, лежащих на столе (любовник утверждал, что денег не брал). Огорченную девочку заметил во дворе 63-летний бомж, проживающий неподалеку в сарае. Расспросил, в чем дело, пригласил к

себе в гости, успокаивал, угощал карамельками, звал придти еще и дал денег на мороженое. Вечером, когда она хотела вернуться домой, мать с криками: «Воровка!» снова выгнала ее из дома. Девочка пошла искать приюта у бомжа, который на сей раз решил ее не баловать, а изнасиловал и под разными предлогами удерживал в сарае несколько дней. Мать искала свою дочь, но нашла ее только после того, когда другие дети подсказали, что она живет в сарае в соседнем дворе.

В детской больнице, куда девочка была определена, во время опроса по поводу происшедшего в присутствии прокурора и психолога она заметно смущалась и отказывалась сообщать детали, уличающие насильника. Не дала результата и попытка оставить ее наедине с прокурором-женщиной, ведущей опрос. Поэтому вернувшийся психолог прибег к такому приему: он шепотом предложил девочке смотреть не на пришедших к ней полицейских, а в окно больницы, в парк, и шепотом сказать ему «как все было». Это условие помогло девочке снизить состояние неловкости и с чувством большей защищенности и доверия сообщить о неприятных деталях случившейся с ней истории;

– создать неформальную (не скованную ситуацией допроса) атмосферу; помочь сотрудникам полиции и прокуратуры оценить достоверность рассказа ребенка;

– дать рекомендации сотрудникам полиции;

– дать первоначальные рекомендации родителям или опекунам ребенка по оказанию ему помощи;

– сделать заключение о своих наблюдениях и выводах в процессе приема объяснений и при ознакомлении с материалами дела.

Существует несовершенство законодательства, которое приводит к тому, что:

– уголовное дело не возбуждается, если подозреваемый не достиг совершеннолетия;

– дело прекращается из-за недостатка прямых улик, хотя множество косвенных улик указывают на совершенные преступления;

– закон слишком эластичен, приговор часто зависит от субъективных факторов и если факт преступления не подтверждается судом, то формально нет потерпевшего. Помощь психолога очень желательна, но ее доступность в настоящее время в большой степени зависит от инициативы самого пострадавшего.

На сегодняшний день оптимальной представляется следующая **схема сотрудничества психолога и полиции**, в соответствии с которой необходимо провести:

1. Предварительную беседу с сотрудником полиции, проводящим дознание (допрос), с целью получения необходимой информации и согласования дальнейших процессуальных действий.

2. Подготовку помещения для беседы, чтобы в нем не было угрожающих или, наоборот, игривых плакатов, фотографий, «экспонатов», отвлекающих предметов, включенного радио или мелькающего экрана монитора компьютера и т. п.

3. Предварительную беседу с ребенком, чтобы определить его эмоциональное состояние, отношение к предстоящему разговору с сотрудниками полиции, его способность понимать, объясняться и высказываться, а также чтобы разъяснить ему, с какой целью будет про-

водиться беседа с сотрудниками полиции и для чего необходима та информация, которую он может сообщить, как будет проходить беседа, кто будет в ней участвовать.

4. Иногда необходима предварительная беседа и с родителями (представителями) ребенка, чтобы получить информацию о теперешней ситуации, лучше понять состояние ребенка, а также дать родителям необходимые пояснения о целях и характере предстоящей беседы с ребенком (чтобы снять излишнюю напряженность и предотвратить со стороны родителей попытки регулировать ответы ребенка, подсказки, реплики в адрес следователя и др., могущие помешать рассмотрению дела).

Беседа с ребенком должна проходить в такой последовательности:

1. Нейтральный разговор (нейтральные вопросы).

2. Позволить ему свободно рассказывать («Расскажи все, что ты об этом знаешь»).

3. Открытые вопросы («Ты говорил, что дядя велел тебе подойти ближе, и что потом?... Расскажи об этом»).

4. Специфические, уточняющие вопросы («Как он был одет?», «Какого он был роста?» и т. д.).

5. Закрытые вопросы (ответы «да/нет» или выбор одного ответа из нескольких предложенных).

6. Прямые уточняющие вопросы («Ты сказал, что этот дядя тебя ударил и заставил... Это правда?»).

7. Завершение беседы (поговорить на нейтральную, отвлеченную тему и поблагодарить за предоставленную информацию и помощь).

В соответствии с этой схемой более успешно может действовать владеющий основами психологических знаний полицейский для установления эффективного сотрудничества с психологом, знакомым с уголовно-процессуальным кодексом.

Признаки сексуального использования детей и характеристика насильника. Известен список наиболее часто встречающихся общих признаков.

Физические признаки:

– опухоль, покраснение, ссадины, синяки, зуд в районе гениталий, зада и груди;

– пачкание трусиков (недержание кала);

– пятна, выделения или кровавые пятна на нижнем белье ребенка;

– головные боли или боли в животе;

– венерические заболевания;

– беременность;

– ему трудно сидеть, ходить, появляется несвойственная ранее походка;

– резкие изменения высоты, тембра голоса;

– чрезмерная сонливость или бессонница.

Поведенческие признаки:

– страх перед определенным местом, вещами, человеком, отказ идти в гости;

– категорический отказ оставаться одному, без родителей;

– частые смены настроения, раздражен, грустен, тревожен, подавлен;

– часто плачет, чувствует себя одиноким;

– кошмарные сны, боязнь ночи;

– нервозность, быстрый испуг, страх темноты;

- чрезмерный аппетит или его потеря;
- бесчувственность и понижение самооценки;
- недоверие;
- не позволяет себя ласкать;
- поднятая для поглаживания рука заставляет ребенка сжиматься;
- не разрешает себя раздевать;
- становится неряшливым или чрезмерно следит за собой;
- неожиданно отказывается в присутствии кого-то переодеваться для спортивных занятий;
- трудность установления дружеских отношений, возрастает изолирование от сверстников, отгораживается и отдаляется от них, становится замкнут или, наоборот, заметно более интенсивно, чем ранее, ищет внимания к себе;
- страдает от притеснения сверстников;
- агрессивность, недружелюбное поведение, резко отвечает или чрезмерно уступчив;
- инфантильное или слишком зрелое поведение (появление модели поведения очень маленького ребенка, например, сосет палец, начинает разговаривать как маленький (мямлить); привязанность к объектам или взрослым – в своем поведении становится младше, чем на самом деле).
- слишком нюансированные познания сексуального характера, проявляющиеся в играх с куклами или сверстниками, в рисунках;
- проблемы в школе: неспособность концентрироваться, истощение, снижение оценок, непосещение;
- уходит в школу раньше обычного, не спешит домой;
- убегает из дома или из школы, ночует на чердаке или подвале;
- бегство и суицидальные высказывания;
- употребление алкоголя или таблеток.

Признаки возможного сексуального насилия над детьми многообразны, а самое главное – многие из них часто неотличимы от признаков переживаний ребенка, не связанных с рассматриваемой темой. Часто единственным признаком, свидетельствующим о сексуальном использовании ребенка, является его поведение. Например, изменение привычек отхода ко сну, необъяснимый страх, изменение аппетита, слишком агрессивное или слишком пассивное поведение. Упомянутые симптомы наблюдаются у детей и подростков с разного рода проблемами, с явлениями поведенческого и эмоционального характера, вызванными различными причинами. Только один из упомянутых симптомов изменения поведения еще не подтверждает факта сексуального использования ребенка. Однако в случае, если наблюдаются неожиданные, необъяснимые обычным ходом жизни ребенка перемены в поведении ребенка, следует задуматься о криминальном характере причин того, что же с ребенком происходит, тем более что насилие может проявляться физически, психологически, сексуально.

Дети-жертвы. В случае, если наблюдается несколько признаков, им должно уделяться повышенное внимание, так как вполне возможно, что ребенку нужна помощь, а также необходимо выяснить, не готовится ли

сексуальное нападение или оно совершилось. Если констатированы физические признаки, и изменения поведения, надо полагать, что произошло сексуальное использование ребенка.

Вовлечение в сексуальные отношения, как правило, содержит в себе внушение ребенку чувства вины, роли соучастника. Угрозы, являющиеся для ребенка источником реальной опасности, достигают цели – молчания ребенка. Если поблизости нет никого, кому ребенок мог бы довериться, если ему не верят, не выслушивают, сексуальное насилие может продолжаться годами.

Сексуальное использование происходит в случае, если кто-либо ребенка физически принуждает посредством хитрости, коварства или предложением денег угоняет, принуждает угрозами к любым сексуальным контактам. В результате ребенок подвержен страху, лояльности или патологической привязанности. Ребенок удивлен, почему случившиеся с ним вещи являются плохими. В итоге это создает в ребенке чувство вины и самоосуждения, самобичевания. Ребенок также сознает, что потерял контроль над тем, кто дотрагивается до его тела, каким способом и как это происходит. Таким образом, нападающий часто действует достаточно изощренно, использует свою силу, положение и влияние для управления ребенком. В этой связи обнаружение сексуального использования является затруднительным. Поэтому важно знать не только факты, относящиеся к раскрытию преступления, но и распознать возможные, более ранние проявления вызванной им психической травмы и факторы, влияющие на поведение потерпевшего.

Сексуальное использование детей чаще всего скрывается. Физические симптомы наблюдаются крайне редко. Дети редко сами рассказывают о том, что подвержены сексуальному использованию, так как не понимают, что происходит что-то неприличное или они чувствуют, что нет никого, с кем могли бы поделиться.

14-летняя дочь воспитывалась в очень строгой семье – родители тщательно контролировали ее общение, не разрешали приводить в дом своих знакомых. Однажды, когда родители уехали на дачу, она пригласила в гости нескольких одноклассников. Встреча затянулась, и поздно вечером девушка предложила тем, кому было далеко добираться домой, остаться в доме на ночь, и вступила с одним из юношей, к которому была равнодушна, в интимную связь. Одна из приглашенных девушек на следующий день рассказала в школе о том, как они провели вечер. Об этом вскоре узнала учительница, которая поставила об этом в известность родителей девочки. Разгневанные родители повезли дочь на медицинское освидетельствование, а узнав, что она не виновна, были крайне возмущены. Особенно был расстроен отец. Он назвал ее шлюхой, избил ее, объявил, что она ему больше не дочь, и т. п. Через несколько дней, когда родители ушли на работу, она написала им прощальную записку, в которой говорилось, что она просит у отца прощения за то, что она плохая дочь, просила родителей простить ее, потому что она их предала, и теперь уже измениться не может. Затем написала фломастером на руках и на груди: «Я шлюха, ненавижу вас», взяла бельевую веревку, забралась на дерево и на ветке дерева, расположенной напротив окон их квартиры на втором этаже, повесилась.

Последующее расследование обнаружило в написанных девушкой стихах любовные строки, посвященные отцу. Отец отрицал какие-либо парафилические особенности в их отношениях. Случай неясный, в некотором роде двусмысленный – некоторые его детали дают повод для предположений о готовящемся инцесте. К ним можно отнести: текст на теле дочери носит демонстративный и косвенно обвинительный характер (очевидно, в адрес родителей и в контраст содержанию записки и стихов), а также место и высота повешения, затрудняющие возможность легко уничтожить дополнение к записке, категорический запрет на встречи за пределами школы, бурная реакция отца и др. Так или иначе, но не исключено, что именно специфическая реакция родителей на несанкционированное начало сексуальной жизни дочери усугубили ее состояние и подтолкнули к роковому шагу – такому выходу из амбивалентной ситуации, в которой она оказалась, а не только общее осуждение родителей раннего и добрачного секса, факта возникновения интимных отношений с одноклассником и предание их гласности в школе.

Нападающие-преступники. Анализ уголовных дел показывает, что насильник почти всегда спланировал и изучил возможные реакции потенциальной жертвы. В случае инцеста ребенок продолжительное время приручается, подготавливается, привлекается к разным играм, пока не оказывается готовым к половому акту.

Насильники часто **знакомы детям**, многие из них нравятся детям или стараются им понравиться. Это близкие, соседи или друзья, которых ребенок знает, кому доверяет и часто даже любит. Детей используют не знакомые люди, пожилые или старые и лица с неординарной или патологической внешностью и странным поведением. Статистика Канады показывает, что 85,0-90,0% насильников хорошо известны детям, в том числе 35,0-40,0% являются членами семьи.

Многие из нападающих **сами в детстве были подвержены** сексуальному, физическому или эмоциональному использованию и теперь продолжают эту цепь сексуального использования. Иногда насильники вообще предпочитают отношения с детьми и избегают близких отношений со взрослыми. В других случаях они могут состоять в браке, и у них могут быть семьи.

Хотя сексуальное использование ребенка и является нападением сексуального характера, бывают случаи, что **оно является следствием несексуальных потребностей**. Например, в периоды стресса нападающему трудно найти способ его преодоления; ребенок менее опасен, чем взрослый, поэтому он сексуально использует ребенка, чтобы освободиться от напряжения и почувствовать себя лучше.

Нападающий (и только он) ответственен за содеянное. Преступники нередко настаивают, что ребенок сам идет на подобные отношения, ведет себя вызывающе или сразу же согласен; девочки-девушки сами желают быть изнасилованными, так как ведут себя и одеваются вызывающе, соблазнительно. Перенос вины взрослого на жертву-ребенка (который всегда является в большей или меньшей степени зависимым и подчиненным по отношению к взрослому) – это самое распространен-

ное поведение нападающих для собственного оправдания. Инициатива сексуального насилия и вместе с тем ответственность в конечном счете лежат на нападающем, обусловлена отсутствием у него соответствующей мотивации и воли, чтобы справиться со своим эмоциональным и сексуальным напряжением и влечением. Ни один ребенок не в состоянии соблазнить ребенка на действие, сущность которого он реально не знает. Ребенок ни при каких обстоятельствах не может нести ответственности за случившееся. Пассивность и несопротивление ребенка не должны быть истолкованы как согласие к сексуальным отношениям. Наиболее часто – это непонимание ситуации или эмоциональный шок, свидетельствующий о беспомощном состоянии жертвы. Статистика показывает, что число сексуального использования умственно отсталых детей ничтожно.

Часто нападающий не в состоянии контролировать свое «использующее» поведение. Надо отметить, что некоторых нападающих не тревожат состояние и ощущения ребенка-жертвы, однако большая их часть стремится не травмировать или ранить ребенка. **Некоторые из них испытывают угрызения совести и подлинное желание прекратить преступный образ жизни. Но даже если эти мысли посещают насильников, обычно они продолжают использование ребенка.** В редких случаях, если они все же прекращают сексуальное использование ребенка, то все равно ребенок остается без квалифицированного медицинского или психологического ухода.

Известно, что большинство такого рода сексуальных преступников отрицают или считают минимальным то зло, которое они причиняют своим жертвам. Приведу пример прискорбного события, который произошел с одним сотрудником полиции.

В полицию, по месту работы мужа, обратилась возмущенная женщина, которая случайно обнаружила в его портфеле фотографии их 11-летней дочери, страдающей детским церебральным параличом. На фотографиях она была обнаженной, в различных сексуальных позах. С 6 лет она помещена родителями в специальное детское учреждение. Отец иногда брал ее на выходные домой, и когда жены не было дома, сексуально ее использовал и фотографировал. На допросах он оправдывался тем, что дочери это нравилось, что для нее это была единственная радость, что она сама его об этом просила, и т. п. В процессе следствия выяснилось также, что он фотографировал обнаженной свою жену, а потом захотел расширить свою порнографическую коллекцию.

Насильникам свойственны следующие особенности:

- они собственники и слишком покровительственны;
- держатся в стороне от других;
- злоупотребляют алкоголем или медикаментами;
- стараются манипулировать другими (во что бы то ни стало оказывать влияние на других);
- беспричинно злы, сердиты;
- охвачены мыслями о сексе;
- находятся в такой ситуации, что им легко доступна жертва;
- обладают суггестирующим или соблазнительным поведением или речью;
- боятся своих наиболее глубоких ощущений и их открытых проявлений, делают из них заветную тайну;

- испытывают наслаждение от физического контакта с детьми;
- могут быть бесцеремонными;
- осторожны и предусмотрительны;
- выбирают ситуации, в которых им обеспечен доступ к потенциальной жертве, например, присмотр за детьми, когда они одеваются (раздеваются), моются;
- именно детей воспринимают и используют для своей эмоциональной поддержки;
- сами в детстве были подвержены сексуальному использованию.

Кто является виновником? С обывательской точки зрения, детей используют незнакомые, престарелые мужчины с необычной, неординарной внешностью и странным поведением, которые появляются неизвестно откуда, и что использующие детей являются гомосексуалистами. Но статистика США показывает, что большинство насильников являются мужчинами гетеросексуалами, а большинство жертв – лица женского пола, виновником же, как правило, является человек, хорошо знающий ребенка и часто повседневно с ним встречающийся.

Нападающими могут быть «обычные» люди:

- родители (отец или мать);
- приемные родители;
- братья, сестры, другие дети;
- друзья семьи;
- люди, чье положение открывает им доступ к детям: няни, люди, ухаживающие за детьми, учителя, воспитатели, детско-юношеские предводители, врачи, тренеры.

Где это происходит? Для того, чтобы сексуальное использование ребенка стало возможным, нужен удобный случай, когда виновник остается дома, в комнате или в каком-либо другом уединенном месте, вне дома наедине с ребенком. В нетрезвом состоянии это может произойти и более открыто, хотя нападающие часто виныт алкоголь и наркотики. Это популярное оправдание насильников, аргументирующее их длительно планируемые, заранее обдуманные и фантазией рожденные замыслы, а воздействие алкоголя лишь быстрее устраняет сдерживающие и корректирующие нормы поведения. Анализ предшествующих отношений насильника и жертвы показывает, что обычно насильником подменяются признаки, указывающие на истинные намерения, которые, вероятнее всего, в той или иной форме (может быть, и не преступной) рано или поздно были бы им осуществлены.

Каким образом виновник располагает к себе ребенка?

Наиболее используемым способом расположения к себе ребенка является возбуждение сексуального действия как игры, которая рождает веселье, смех. Иногда ребенку покупают сладости, дают деньги, проявляют заботу и доброжелательность. Поначалу невинные игры и веселье кончаются конкретным и целенаправленным сексуальным действием. Если в это время ребенок пытается оказать сопротивление, особенно в случае боли, то тогда в ход идут угрозы или физическое насилие.

Пример. *Была задержана группа из пятерых детей-подростков (мальчиков) в возрасте – 6 и 8 лет, а также братьев 10, 12 и 16 лет. Они занимались друг с другом развратными и сексуальными действиями. Результаты расследования*

показали, что инициатором сексуальных игр стал 8-летний мальчик, который и вовлекал других детей. Он обнаружил в доме спрятанную родителями видеокассету с порнофильмами. Ознакомившись с ними сам, он затем стал смотреть их вместе с младшим братом, а 6-летний стал рассказывать о том, что у них есть дома, старшим детям во дворе, которые затем и организовали разнообразные формы, в том числе, «настоящего» сексуального общения, с применением насилия по отношению к младшим детям.

Как долго это продолжается? Сексуальное использование ребенка редко представляет собой одиночные случаи. Чем дольше оно продолжается, тем серьезнее последствия, труднее их потом преодолеть, тем серьезнее травма, нанесенная ребенку.

Первое, что требуется сказать ребенку:

- Я тебе верю.
- Ты не виноват. Это не твоя вина, что с тобой так случилось.
- Ты не единственный на свете, с кем так случилось. Иногда взрослые обижают детей, ведут себя нехорошо.
- Ты хорошо сделал, что мне об этом сообщил.
- Я найду возможность тебе помочь.
- Я найду возможность, чтобы это никогда больше не повторилось.

Поддержите детей! Выслушайте их!

- Сделайте так, чтобы ребенок знал, что Вы готовы его выслушать в любое время!
- Спрашивайте, что случилось, однако не делайте это слишком активно – не создавайте ощущения давления!
- Разговаривайте с ребенком в спокойном, безопасном месте, где никто не мешает! Разрешайте ребенку рассказывать о случившемся его же словами, не вдаваясь в детали! Избегайте употребления незнакомых ребенку медицинских или других специальных терминов. Беседа с ним – это не «интервью» ребенка, детальные расспросы пусть останутся прерогативой специалистов.

Верьте детям!

– Примите рассказ ребенка (признайте его рассказ правдивым) даже в случае, если этому трудно поверить, опознать нападавшего, что это – сексуальное нападение! Рассказывая о том, что был сексуально использован, ребенок, не лжет, если при анализе в уголовном деле всплывают факты, которых ребенок не мог знать, если у него не могло быть подобного опыта. Казалось бы, можно допустить, что ребенок выдумал это – увидел в ТВ, в видеофильмах, или мать подучила его, чтобы досадить мужу или извлечь из устранения мужа выгоды. Но ребенок не в состоянии от увиденного в фильме знать мельчайшие детали о половом акте, таким же образом ребенку невозможно внушить ощущения, переживания, которых он не испытал.

Вместе с тем психологу и следователю надо быть внимательным и осторожным в выводах, потому что, хотя и редко, но бывают случаи, когда ребенок может достоверно описать сексуальные отношения, в которых сам не участвовал. Бывают случаи, чрезвычайно редкие, когда ребенок подробно описывает якобы случившееся с ним сексуальное событие, а психолог может

прийти к ошибочному заключению о том, что сексуальный контакт имел место. Например:

В полицию обратилась мать 10-летней девочки, которая рассказала ей, что днем, когда она одна дома, к ним в квартиру приходит их 18-летний сосед по подъезду, и у нее с ним происходят половые отношения. Девочка подробно рассказывала, рисовала и показывала на куклах-муляжах, каким образом они это делали. Она описывала запахи, свои ощущения от прикосновений к телу парня, вела записи этих встреч. По результатам психологического обследования девочки психолог сделал заключение, что весьма вероятно, что она вступала в сексуальные отношения. На допросе подозреваемый полностью отрицал сексуальный характер отношений с девочкой. Проведенное позднее медицинское обследование не подтвердило предположения психолога о наличии сексуальной связи. Ошибка психолога во многом объяснялась тем, что, как выяснилось позднее, он не учел, что у девочки раннее сексуальное созревание, повышенная чувственность, склонность к фантазированию и романтическая мечтательность.

Если пострадал Ваш ребенок или же нападающий является членом Вашей семьи, Ваша первая реакция может быть особенно эмоциональной. Старайтесь сохранять возможное спокойствие и не проявлять резко своих эмоций. Вы можете чувствовать гнев (это естественно), однако его следует сдерживать, чтобы не испугать ребенка.

Психотравмы у детей, подвергшихся сексуальному насилию. Дети, которые были сексуально использованы, всегда чувствуют себя пораженцами даже в тех случаях, когда у них нет физических травм и к ним не применялось физическое насилие. Чувство потери является горьким опытом ребенка, так как он уже не ощущает себя таким, как прежде. Даже если физическая травма, боль или страх были кратковременными, чувство утраты чего-то может сохраниться надолго. Многие из них испытывают **длительные тягостные переживания**: чувство потери, вины; страх, угнетенность, низкая самооценка, утрата чувства доверия, способности к самоутверждению, подавленный гнев (злость) и недружелюбие (враждебность); недоверчивость, неясность границ социальной роли, путаница в сфере распределения социальных ролей; псевдозрелость, сопровождающаяся неудачами в развитии, недостаточность самоконтроля.

Девочки-подростки после сексуального насилия чувствуют страх и задаются вопросом:

- Буду ли я нормальной, когда вырасту?
- Все ли будет хорошо, когда захочу выйти замуж?
- Смогу ли иметь детей?
- Захочет ли кто-то вступить со мной в близкие отношения, если узнает, что я – «такая»?

Подобные вопросы особо обостряются, если девочка-подросток после сексуального использования беременна. Опыт беременности, аборт или вынашивание и роды могут создать проблемы в субъективном отношении к своему телу. Это замечено также в случаях венерических заболеваний, сопровождаемых длительным лечением или операцией.

Помимо этого окружающие определенным образом реагируют на происшедшее. Сверстники нередко

проявляют повышенное любопытство, жалость, отвращение или даже неприязнь, расспрашивают жертву, не считаясь с ее эмоциями и чувствами. Если о происшедшем пишут в газетах, хотя бы и замаскированно, тем не менее, жертвы бывают расшифрованы и идентифицированы, поскольку общество «любопытствует» и не считается с переживаниями членов семьи потерпевших.

Жертвам, уже повзрослевшим, часто трудно подыскать себе супруга(у); по разным причинам они заключают неблагоприятные браки и какие-либо другие сделки; им свойственно портить свои успехи и карьеру; для них характерны пристрастие к алкоголю, затруднения при выборе и приеме пищи, пользование медикаментами, риск и принудительные действия; невозможность иногда определить причину своего одиночества; бывает страх перед сексуальными отношениями или они становятся неразборчивыми.

Родители жертвы. Случается, что родители игнорируют признаки, даже очевидные травмы у пострадавшего ребенка: угнетенность, апатию, неожиданно возникшие трудности в учебе и проблемы в школе, фобии и боязнь темноты, незнакомых, одиночества; отчуждение сверстников, друзей, близких. Нередко родители, отказываясь от психологической помощи и психотерапевтического лечения, оправдываются: *«Мы уверены, что ребенок все сам забудет, а вы будете только оживать прошлое и показывать его намного неприятнее.* Вы не позволяете ребенку забыть происшедшее». На самом же деле родители желают забыть происшедшее, они также чувствуют себя травмированными, понимают свою вину и ответственность за ребенка. Признать необходимость лечения ребенка – значит усилить и свои родительские негативные реакции. Поддержка необходима не только потерпевшему, но и его близким, особенно родителям, и нередко даже большая, чем самому ребенку.

Что нужно знать детям, чтобы себя защитить? Сексуальное использование ребенка является вопросом безопасности, и как таковой он и должен преподноситься. Так же, как мы учим детей, какие правила они должны соблюдать при переходе улицы или при езде на велосипеде, мы должны учить их, как избежать сексуального использования.

Некоторые касания, дотрагивания допустимы (хорошие), а некоторые – нет (плохие).

Дети могут и должны не послушаться взрослого, если это угрожает их безопасности.

В случае, если ребенка сексуально использовали, он должен об этом рассказать, чтобы подобное прекратить. Если вмешательство не последует, ребенок останется незащищенным, будет подвержен риску дальнейшего сексуального использования.

Эту информацию следует донести до ребенка, не запугивая его и не возбуждая болезненной подозрительности к окружающим людям и собственной сексуальности.

Что предпринять, если произошло сексуальное нападение. Незамедлительно заявите в полицию. Только неотложные действия помогут полиции найти и задержать нападавшего.

Отправьтесь в больницу или медицинское учреждение для медицинского осмотра. Там окажут Вам помощь, если будете ранены, а также определят объем травмы.

Не стирайте после нападения испорченное платье, не выбрасывайте его. Оно будет необходимо как вещественное доказательство Вашему заявлению о нападении.

Не мойтесь после нападения. В больнице производят проверку, которая дополнит Ваше свидетельство.

P. S.

Предложенные выше материалы могут быть использованы как методические рекомендации в работе психолога-практика при расследовании преступлений, связанных с сексуальным использованием несовершеннолетних. Опыт показывает, что, по-видимому, следует придерживаться следующей основной позиции – злонамеренное сексуальное использование не является незапланированным и непредсказуемым событием со стороны насильника. Вместе с тем приведенные выше примеры из реальной практики участия в уголовных делах по раскрытию сексуальных преступлений показывают, что в процессе реконструкции расследуемых событий не всегда следует отмечать объяснения обвиняемых, относя их исключительно к лживым выдумкам с целью самооправдания. В последние годы все чаще появляются сведения, из которых следует, что наивные представления об имманентной детской «чистоте» и асексуальности ребенка, являющегося лишь пассивным объектом сексуальных вожделений взрослого, во многом представ-

ляют собой миф. В ряде исследований также показана противоречивость данных о характере последствий сексуальных контактов взрослого и ребенка.

Эти данные лишь подчеркивают необходимость тщательного изучения всех обстоятельств дела, что, в свою очередь, требует специальной подготовки психологов, участвующих в расследовании подобного рода преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. Л. Юридическая психология. – 4-е изд. – СПб., 2001.
2. Вейтнер И. Сексуальное использование детей. Психологические аспекты и особенности следствия. – Рига, 1997.
3. *Совращение* детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Социальная и клиническая психиатрия. – 1998. – Т. 8. – № 3; Педагогика. – 1998. – № 5.
4. Тюрин П. Полицейская этика в работе с жертвами преступлений: доклад на междунар. конф. «Полиция в правовом государстве» – Рига, 2000.
5. Тюрин П. Т. Инцест как дефектное выражение экзистенциального поиска личности // Криминология и юридическая психология в развитии толерантности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (май 2002 г.). – Омск, 2002.
6. Тюрин П. Т. Инцест как специфическое выражение экзистенциального поиска личности // Психология развития. – 2005. – № 1.
7. Чуфанов Ю. В. Юридическая психология. – М., 1995.
8. Howitt D. Paedophiles and Sexual Offences Against Children. – Chichester – N.-Y., 1995.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) КАК СУБЪЕКТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Канд. психол. наук **В. М. Шевченко**

Новгородский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Разработка тактических приемов, направленных на разоблачение ухищрений лиц, совершивших преступление, требует обязательного и полного учета психологической характеристики их действий и поступков, связанных с совершением и расследованием преступлений. В уголовном судопроизводстве под изучением личности понимается целенаправленная деятельность по установлению совокупности данных, характеризующих личность и имеющих значение для правильного применения норм уголовно-процессуального права, выбора и использования эффективных тактических приемов при производстве отдельных следственных действий, а также принятия мер по предупреждению и преодолению противодействия расследованию преступлений.

В связи с этим следует согласиться с И. А. Матусевичем, полагающим, что учет психологических особенностей личности позволяет предвидеть поведение индивидуума в конкретных ситуациях, в частности, то, как будет он реагировать на вопросы и какие тактические приемы в отношении него следует применять.

Организация воздействия следователя на противодействующего следствию обвиняемого, выбор тактических средств (методов, приемов, комбинаций) для преодоления такого противодействия должны осуществляться

на основании индивидуального подхода к каждому обвиняемому, при котором необходимо учитывать:

- индивидуально-психологические особенности допрашиваемого (интеллектуальные, эмоционально-волевые свойства, психические состояния и др.);
- установление психологического контакта (доверительных отношений) с ним;
- особенности конкретной следственной ситуации;
- наличие необходимых профессиональных и личностных качеств следователя (тактико-психологическая компетентность).

Только такой подход дает возможность следователю осуществлять выбор тактических средств для оказания воздействия на обвиняемого с учетом потребностей, мотивов, интересов, мировоззрения, идеалов обвиняемого, его отношения к окружающей действительности, людям, обществу, закону, правоохранительным органам, лицам, исполняющим социальные роли, в частности, следователя, и т. д.

При выборе тактических средств воздействия на противодействующих следствию обвиняемых следователю необходимо учитывать, что потребности, желания, мотивы, интересы у большинства обвиняемых в основном связаны с собственным благополучием, достижением сугубо личностного результата. Такая на-

правленность определяет реакции, переживания, поступки, поведение, индивидуальные действия этих обвиняемых, порождает активное противодействие, которое они оказывают следствию.

Получить информацию о личности обвиняемого следователь может разнообразными способами. В теории криминалистики разные авторы выделяют разные методы изучения личности допрашиваемого.

В. Е. Коновалова считает, что основными методами диагностики личности следует признать наблюдение, беседу и метод независимых характеристик (2, 64-65). И. А. Матусевич выделяет здесь наблюдение и речевую коммуникацию (5, 66), М. М. Коченов, Н. И. Ефимова и другие рассматривают возможности анализа следов преступления, изучения жизненного пути допрашиваемого, использования специальных познаний (3, 11-12). Л. С. Саблина утверждает, что одним из высокоинформативных является метод автобиографии (6, 186-211).

По нашему мнению, наряду с такими распространенными методами, как обобщение независимых характеристик, допросы родственников, изучение автобиографии и опыта, наиболее эффективным методом являются беседа и связанное с ней непосредственное наблюдение за личностью обвиняемого.

Преимущество указанного метода заключается в том, что следователь сам воспринимает объект изучения, т. е. полученная информация более объективна и беспристрастна. Конечно же, и следователь может ошибаться, но именно эти сведения чаще всего лежат в основе формирования его представления о личности обвиняемого и являются наиболее важными с точки зрения исследуемой проблемы.

Личность подозреваемого исследуется главным образом в двух аспектах: криминальном и тактическом. Криминальный аспект охватывает все, что связано с совершением преступления и необходимо для его последующей оценки и правильной квалификации деяния. В тактическом аспекте допрашиваемого изучают прежде всего как участника особого процессуального действия – допроса. Поэтому наибольший интерес для следователя представляют сведения о личностных особенностях подозреваемого, которые будут определять его поведение на допросе. Такие сведения дадут возможность: предвидеть характер развития отношений между следователем и допрашиваемым; предполагать, будет ли допрашиваемый противодействовать расследованию или давать ложные показания; понимать, почему он решает свои задачи определенным образом, к чему стремится и что избегает.

В имеющихся исследованиях главным образом даются многочисленные рекомендации по предварительному изучению личности до допроса. Речь идет об анализе следов преступления, показаний окружающих, анкетных данных (социального положения, рода занятий, профессии, образования и т. п.) и обобщении независимых характеристик. И лишь малая часть рекомендаций относится к изучению (наблюдению) личности во время допросов, очных ставок и других следственных действий с участием изучаемого лица, когда он вступает в непосредственный контакт со следователем. Как известно, основными объектами наблюдения здесь являются внешний облик, поведение и реакции допрашиваемого, его высказывания.

Следственная практика показывает, что в раскрытии и расследовании сложных дел, в которых много неясностей, противоречивых фактов, имеются признаки противодействия расследованию, важную роль играет изучение личности обвиняемого в процессе непосредственного контакта с ним. В подобных делах необходимо пристальное внимание к различным проявлениям и фиксации тех психологических особенностей допрашиваемого, которые по разным причинам не воспринимаются окружающими. Если же производится допрос обвиняемого или подозреваемого, то во многих случаях он является чуть ли не единственным источником доказательств по отдельным обстоятельствам дела, которые могут быть выяснены только с помощью их показаний. Часто бывает важным объяснение специфики поведения и ситуации совершения преступления, истолкованное самим допрашиваемым.

В делах, где заинтересованные лица оказывают активное противодействие расследованию, редко можно получить достаточные сведения о допрашиваемом, имея только поверхностные характеристики или материалы допросов других людей. Стремление же следователя изучить личность заинтересованного лица в ходе допроса в таких случаях наталкивается на особенно стойкое его сопротивление. Желание тщательно скрыть касается не только обстоятельств расследуемого, но и всего того, что к нему относится, в том числе и отдельные свойства личности, вызвавшие его. Допрашиваемый начинает утаивать все, что считает для себя опасным, понимая, что психологическая характеристика составляется и по другим его поступкам, а не только по совершенному преступлению.

В условиях противодействия заинтересованных лиц расследованию, в частности, в начальный период расследования, действия следователя осуществляются в необходимой последовательности. Сначала изучается личность допрашиваемого, затем происходит воздействие на него и, наконец, противодействие преодолевается с помощью полученных доказательств. Такой порядок действий является целесообразным уже постольку, поскольку допрашиваемый сам снабжает следователя необходимой информацией. Поэтому требуется индивидуальный подход в допросе к каждому, особенно к тому, кто противодействует расследованию. Необходимо соотносить определенные свойства личности, отдельные его черты и характеристики со спецификой воздействия на него.

Объем криминалистического изучения личности, т. е. совокупность и глубина исследования подлежащих установлению сведений о личности субъекта противодействия определяется в каждом конкретном случае исходя из задач, решаемых с использованием этих сведений, и с учетом процессуальной роли объекта изучения.

Изучение личности участников активного противодействия расследованию – это познавательная тактическая задача. Можно выделить два уровня тактических задач, решаемых с учетом личностных особенностей подозреваемых или обвиняемых как участников расследования:

первый уровень – общетактический, относящийся к расследованию в целом, а также к любому следственному действию или к группе следственных действий;

второй уровень – локальный, связанный с тактикой отдельного следственного действия.

Например, при совершении мошенничества преступники нередко проявляют такие качества, как лабиль-

ность, хорошая адаптивность, развитое воображение, гибкость ума, низкий уровень эмпатии, эмоциональная отстраненность от собеседника, беспринципность, ориентация на прагматические интересы и др. (1, 121-126). В большинстве случаев обязательным элементом ухищрений мошенников выступает сокрытие ими информации о себе (в частности, предъявляют потерпевшим поддельные документы, удостоверяющие личность, в других случаях ограничиваются сообщением о себе ложных сведений). Помимо этого преступники прибегают к мерам маскировки внешности при совершении либо после совершения преступления.

Определение круга лиц, среди которых следует искать предполагаемого преступника, в немалой степени зависит от знаний типичных черт мошенников, использующих особые психологические ухищрения. Среди социальных свойств личности по их значимости в первую очередь выделяется наличие преступного опыта. Как показывает исследование, велика доля лиц, ранее судимых и привлекающихся к уголовной ответственности.

Среди психологических качеств мошенников, способствовавших осуществлению замысла, отмечаются такие, как коммуникативность, умение расположить к себе собеседника, завоевать симпатию потерпевших, создать имидж преуспевающего бизнесмена. Поскольку при совершении преступления преступник входит в контакт с предполагаемой жертвой, он обычно создает впечатление солидного человека, умеющего «себя подать», оставляющего благоприятное впечатление.

Не менее важен и другой аспект изучения личности субъекта противодействия. Если субъект установлен, то информация о его личности позволяет правильно выбрать тактику проведения следственных действий, проводимых с его участием.

Как известно, тактическое воздействие – это всякое правомерное воздействие на тот или иной объект, осуществляемое с помощью тактических приемов или на основе тактики использования иных криминалистических средств и методов, как собственно криминалистических, так и обязанных своим происхождением смежным областям знания. Для такого рода воздействия на поведение участников процесса расследования с целью поддержания или изменения их позиции в направлении, необходимом для решения задач раскрытия и расследования преступления, используются тактические приемы управленческого типа. Объектом воздействия здесь является личность участника противодействия расследованию, а научной базой служит юридическая психология.

Решение различных тактических задач тесно связано с оказанием тактико-психологического воздействия на личность. Необходимо отметить, что наиболее сложной из задач являются прогнозирование линии поведения подозреваемых как участников противодействия расследованию и оказание целенаправленного психологического воздействия на них. От правильного выполнения указанных задач напрямую зависит успешность разрешения многих проблемных следственных ситуаций.

Одной из наиболее эффективных форм тактико-психологического воздействия является, как известно, рефлексивное управление. Оно заключается в способности следователя думать и принимать решения за своего «противника», учитывая эти возможные решения при опре-

делении линии своего собственного поведения и принятия тактических решений.

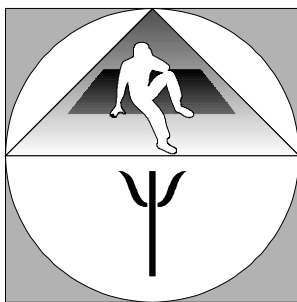
Тактическое воздействие на личность обвиняемого (подозреваемого) со стороны следователя может быть опосредованным, когда на личность оказывают влияние ход расследования в целом и его результативность, и непосредственным, т. е. в рамках личного общения. Первый вид характерен для обвиняемого, постоянно оценивающего совокупность собранных доказательств и выстраивающего на этой основе стратегию и тактику своего противодействия расследованию. Второй – для всех участников следственных действий. Именно в рамках следственных действий используются основные методы психологического воздействия на личность: убеждение, принуждение, запрещение, предупреждение, угроза, внушение, постановка и варьирование мыслительных задач. Механизм воздействия перечисленных методов предполагает обращение к интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферам личности, на которую обращено воздействие.

Одним из основных воздействующих факторов на личность обвиняемого, которым пользуется следователь, является сообщаемая им информация. Однако важны не только ее содержание, но и форма подачи (устное сообщение от лица следователя, оглашение материалов дела; демонстрация предметов и их изображений; демонстрация действий других лиц и т. д.). Тактически значим выбор момента предъявления информации, последовательность предъявления ее отдельных фрагментов. Имеет тактическое значение и демонстрация следователем своего отношения к предъявляемой информации (беспристрастность, заинтересованность), а также реакции на поведение лица, на которое обращено тактическое воздействие. Эта реакция может быть негативной или позитивной, выражаться в неприятии, одобрении, сожалении и т. д.

Таким образом, тактическое воздействие со стороны следователя на обвиняемых (подозреваемых) как участников процесса расследования заключается в изменении их позиции и поведения в направлении, способствующем решению конкретных задач определенного следственного действия. Чаще всего воздействие направляется на преодоление установки на дачу ложных показаний или на отказ от дачи показаний, на четкое выполнение процессуальных функций в ходе следственного действия и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков С. И. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики. – Саратов, 1981.
2. Коновалова В. Е. Психология в расследовании преступлений. – Киев, 1970.
3. Коченов М. М., Ефимов Н. И., Кривошеев А. С., Ситковская О. Д. Изучение следователями психологии обвиняемого: учебное пособие. – М., 1987.
4. Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
5. Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. – Минск, 1975.
6. Саблина Л. С. Автобиография как метод изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника. Методы исследования. – М., 1976.
7. Филонов Л. Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. – М., 1979.



ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПО ТЕСТУ СОНДИ ПРИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОВД

М. Е. Щеголева, психолог ОВД
г. Томск

Деятельность практически любой организации существенно зависит от качественных характеристик работающих в ней сотрудников. Сегодня особенно остро актуализируется проблема совершенствования профессионального отбора как системы, позволяющей объективно отобрать из общей массы претендентов тех, кто способен трудиться по тому или иному направлению.

Профессиональный отбор в ОВД – это целенаправленный и периодический процесс, проводимый во всех случаях, когда планируется изменить профессиональный статус оцениваемого сотрудника. Цель отбора заключается в выявлении и изучении личностных качеств сотрудников ОВД для различных служб и на различных этапах служебной деятельности. Успешность и адаптированность личности к профессиональным нагрузкам связана с рядом закономерностей, одна из которых представляет собой в соответствии способностей личности сотрудника ОВД к предполагаемой должности. Сотрудники ОВД при исполнении должностных обязанностей испытывают большое количество стрессовых факторов, которые оказывают влияние на эмоциональное состояние и личностные особенности.

Согласно приказам, регламентирующим деятельность психологов ОВД, изучение кандидатов и сотрудников осуществляется с помощью определенных психолого-диагностических методов. Практические психологи сталкиваются с тем, что проективные тесты (Сонди, Люшера, ЦТО и др.) очень значимы в диагностике постстрессовых расстройств, в оценке адаптации сотрудников к служебной деятельности, а также в диагностике их психоэмоционального состояния на определенных этапах службы.

Тесты, используемые для обследования сотрудников психологами ОВД, должны быть достаточно компактными и удобными в работе. Выделенный из блока диагностического материала *тест Сонди* соответствует данным критериям. Методика дает возможность отследить изменение личностных особенностей и эмоционального состояния личности в динамике, а во время тестирования позволяет наблюдать эмоциональный фон, невербальные и вербальные реакции при интерпретации диагностического материала*.

Предметом нашей работы являлось изучение изменения индивидуальных особенностей и эмоционального состояния сотрудников оперативных служб (ОУУМ и ОУР) при выполнении служебных обязанностей с целью выявления лиц, обнаруживающих признаки дезадаптации, нуждающихся в психологическом сопровождении со стороны психологов ОВД.

Были обследованы 34 сотрудника оперативных служб со сроком службы от 1 до 5 лет, а именно: участковые уполномоченные ОУУМ и оперуполномоченные ОУР криминальной милиции. Первую группу составили 16 участковых уполномоченных ОУУМ, во вторую группу вошли 18 оперуполномоченных ОУР КМ. Проведен анализ материала по факторам и векторам переднепланового профиля (ППП) теста Сонди (табл. 1, 2).

При анализе **вектора S (вектор сексуального влечения)** получено следующее: положительный фактор (**h+**) – эрос-фактор, отражающий влечение к жизни, потребность в персональной любви, обуславливающий высочайшие ожидания человека в любви от всего существующего в мире, на социальном уровне показывающий такие характерологические черты, как мягкость, сентиментальность и желание нравиться, присутствовал у обследованных и в группе ОУУМ, и в группе ОУР. В группе участковых уполномоченных ОУУМ положительный знак по данному фактору превалировал у всех сотрудников (100,0%), при этом (**h+**) – отмечен у 43,7%, (**h+!**) выделен у 33,3%, а (**h+!!**) у 20,0% обследованных. В группе ОУР фактор (**h+**) проявился у 94,5% сотрудников, (**h+!**) у 22,2%, (**h+!!**) отмечен в 16,6% выборов.

Амбивалентные реакции (**h+-**), которые свидетельствуют о напряженности данной тенденции, отмечались в группе ОУУМ всего в 6,25% выборов, а в группе ОУР – в 5,5% выборов. Нулевая реакция (**h0**), обозначающая ослабление, внешнюю разрядку эротической потребности, не отмечена в группе ОУУМ, а в группе ОУР проявилась только в 5,5% случаев.

Фактор (**s**) по вектору **S-эрос**, показывающий потребность личности к активности или пассивности, потребность в садизме или мазохизме, выделяющий такие характерологические черты, как упорство, самоуверен-

* Собчик Л. Н. Модификационная методика Сонди.

ность, твердость, жажду деятельности, а также покорность, смирение, жертвенность, стремление защитить других превалировал в наших группах в отрицательных (s-) реакциях. Так в группе ОУУМ реакция (s-) была отмечена у 56% сотрудников, что характерно при самопожертвовании, самоотдаче, со склонностью к покорности, а в группе ОУР реакция (s-) отмечена у 50% сотрудников.

Амбивалентная реакция (s+-) выделена у 31,25% сотрудников ОУУМ и у 33,3% сотрудников ОУР. Данная реакция (s+-), по мнению Сонди, свидетельствует о тенденции к садомазохизму и проявляется не только в сексуальных отношениях, но и в других сферах жизни. В социальном плане взаимоотношения между людьми складываются таким образом, что личность, подчиняя себе другого, позволяет более сильному мучить себя, но, обнаружив признаки слабости у того, кто властвует, подчиняемый легко принимает роль садиста. Действие (s+-) реакции, как правило, ослабляется при (h+).

Среднепозитивная реакция по эрос-вектору S (h+s+), указывающая на нормальное состояние индивида в плане любви, а также на относительную свободу от невро-

тизации, проявилась всего у 11,7% сотрудников группы ОУР и у 6,3% сотрудников группы ОУУМ.

При анализе данных по вектору Р – вектору параксимального влечения, фактор (е), выявляющий накопление и разрядку аффекта, а также этические аспекты поведения человека, проявился в различных реакциях. Положительная реакция (e+), свидетельствующая о преобладании «авелевых» тенденций, повышенного чувства собственной вины, с такими характерологическими признаками, как совесть, терпимость, готовность помогать, по данным обследования, оказалась более свойственной для сотрудников группы ОУУМ и выделена у 43,7%. В группе ОУР реакция (e+), указывающая на «муки большой совести», отмечена только у 27,7% сотрудников.

Отрицательный фактор (e-), свидетельствующий о нетерпимости, снижении этических установок, указывающий на избыточное накопление грубого аффекта, который может привести к неотвратимым поступкам или приступам эмоций, чаще наблюдался у сотрудников группы ОУР – 22,2%, при этом в группе ОУУМ он снижен и отмечался у 12,5%.

Таблица 1

Факторы влечений, определяемых по тесту Сонди

Группа	S-вектор сексуальное влечение		P-вектор параксимальное влечение		SCH-вектор Я-влечение		C-вектор контактное влечение				
	h	s	e	hy	k	p	d	m	k	p	
ОУУМ	h 100%		e+ 43,7%			P+ 37,5%	d+ 16,70%	m+ 50,00%			
	h+ 43,70%		e+- 18,75%			p+- 12,5%		m+ 6,25%			
	h+! 31,30%		e0 25,00%			p0 44,0%	d0 43,75%	m0 11,5%			
	h+!! 18,75%										
h+- 6,25%	s+- 31,25%			Группы	Вектор	S		P	Sch		
	s0 12,50%			hу0 6,3%	Фактор	h	s	e	hy	k	p
		s- 56,25%	e- 12,5%	hу+ 90,9%	У+	1	6	1	1	1	2
		s- 43,75%		hу0 16,6%	У0	1	2	4	1	4	7
		s-! 12,50%		Hy- 50,0%	СНТ	2	7	7	1	5	9
ОУР	h 94,5%	s+ 16,6%	e+ 27,7%			p9 / hх 1 50,0%					
	h+ 50,0%				Группы	Вектор	S		P	Sch	
	h+! 22,4%				Фактор	h	s	e	hy	k	p
	h+!! 16,6%				У+	1	6	1	1	0	0
h+- 5,5%	s+- 33,3%	e+- 5,5%		hу+ 22,3%	У0	0	3	0	0	0	
h0 5,5%		e0 44,4%		hу0 16,6%	Фактор	h	s	e	hy	k	p
				Hy- 50,0%	СНТ	1	16,6%	6	16,6%	9	3
		s- 50,0%	e- 22,2%		k!	22,2%	d12 / h 1 =	симптоматический фактор / коренной ф			

Таблица 2

Формулы наклонностей, определяемых по тесту Сонди

Отмечено проявление амбивалентных (e+/-) и нулевых реакций (e0) по эпилептиформному фактору (e). Так, если сумма реакций напряжения (e+/-) и разрядки (e0) в группах была примерно одинаковой: в ОУУМ – 43,7%, в ОУР – 50,0%, то большая реакция разрядки (e0) по эпилептоидному фактору, т. е. реакция затишья после пароскизма гнева и ярости, преобладала в группе ОУР – 44,4% лиц, а у сотрудников группы ОУУМ отмечена в 25,0% случаев.

Анализировался фактор (hy) параксизмального вектора Р, который показывает механизм защиты перед лицом опасности. Было отмечено, что в группе ОУУМ у 93,7% сотрудников преобладал отрицательный фактор (hy-), указывающий на механизм защиты перед опасностью через застенчивость со стремлением спрятать тонкие душевные переживания, с бегством в мир несбыточных фантазий со склонностью к страхам, а в группе ОУР шло снижение данного фактора (hy-) до 50,0%.

Амбивалентные реакции (hy+/-) накопления агрессии через самодемонстрацию и избыточное тщеславие и реакции разрядки (hy0), указывающие на слабость моральной цензуры, больше были выражены для сотрудников группы ОУР – 39,0%.

Вектор Sch – вектор «Я» включает в себя фактор (k)-сужения «Я», который показывает интроверсию, эгоцентризм, трезвость, рассудочность, жажду власти, стремление к отказу от своих потребностей, вытеснение истинных причин неудовлетворенности. В данный вектор входит и фактор (p) – расширения «Я», который указывает на экстраверсию, пылкую эмоциональность, увлеченность, манию величия, самодовольство и чувство соперничества. Фактор (k) ограничивает бесконечность в расширении своего «Я» под влиянием фактора (p), в результате чего личность приспосабливается к действительности.

Нами было отмечено отсутствие положительной реакции (k+) и доминирование отрицательной (k-) в обеих группах. В группе ОУУМ отрицательная реакция (k-) отмечалась у 68,7%, в группе ОУР – у 77,7% сотрудников. Отрицательный фактор (k-) интерпретируется по Сонди как отказ личности от самореализации. Личность принимает для себя определенных лиц как жестких и агрессивных, переоценивая их значимость, вытесняет из сознания психотравмирующую психику информацию через такие приспособительные функции, как обесценивание, торможение, самоограничение, отчуждение и негативизм. Для группы ОУУМ и для группы ОУР характерны (k-) реакции, выявляющие отчасти бессознательное, отчасти осознаваемое стремление к самоограничению и вытеснению тех влечений, которые окружающими принимаются как не соответствующие морали и идеалам общества.

Нулевые реакции разрядки (k0) интерпретируются по Сонди как отказ от выражения личностной позиции, недостаточность «Я-тормозов» по отношению к собственным влечениям. Они были больше свойственны и отмечены у сотрудников в группе ОУУМ – 25,0% по сравнению с 16,6% у сотрудников группы ОУР. Реакция (k-!), говорящая о выраженной «Я-деструкции», об утрате доверия к окружающим с разрушением внутренних и

внешних ценностей для личности отмечена у 22,2% сотрудников группы ОУР и не выделена у сотрудников группы ОУУМ.

Положительный фактор (p+) вектора влечения Sch, интерпретируемый как тенденция «быть всем», в виде расширения власти над окружением, раздвигания рамок собственного «Я», больше был выражен в группе ОУР и отмечен у 50,0% сотрудников, в группе ОУУМ положительная реакция по данному фактору (p+) выделена у 37,5% сотрудников. Нулевые реакции (p0), т. е. реакции устранения влечения из осознанных потребностей, отмечались у 44,0% в группе ОУУМ и у 33,0% сотрудников в группе ОУР.

Таким образом, при анализе вектора Sch для сотрудников группы ОУУМ и группы ОУР больше были свойственны значения (Sch k- p0) и значения (Sch k- p+). Данные значения указывают на приспособительные реакции при адаптации личности, которые проявляются в механизме вытеснения и торможения. Уход в себя, закрытость являются нормативными факторами для сотрудников этих групп. Данный вектор, по нашему мнению, заслуживает пристального внимания психологов как показатель адаптации кандидатов и сотрудников к жестко регламентирующей, требующей высокой исполнительности системе.

Вектор С (вектор контактного влечения) рассматривался через факторы (d) и (m). Фактор (d) характеризует стремление личности иметь, держаться за все старое, тенденцию верности семье или традициям. В группе ОУУМ отрицательный фактор (d-), указывающий на такие характерологические особенности, как верность и инертность, отмечался у 37,5% сотрудников, в группе ОУР данный фактор отмечен у 16,6% лиц. Реакции (d0), показывающие разрядку по высокой поисковой активности, больше были выражены в группе ОУР – 55,5%, в группе ОУУМ шло снижение нулевых реакций (d0) до 43,7%. Амбивалентные реакции (d+/-) проявились у 11,1% сотрудников группы ОУР.

По фактору (m) вектора контактного влечения С отмечено, что положительная реакция (m+), указывающая на повышенную потребность быть принятым окружением, в группе ОУУМ выделена у 68,7% сотрудников, а в группе ОУР она снижена и отмечена у 50,0% сотрудников. Реакция (m-), интерпретируемая как отрыв личности с побуждением быть свободным от контактов и от коммуникаций, чаще отмечалась у сотрудников группы ОУР – 27,7% и менее выражена была в группе ОУУМ – 12,5%.

По контактному вектору С нами отмечено преобладание реакций (d0 m+) для сотрудников групп ОУУМ и ОУР, когда личность находится в постоянном поиске объектов при сниженной мотивации в привязанности к кому-либо или чему-либо. Для сотрудников группы ОУР желание быть независимым от объекта влечения и обесценивание этого объекта в дальнейшем превалировало по сравнению с сотрудниками группы ОУУМ, для которых реакция по значимости принятия окружением была выше, а уход от контактов с обесцениванием объекта привязанности был ниже.

Интерпретируя сумму переднеплановых профилей (ППП) сотрудников групп, рассматривая проявление

нулевых и амбивалентных реакций, нами исследователи сделали попытку вывести **формулы наклонностей** для среднестатистических личностей групп ОУУМ и ОУР. По сумме амбивалентных и нулевых реакций были вычислены факторная степень напряжения тенденции (**СНТ**) в каждой группе и формула наклонностей для каждой группы. Формула наклонностей представляет собой дробь: числитель – симптоматический фактор, а знаменатель – коренной фактор. Сокращенная формула для среднестатистического сотрудника группы ОУУМ имеет вид $p\ 9/hy\ 1$, а для среднестатистического сотрудника группы ОУР – $d\ 12/h\ 1$.

Данные обследования позволили нам составить личностный портрет среднестатистического сотрудника группы ОУУМ: это личность, стремящаяся к расширению своей власти над окружением через самодемонстрацию, высокомерие, внешнюю пылкую эмоциональность, но при этом она испытывает стыдливость, застенчивость, повышенную совестливость, робость с уходом от реальности в мир собственных фантазий. Сотрудникам группы ОУУМ больше свойственны такие защитные и приспособительные реакции, как подчинение, зависимость от окружения, уход от конфликтов, доброта.

Личностный портрет среднестатистического сотрудника ОУР был следующим – это личность с тенденцией к беспрестанному поиску новых объектов, с уходом от старого, с любопытством ко всему новому, с тенденцией к неверности, непостоянству и неразборчивости в контактах. Для сотрудника ОУР при адаптации к действительности характерны приспособительные реакции через разрядку в виде агрессии и гнева.

Отмечены особенности, присущие обеим группам. Они проявились тенденцией к вытеснению негативной информации, сознательному самоограничению, стремлением к блокировке и вытеснению тех влечений, которые окружающими воспринимаются как не соответствующие морали и идеалам общества. Выяснилось, что характерологические особенности, реакции приспособления и адаптации к действительности напрямую связаны с должностными обязанностями, оперативными заданиями и несением службы сотрудников в определен-

ных условиях. Не последнее место играет ношение форменной одежды, которая является для определенных сотрудников сдерживающим фактором в разрядке аффективных реакций.

Таким образом, сравнение двух групп по Сонди показало, что адаптация сотрудников ОУУМ и сотрудников ОУР к служебной деятельности характеризуются такими защитными и приспособительными механизмами, как вытеснение из сознания травмирующей психику информации, самоограничение с переоценкой действительности, утрата доверия к окружающим. Приспособительными являются и функции торможения в виде ухода в себя, отчуждения, негативизма, закрытости, контроля над поведенческими реакциями при контакте с окружающими. Реакции, оцениваемые в пароксизмальном векторе как патология, возможно, являются нормативными реакциями при адаптации сотрудников к служебной деятельности и заслуживают внимания при интерпретации психологами ОВД.

Предполагаем, что заострение истероидного радикала в разрядке личности при накоплении негативной информации свойственен сотрудникам ОУУМ, а эпиптоидный радикал с грубым аффектом разрядки больше свойственно сотрудникам ОУР.

Полученные данные по личностным характеристикам сотрудников групп ОУУМ и ОУР дают возможность строить тактику в проведении психокоррекционной работы в целях профилактики социально-психологической и профессиональной дезадаптации сотрудников ОВД. В соответствии с этим предполагается возможность осуществлять дифференцированные программы по медико-психологическому сопровождению личного состава ОУУМ и ОУР с участием в реабилитационных мероприятиях психологов ОВД и сотрудников медицинских служб.

Изложенное указывает на практическую ценность проективной методики Сонди в выявлении лиц, находящихся в дезадаптационном состоянии, при психологическом сопровождении сотрудников ОВД и позволяет учитывать личностные особенности в определении направленности предполагаемого рода деятельности сотрудников ОВД.

Информация для подписчиков и авторов

«Психопедагогика в правоохранительных органах»: Научно-практический журнал
Журнал включен ВАК Министерства образования и науки РФ в перечень ведущих научных изданий.
Подписные индексы: 11310 (по каталогу «Почта России»);
41979 (по объединенному каталогу «Пресса России»)

Адрес: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. ГОУ ВПО Омская академия МВД России. Тел.: (381-2) 75-13-04; коммутатор: 75-11-13, (доп. 3-15, 3-16, 3-44). Факс: (381-2) 750560. e-mail: karavaev@omamvd.ru

Уважаемые коллеги!

С 1995 г. выходит журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» периодичностью 4 номера в год. В нем освещаются вопросы профессиональной подготовки, психодиагностики и познания личности, психологии правонарушающего поведения, аспекты психолого-педагогического обеспечения учебно-воспитательного процесса, проблемы практической психологии. Даются рекомендации практическим психологам, преподавателям вузов, руководителям подразделений и др.

К сведению авторов!

Рукопись должна быть представлена на магнитном (Win Word) и бумажном носителе (1 экз., через 1,5 интервала, 14 шрифтом). Объем – не более 10 страниц. Цитируемая литература дается в виде алфавитного списка в конце статьи. Со статьей высылается авторская справка, в которой указываются: ф., и., о. автора (авторов), ученая степень, звание, должность, домашний адрес, телефон.

Внимание подписчиков!

Для оформления приобретения журнала через редакцию необходимо:

1. Заполнить заявку с указанием Ф.И.О. (полностью), точный почтовый адрес (с индексом), количество экземпляров.
2. Оплатить в банке или на почте. Банковские реквизиты: **ИНН / КПП продавца 5507028845 / 550701001**

Код по ОКОНХ 92100. Код по ОКПО 08571185. Код по ОКАТО 52401364000. Получатель: УФК по Омской обл.(л/счет № 06188309190 ГОУ ВПО Омская академия МВД России), БИК 045209001, Расчетный счет № 40503810800001000483 в ГРКЦГУ Банка России по Омской обл. Код платежа 18830201010010000130 ОМА МВД России, разрешение 188056/139 от 21 апреля 2005 г., п. 3, п. 8. Возможна оплата переводом с пометкой «Психопедагогика...».

3. Выслать заявку и копию платежного поручения квитанции по адресу: **644092, г. Омск, пр. Комарова, 7**

ОМА, каб. 152. Редакция журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах», каф. психологии, Караваяву Александру Федоровичу. Тел. 3812-75-13-04

Год выпуска	Кол-во	Цена, руб.	Ставка НДС, %	Сумма НДС, руб.	Цена всего с НДС, руб.	Для зарубежья, руб.
2002 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2002 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2003 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2003 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2004 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2004 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2005 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2005 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2006 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2006 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2006 г. № 3	1	100	18	18	118	250
2007 г. № 1	1	100	18	18	118	250
2007 г. № 2	1	100	18	18	118	250
2007 г. № 3	1	100	18	18	118	250
2007 г. № 4	1	100	18	18	118	250



Отрывной талон (обязательно отправляется в редакцию)

Россия, 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. ОМА МВД России, каб. 152. Тел.: (3812) 75-13-04; 75-04-96;

ЗАЯВКА

на 2002 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз., на 2003 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз.,
на 2004 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз., на 2005 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз.,
на 2006 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз.; № 3 в кол. _____ экз.;
на 2007 г. № 1 в кол. _____ экз., № 2 в кол. _____ экз., № 3 в кол. _____ экз., № 4 _____ экз.

Плата в размере _____ руб. перечислена в адрес журнала в _____ месяце, квитанция, платежное поручение № _____ от _____ прилагается.
Адрес подписчика, телефон: _____